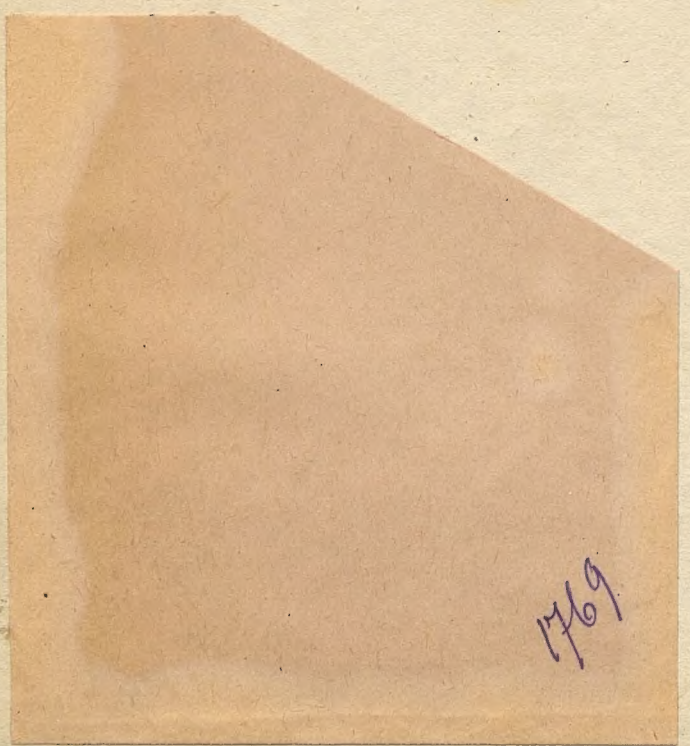
4 5/9 1.



III Гв
А-86 32066
Спр. библиограф. отд
ЮВЧм
А-86

ОБОЗРѢНІЕ

ТРУДОВЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПО

исторической географіи.

Составилъ дѣйствительный членъ А. И. Артемьевъ.

Инв ~~3017~~ Ф 1222972
2
№ 18
Библиотека ... ской Академ...
Шкаф 110
31493
4 5/2 1
Проверено 1941 г.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
№ 126. Типографія Майкова, въ д. Министер. Фин., на Дворц. площ.
1873.

III ГВ 9

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Историческая основа въ изученіи всякаго предмета, въ разработкѣ всякаго вопроса является неизбѣжнымъ условіемъ, ибо служитъ ручательствомъ въ бо̀льшей точности и бо̀льшей правильности выводовъ и заключеній. Но нигдѣ историческій методъ не имѣетъ столь важнаго приложенія, какъ въ Географіи, Этнографіи и Статистикѣ—въ предметахъ, составляющихъ поприще дѣятельности Русскаго Географическаго Общества. Историческій элементъ входитъ въ ихъ содержаніе такъ глубоко, такъ тѣсно, что составляетъ почти сущность содержанія.

Вотъ почему Императорское Русское Географическое Общество, не внося въ свой Уставъ ни одной строки объ исторической географіи, съ первыхъ дней своего существованія, съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности, занялось какъ исторіею географіи, такъ и историческою географіею.

При самомъ открытіи Географическаго Общества, въ собраніи 7 октября 1845 г., помощникъ предсѣдателя (нынѣ графъ) Ѳ. П. Литке, въ своей рѣчи, излагая цѣль учрежденія Общества и указывая „то направленіе, которое работы Общества должны были принять, чтобъ надежно достигнуть предположенной цѣли“ — поставилъ почти на первомъ ряду стремленій „разработку матеріаловъ уже существующихъ, давно собранныхъ и хранящихся въ разныхъ архивахъ“ [1]). Такимъ образомъ, уже въ этотъ моментъ заявлено было, что въ изученіи Русской Земли и Русскаго Народа, Общество должно и будетъ слѣдовать историческому методу.

[1]) Записки Р. Г. О. ч. 1, стр. 31.

Самыя первыя статьи, прочитанныя въ публичныхъ собраніяхъ Общества и напечатанныя въ самыхъ первыхъ его изданіяхъ, статьи, принадлежащія различнымъ Отдѣленіямъ и знакомившія публику съ областью ихъ дѣятельности и какъ бы вызывавшія публику къ соучастію—указывали на необходимость историческаго метода въ изслѣдованіяхъ и широко развивали эту тему.

Такъ славный нашъ физіологъ академикъ К. М. Беръ, первый предсѣдательствовавшій въ Отдѣленіи Этнографіи, въ статьѣ „Объ этнографическихъ изслѣдованіяхъ вообще и въ Россіи въ особенности“ [1]) развивая мысль, что „познаніе племенъ объясняетъ исторію“ и что „исторія просвѣщенія и этнографія въ основаніяхъ своихъ составляютъ одну и туже науку„ —опирается на Новгородскія Лѣтописи и Книгу Большаго Чертежа, въ которыхъ находитъ убѣдительныя доказательства, что Русскіе, „вопреки множества историческихъ сочиненій новѣйшаго времени“ были мореходцы, что со временъ глубокой древности они не только знали берега Сѣвернаго Океана гораздо далѣе Колы, но владѣли ими и, безъ сомнѣнія, первые проникли „на островъ Новую Землю“, честь открытія котораго оспариваютъ другъ у друга Англичане и Голландцы „называя однако его передѣланными на иностранный ладъ русскими словами: Nova Zembla“. Изъ этого знаменитый ученый выводитъ положеніе, что „мѣстныя названія даютъ достовѣрнѣйшія извѣстія, чѣмъ документы“.

Ту же мысль развивалъ и предлагалъ тотъ же историческій анализъ К. М. Беръ въ статьѣ „О вліяніи внѣшней природы на соціальныя отношенія отдѣльныхъ народовъ и исторію человѣчества“ [2]) доказывая, что „историческая судьба народовъ опредѣляется напередъ и какъ бы неизбѣжно природою занимаемой ими мѣстности“.

---

[1] Записки Р. Г. О., I, стр. 93—115.

[2]) Карманная книжка для любителей землевѣдѣнія, — изд. 1849, стр. 195—236.

Еще глубже и шире объяснилъ значеніе исторіи для этнографіи — другой незабвенный членъ нашего Общества, Н. И. Надеждинъ. Въ живой статьѣ своей, читанной въ первомъ годовомъ собраніи Общества 29 ноября 1846 г., „Объ этнографическомъ изученіи народности Русской“ [1]) онъ ставитъ историческій методъ въ основу этнографическихъ изслѣдованій. Статья эта посвящена изображенію „Русскихъ внѣ Россіи“ и преимущественно обитающихъ за Карпатами. Тамъ они извѣчные старожилы и, Богъ вѣсть еще когда, вышли изъ того круга, въ которомъ народности Русской предназначено существованіе самобытное и развитіе независимое, свободное. Эти Русскіе состояли и состоятъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ, совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, при которыхъ народъ Русскій выработался въ основное ядро нынѣшней Россіи, — и не смотря ни на что берегутъ имя „Русскихъ“ какъ драгоцѣнную святыню, ни за что не промѣняютъ его ни на какое другое. Надеждинъ свидѣтельствами изъ нашихъ лѣтописей и изъ венгерскихъ актовъ доказываетъ незапамятность водворенія Русскихъ въ тѣхъ мѣстахъ и постоянную связь ихъ съ настоящею Великою Русью. Развивая свою тему далѣе, авторъ указываетъ на русскихъ поселянъ въ Молдавіи, Валахіи, Малой Азіи и, опираясь на русскія и византійскія лѣтописи, также находитъ, что и тутъ народность русская выказываетъ „значительныя примѣты очень давнишняго туземства, старше гораздо чѣмъ прошлое столѣтіе“. Наконецъ онъ обращаетъ вниманіе и на то, что самая топографическая номенклатура края, какъ за Карпатами такъ и по Дунаю, въ существѣ своемъ донынѣ русская, искаженная только чужеязычнымъ произношеніемъ и приводитъ примѣры наименованій разныхъ такихъ мѣстностей, гдѣ нынѣ нѣтъ Русскаго или вообще Славянскаго населенія. Всѣ эти соображенія сводятся авторомъ къ такому тезису: „Между этнографіею и исторіею существуетъ постоянное, не-

[1]) Записки II, стр. 61—115.

прерывное соотношеніе и взаимнодѣйствіе: если исторія, въ своемъ развитіи, неизбѣжно опредѣляется положительною этнографическою наличностью, то и этнографія, въ складѣ своего наличнаго содержанія, всегда болѣе или менѣе руководствуется историческою памятливостію“ (стр. 99).

А. П. Заблоцкій-Десятовскій, управлявшій Отдѣленіемъ Статистики, излагая въ общемъ собраніи (5 февраля 1847), свой „Взглядъ на исторію развитія Статистики въ Россіи“ [1]) точно также проводилъ мысль о необходимости историческаго метода въ статистическихъ изслѣдованіяхъ. Принимая Статистику„ за науку, имѣющую предметомъ познаніе человѣка въ отношеніи вліянія на него трехъ причинъ — мѣстности, происхожденія или племени и исторіи“ — онъ доказываетъ, что „для нея столь же важны историческія событія, которыя даютъ возможность открывать причины отдаленныя, какъ и ежедневныя періодическія явленія, которыя даютъ возможность открывать общее родовое, найти черты сходныя и подобныя явленіямъ того же рода“. Статистическія свѣдѣнія въ древней Россіи—говоритъ онъ далѣе—начинаются вмѣстѣ съ нашими лѣтописями и съ историческими документами. На этомъ основаніи онъ признаетъ писцовыя книги „драгоцѣннѣйшимъ матеріаломъ для познанія внутренняго состоянія многихъ мѣстностей“ и приходитъ къ заключенію, что статистической наукѣ предлежитъ всѣ эти разбросанные, неотшлифованные камни собрать, подобрать по цвѣтамъ и оттѣнкамъ для составленія мозаической картины древней Руси (стр. 120—124).

Извѣстный нашъ метеорологъ, профессоръ дерптскаго университета, Кемтцъ, въ превосходной популярно - изложенной статьѣ „Объ успѣхахъ землевѣдѣнія съ первой половины XVIII столѣтія“, доставленной въ Общество по отдѣленію Фи-

[1]) Записки II, стр. 116 -134.

зической Географіи [1]) изложивши въ хронологической послѣдовательности воззрѣнія ученыхъ на содержаніе и систему географіи, какъ самостоятельной науки, переходитъ, въ заключеніе, къ доказательству такого тезиса: „Хорошая Географія Россіи была бы не только полезна для обитателей этого государства, желающихъ ближе ознакомиться съ своимъ отечествомъ, но имѣла бы также большое значеніе и вообще для географіи, какъ науки, по множеству различныхъ предметовъ, которые должны бы были войти въ составъ описанія: оно было бы важно не столько по обширности государства, сколько по обилію разнообразныхъ отношеній". Художнически рисуетъ онъ грандіозную картину территоріи Россійской Имперіи, сочетавшей въ своихъ предѣлахъ изумительные контрасты: страны полярныя и тропическія, заоблачныя горы, пустынныя тундры, громадныя рѣки и озера, безграничныя степи и дремучіе лѣса, со всѣмъ свойственнымъ такому характеру мѣстности разнообразіемъ флоры и фауны, и еще съ бо́льшимъ разнообразіемъ степеней гражданственности человѣка, живущаго здѣсь. „Вотъ какое множество разнообразныхъ элементовъ должны мы изучить и обработать для полученія яснаго понятія о природѣ страны, объ обширныхъ ея богатствахъ и о могущественныхъ средствахъ государства" — говоритъ онъ. И заключаетъ: „но для этого необходимо разобрать со всевозможнымъ стараніемъ и сравнить между собою всѣ извѣстія, начиная со временъ Геродота. Тогда только вполнѣ откроется тотъ богатый, скопленный временемъ, запасъ матеріаловъ, то множество важнѣйшихъ фактовъ, отъ которыхъ ожидать должно самыхъ блестящихъ результатовъ для науки и для жизни государства, тогда какъ теперь все это зарыто въ письменахъ мало извѣстныхъ въ отечествѣ и вовсе неизвѣстныхъ за границей".

Таковы были первыя заявленія Общества относительно важ-

[1]) Карманная книжка, стр. 5—158.

ности и необходимости примѣненія исторіи къ трудамъ его. Общество и не могло поступать иначе, потому что оно вполнѣ слѣдовало ученью Карла Риттера, доказавшаго ученому міру, что „Исторія и Географія останутся навсегда неразлучными спутниками“ и что „землевѣдѣніе въ отношеніи къ природѣ и къ исторіи человѣка есть прочное основаніе при изученіи и преподаваніи физическихъ и историческихъ наукъ“ (sichere Grundlage des Studiums und Unterrichtes in physikalischen und historischen Wissenschaften). Въ 1848 г. извѣстный П. В. Голубковъ посвятившій много заботъ и капиталовъ на разработку и обнародованіе разныхъ сочиненій о Средней Азіи, предложилъ Обществу 20.000 р. на изготовленіе и изданіе перевода Риттерова „Erdkunde“. Приступая къ этому великому предпріятію, Общество вознамѣрилось не ограничиваться однимъ только буквальнымъ воспроизведеніемъ знаменитаго творенія, но дополнить и исправить его, на основаніи тѣхъ источниковъ, которые не могли быть доступны Риттеру, для чего въ самой русской ученой литературѣ представлялось уже немаловажное богатство матеріаловъ. Мысль о такомъ именно переводѣ Риттера подана была Н. И. Надеждинымъ [1]).

Отъ усвоенія русской литературѣ классическаго произведенія Риттера Общество ожидало два полезныя послѣдствія: во первыхъ—улучшенія обработки географическихъ предметовъ, равно какъ географическаго преподаванія въ отечествѣ; во вторыхъ — направленія мѣстныхъ изслѣдователей въ Азіи на вопросы дѣйствительно важные или еще не рѣшенные, въ замѣнъ безплодныхъ повтореній однихъ и тѣхъ же свѣдѣній, по незнанію предшествовавшихъ работъ [2]). Эти ожиданія, кажется, оправдались вполнѣ, особенно въ отношеніи мѣстныхъ изслѣдованій въ Азіятской Россіи: стоитъ припомнить только труды Кавказскаго и Сибирскаго Отдѣловъ Общества и многочи-

---

1) Вѣстникъ И. Г. О., XVI, смѣсь 13.
2) Отчетъ за 1850 г., стр. 35.

сленный рядъ статей, относящихся къ Средней Азіи, помѣщенныхъ въ изданіяхъ Общества. Что же касается самого перевода „Землевѣдѣнія Азіи“—то изданные доселѣ, подъ редакціею дѣйств. членовъ П. П. Семенова и В. В. Григорьева, пять томовъ можно признать вполнѣ трудами самостоятельными. Переводчики-редакторы, воспроизводя текстъ Риттера, провѣряли его по тѣмъ источникамъ, на которые ссылался самъ авторъ, чрезъ что, во многихъ случаяхъ, переводъ сдѣлался соотвѣтственнѣе источникамъ, нежели самый оригиналъ. А сверхъ того многочисленныя примѣчанія, дополненія и исправленія, вошедшія въ каждый томъ, сдѣланныя послѣ тщательной критики, составляютъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе для науки вообще, тѣмъ болѣе важное, что значительная часть ихъ основана на матеріалахъ и изслѣдованіяхъ чисто-русскихъ, невѣдомыхъ и недоступныхъ ученымъ Западной Европы.

Приступъ къ переводу Риттерова „Землевѣдѣнія“ послужилъ какъ-бы началомъ тщательной и спеціальной разработки „исторической географіи“ въ Обществѣ. „Направляя всѣ труды свои къ пользѣ Россіи, посвящая ихъ преимущественно къ изученію Русской Земли и Русскаго Человѣка, во всѣхъ ихъ разнообразныхъ отношеніяхъ, стараясь поставить даже тѣ занятія, которыя не относились непосредственно къ Россіи, въ ближайшее соотвѣтствіе съ практическими интересами и нуждами Отечества“ [1]) — Общество естественно должно было, единовременно съ исправленіемъ и дополненіемъ Риттеровой Азіи, приступить къ изслѣдованію вопросовъ относящихся прямо къ Россіи и разработать ихъ по методѣ великаго географа.

Ближайшая соприкосновенность исторической географіи, въ примѣненіи къ Россіи, само-собою разумѣется, должна была оказаться въ Этнографическомъ Отдѣленіи Общества. Ему первому и принадлежитъ починъ въ систематической разработкѣ этой отрасли Отечествознанія.

---

[1]) Отчетъ за 1851 г., стр. 4, 6, 20.

Въ средѣ Отдѣленія Этнографіи возникло, и въ значительной степени выполнено, намѣреніе разработать географію Россіи по памятникамъ отечественной письменности и составить сводъ всѣхъ этнографическихъ свѣдѣній о Россіи.

На этомъ основаніи настоящее обозрѣніе, казалось, было бы правильно раздѣлить на двѣ части: въ 1-й) всѣ предпріятія и труды собственно по исторической географіи; а во 2-й) всѣ предпріятія и труды по исторической этнографіи. Но рѣзко опредѣленной границы между изслѣдованіями того и другого рода въ сущности быть не можетъ. Напримѣръ въ изслѣдованіи о древнихъ Юграхъ, Ятвягахъ и т. п. географія и этнографія сливаются почти во-едино. При всемъ томъ обширность и разнообразіе предметовъ, подлежащихъ обозрѣнію, требуетъ необходимо какой-нибудь группировки. Вслѣдствіе этого всѣ предпріятія и труды нашего Общества по части исторической географіи и этнографіи, по возможности, подводимъ подъ слѣдующіе отдѣлы:

I. Разработка географическо-этнографическихъ свѣдѣній по памятникамъ: а) Писцовыя Книги; б) Книга Большаго Чертежа; в) Разныя частныя статьи.

II. Разработка свѣдѣній, извлекаемыхъ изъ путешествій: а) Обзоръ путешествій Русскихъ людей въ чужія земли; б) Обзоръ путешествій иноземцевъ по Россіи.

I.

Разработка свѣдѣній по памятникамъ отечественнымъ.

А. писцовыя книги.

Въ древней русской письменности, кромѣ лѣтописей, существуютъ два чрезвычайно важные источника историко-географическихъ свѣдѣній,—это обширный циклъ такъ называемыхъ „Писцовыхъ книгъ“ (во всѣхъ ихъ видоизмѣненіяхъ: писцовыя, переписныя, сдаточныя, объѣздныя, дозорныя, засѣчныя, межевыя, и т. п.) и „Книга Большаго Чертежа“.

Разъ ступивши на почву исторической разработки каждаго вопроса, Географическое Общество не могло уже не заняться изученіемъ и разработкою этихъ важнѣйшихъ матеріаловъ.

Выше было замѣчено, что дѣйствительный членъ А. П. Заблоцкій-Десятовской, въ общемъ собраніи 5 февраля 1847 г. указывалъ на писцовыя книги, какъ на „драгоцѣннѣйшій матеріалъ для познанія внутренняго состоянія многихъ мѣстностей“. Здѣсь постараемся изложить въ послѣдовательномъ порядкѣ и съ нѣкоторыми подробностями о томъ, какъ постепенно развивалась и утверждалась въ Обществѣ мысль о необходимости и пользѣ тщательной разработки писцовыхъ книгъ.

Важность писцовыхъ книгъ для познанія древней и слѣдовательно нынѣшней Россіи давно образовала между людьми, которые имѣли случай обращаться съ ними, убѣжденіе о необходимости изданія ихъ въ печати, чтобы каждый

могъ пользоваться ими при своихъ ученыхъ изысканіяхъ. К. А. Неволинъ, какъ профессоръ С.-Петербургскаго Университета, къ публичному акту 1847 года приготовилъ сочиненіе: „Объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи до Императрицы Екатерины II“—въ которомъ подробно изложилъ исторію древняго описанія земель и составлявшихся при этомъ случаѣ писцовыхъ книгъ. Это было первое сочиненіе, обстоятельно знакомившее съ содержаніемъ писцовыхъ книгъ и указывавшее на важность заключающихся въ нихъ свѣдѣній.

Но, по самому плану названнаго сочиненія, трактатъ о писцовыхъ книгахъ входилъ въ него эпизодически, и автору казалось, что „все сказанное имъ объ этомъ предметѣ, безъ представленія наглядныхъ примѣровъ, или не довольно понятно или не совершенно убѣдительно“. Вслѣдствіе того, К. А. Неволинъ, по званію члена Географическаго Общества, въ томъ же 1847 году, вызвался написать статью: „О важности писцовыхъ книгъ для древней географіи Россіи“ [1]) и для того просилъ Общество войти въ сношеніе съ Главнымъ Архивомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ о доставленіи древнѣйшихъ писцовыхъ Новгородскихъ книгъ, бывшихъ, какъ извѣстно, въ рукахъ Карамзина.

Совѣтъ Общества съ полною готовностію исполнилъ просьбу своего сочлена и получилъ изъ архива три тома писцовыхъ книгъ, относящихся къ Вотьской и Деревской пятинамъ. При чтеніи ихъ у Неволина (какъ самъ онъ говоритъ) „мало по малу образовалась мысль — начертать карту пятинъ и погостовъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ“, къ исполненію чего онъ немедленно и приступилъ. Но для удовлетворительнаго, сколько-нибудь, разрѣшенія этой задачи было слишкомъ недостаточно трехъ поименованныхъ томовъ писцовыхъ книгъ. Поэтому, Со-

[1]) По всей вѣроятности, эта же самая статья въ перечнѣ работъ, ожидавшихся Обществомъ въ 1851 году, озаглавлена такъ: «О географическихъ матеріалахъ, представляемыхъ Новгородскими, Псковскими и Бѣлозерскими писцовыми книгами» (Вѣстникъ, III, отд. I, стр. 24).

вѣтъ Общества, по новому представленію Неволина. въ 1851 году получилъ еще 15 томовъ писцовыхъ Новгородскихъ книгъ, хранившихся въ архивѣ Вотчиннаго Департамента, состоящаго при Московскихъ Департаментахъ Правительствующаго Сената. Съ полученіемъ этихъ книгъ, работа Неволина, по составленіи предположенной карты древнихъ Новгородскихъ пятинъ, пошла безостановочно и окончена была въ исходѣ того же 1851 г. [1]).

Совѣтъ Общества, находя, что этотъ трудъ можетъ быть поставленъ на ряду съ лучшими изслѣдованіями въ области исторической географіи, присудилъ К. А. Неволину, съ утвержденія Августѣйшаго Предсѣдателя Общества, *Константиновскую медаль*, которая и вручена была автору въ годовомъ собраніи Общества, происходившемъ 30 апрѣля 1852 г. [2]) Вмѣстѣ съ этимъ постановлено было напечатать объяснительный текстъ къ этой картѣ, со всѣми приложеніями. Обширный этотъ трудъ, подъ заглавіемъ: „О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ“, составилъ VIII-й томъ Записокъ Общества, изданный подъ редакціею самого автора въ 1853 году (in 8^0, стр. XII, 236 и приложенія 414) съ картою въ масштабѣ 40 верстъ въ дюймѣ.

„Карта пятинъ“, по выраженію самого Неволина, составляла „средоточіе“ всего ея обширнаго изслѣдованія, которое служитъ только къ поясненію и оправданію самой карты. Обширный его трудъ раздѣленъ на введеніе, шесть главъ и приложеніе. Во введеніи кратко обозрѣваются розысканія его предшественниковъ и въ особенности митрополита Евгенія, Д. И. Языкова и И. Д. Бѣляева. Содержаніе слѣдующихъ затѣмъ главъ, составляютъ: 1) источники, на которыхъ основалъ онъ свои изслѣдованія о пятинахъ и погостахъ; 2) происхожденіе и географическое значеніе раздѣленія Новгородской области на пятины; подраздѣленіе пятинъ на половины; правительственное

[1]) Вѣстникъ, IV, прилож. 2, 45.
[2]) Вѣстникъ, V, прилож. 2—3.

значеніе пятинъ и половинъ; 3) происхожденіе и географическое и правительственное значеніе раздѣленія Новгородской области на погосты; 4) раздѣленіе Новгородской области на уѣзды или присуды и станы, и отношеніе этого раздѣленія къ раздѣленію на пятины и половины; 5) подробный каталогъ погостовъ, расположенный по пятинамъ, съ пріуроченіемъ главнаго селенія каждаго погоста къ опредѣленной мѣстности и съ назначеніемъ опредѣленныхъ границъ для каждой пятины; 6) позднѣйшая судьба раздѣленія Новгородской области на пятины и погосты. Въ „приложеніяхъ“ къ этому тексту представлены подробныя выписки изъ всѣхъ писцовыхъ книгъ, бывшихъ у Неволина въ рукахъ. Собственно это нельзя назвать выписками, но скорѣе постраничными описями или перечнями каждой писцовой книги.

Нѣтъ надобности излагать здѣсь съ бо́льшею подробностью содержаніе изслѣдованія Неволина; но нельзя не сказать того, что онъ каждую свою работу привыкъ исполнять въ самомъ строгомъ порядкѣ, необыкновенной полнотѣ и съ безукоризненною добросовѣстностью. Съ такою же тщательностью и отчетливостью онъ изучилъ писцовыя книги и другіе памятники древней Новгородской исторіи, и на основаніи собранныхъ и разработанныхъ имъ данныхъ, изобразилъ географическое положеніе Новгородской области въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтій, избравъ этотъ періодъ потому, что именно въ теченіе его „область пятинъ сохраняла наибольшее пространство, какое она имѣла по историческимъ извѣстіямъ“. Взявъ въ основу раздѣленіе Новгородской области на „пятины“, Неволинъ прослѣдилъ его по писцовымъ книгамъ, которымъ оно также служило основою, и съ точностью обозначилъ границы не только каждой пятины, но и каждаго изъ многочисленныхъ погостовъ, изъ которыхъ эти пятины состояли. Предѣлы пятинъ, по выраженію Н. И. Надеждина [1]), дотолѣ состав-

[1]) Вѣстникъ, VIII, Библіогр., 47.

ляли историко-географическую проблему, а Неволинъ привелъ ихъ въ положительную извѣстность. Въ этомъ отношеніи изслѣдованіе Неволина безспорно являлось важною заслугою для исторической географіи Россіи. Обнародованіе его карты, по справедливому и оправдавшемуся ожиданію Географическаго Общества, не только должно было пролить новый свѣтъ на исторію и древнюю географію Русскаго Сѣвера, но и послужить также превосходнымъ образцомъ для будущихъ дѣятелей на этомъ обширномъ, но къ сожалѣнію, еще весьма мало разработанномъ полѣ [1]).

Любопытно изложить взглядъ самого Неволина на собственный свой трудъ.

Неволинъ, представивъ обозрѣніе всего, что было напечатано по вопросу о пятинахъ и погостахъ, говоритъ: „Очевидно, что географія пятинъ и погостовъ остается еще далеко неразъясненною. Ходаковскій въ 1822 г. жаловался на мракъ, окружающій этотъ предметъ. Мракъ и до сихъ поръ не разсѣянъ. Не составлено вѣрнаго даже каталога погостовъ и имена ихъ не пріурочены къ опредѣленнымъ мѣстностямъ; границы пятинъ, вообще и въ частности, посредствомъ этого пріуроченія не установлены; происхожденіе, дальнѣйшая судьба и правительственное, или какое-либо другое значеніе того и другаго раздѣленія не раскрыты. Настоящій трудъ мой предназначенъ къ тому, чтобы разъяснить, по возможности, нѣкоторыя стороны темнаго предмета, но крайней мѣрѣ, обратить на него вниманіе изслѣдователей отечественной географіи, котораго онъ въ высокой степени заслуживаетъ, и возбудить новыя тщательнѣйшія изысканія.“ (Введеніе, стр. 4 и 5).

Туже самую мысль онъ повторилъ и въ предисловіи (стр. VII): „Новую услугу окажутъ исторической географіи тѣ, которые примутъ на себя трудъ провѣрить мою работу и сообщить ученому міру, тѣмъ или другимъ путемъ, результаты своей

[1]) Отчетъ за 1852 г., стр. 39—40.

провѣрки. Но мои настоящія изслѣдованія представляютъ только первый періодъ работъ, которыя должны быть предприняты по географіи Новгородскихъ пятинъ и погостовъ, — самый общій очеркъ этой области, очертаніе самаго существеннаго въ ней. За этимъ періодомъ долженъ наступить другой періодъ точнѣйшаго опредѣленія подробностей. Здѣсь вниманіе изслѣдователя должно обратиться, какъ вообще къ различнымъ селеніямъ и достопримѣчательностямъ историко-географическимъ, такъ въ особенности къ точному и самому подробному опредѣленію границъ каждаго погоста и каждой пятины".

Такое значеніе придавалъ своему труду Неволинъ. Всѣ признавали его превосходнымъ и точнымъ въ высшей степени, а самъ онъ смотрѣлъ на него лишь какъ на попытку „разъяснить, по возможности, нѣкоторыя стороны темнаго предмета" и при томъ на такую попытку, которая предпринята была имъ „мало-по-малу", когда онъ „занялся чтеніемъ писцовыхъ книгъ", намѣреваясь писать обѣщанную статью: „О важности писцовыхъ книгъ для древней географіи Россіи". Онъ какъ будто извинялся въ томъ, что не выполнилъ буквально своего обѣщанія и что вмѣсто названной общей статьи о писцовыхъ книгахъ представилъ спеціальную разработку писцовыхъ книгъ Новгородскихъ.

Но этимъ спеціальнымъ изслѣдованіемъ о Новгородскихъ пятинахъ Неволинъ положительно разрѣшилъ свою задачу: „О важности писцовыхъ книгъ для древней географіи Россіи" и вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ образецъ разработки ихъ, такъ сказать, осязательно доказалъ, какое обиліе драгоцѣнныхъ свѣдѣній можно извлекать изъ писцовыхъ книгъ.

Въ этомъ отношеніи обширныя и многочисленныя „Приложенія" къ тексту изслѣдованія Неволина будутъ долго еще представлять (какъ представляли доселѣ), хорошій источникъ съ одной стороны къ разрѣшенію разныхъ вопросовъ по топографіи и географіи древней Новгородской области, а съ дру-

той — для подтвержденія мысли о необходимости изданія писцовыхъ книгъ.

Трудъ Неволина, можно сказать и подвинулъ къ разрѣшенію этотъ послѣдній вопросъ. Извѣстно, что по Высочайше утвержденнымъ 18 февраля 1837 г. „Правиламъ для Археографической Коммисіи“ писцовыя книги поименованы *послѣдними* въ числѣ матеріаловъ отечественной исторіи, объ изданіи которыхъ должна была она заботиться. Вслѣдствіе этого, даже и по истеченіи десяти лѣтъ, именно въ 1847 году, — т. е. когда Неволинъ уже составлялъ карту Новгородскихъ пятинъ, Археографическая Коммисія, при возбужденіи вопроса объ изданіи писцовыхъ книгъ, полагала, что „она обязана приступить къ этому не прежде обнародованія лѣтописей, государственныхъ актовъ, степенныхъ книгъ и другихъ болѣе важныхъ памятниковъ нашей исторіи“ [1]).

Неволину было извѣстно такое постановленіе Археографической Коммисіи. Сознавая, что она не можетъ въ скоромъ времени заняться печатаніемъ писцовыхъ книгъ, онъ все-таки старался доказать, что „и до того времени можно было бы многое сдѣлать по этому предмету. Ученыя общества, имѣющія своею цѣлію разработку исторіи, географіи и древностей Россіи,—говоритъ онъ (О пятинахъ, стр. 32)—соединенными усиліями могли бы очень много способствовать изданію писцовыхъ книгъ. Онѣ могли бы быть печатаемы при журналахъ и изданіяхъ, посвященныхъ исторіи, географіи и древностямъ Россіи, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ; онѣ могли бы быть печатаемы и въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, именно—относящіяся къ каждой губерніи при ея вѣдомостяхъ. Надобно только, чтобъ всѣ издатели дѣйствовали по одному плану. Такимъ образомъ чрезъ нѣсколько лѣтъ могла бы составиться весьма значительная библіотека писцовыхъ книгъ. Но пока еще

[1]) Ж. М. Народнаго Просвѣщенія, 1848, LX, Отд. III, стр. 3—5. Отчетъ о занятіяхъ Археогр. Коммисіи за 25 лѣтъ, 1860, стр. 10, 37—39.

онѣ не отпечатаны, полезно было бы для библіотеки Русскаго Географическаго Общества составить, по крайней мѣрѣ, вѣрные съ нихъ списки. Такими списками въ библіотекѣ Общества легко могъ бы пользоваться каждый желающій. Конечно, какъ изданіе въ печати, такъ и составленіе списковъ всѣхъ писцовыхъ книгъ потребуетъ очень и очень много времени; но не надобно забывать, что наука трудится въ безграничномъ времени. Ея медленное, но непрерывное шествіе впередъ приводитъ ее непремѣнно къ предположенной цѣли".

Таковъ былъ взглядъ Неволина на значеніе писцовыхъ книгъ и на способъ и средства къ изданію этихъ важныхъ памятниковъ.

Здѣсь не мѣсто обсуждать, возможно ли было осуществить предположенія Неволина объ изданіи писцовыхъ книгъ или о собраніи копій съ нихъ для библіотеки Общества; но необходимо представить, какія послѣдствія произошли отъ появленія превосходнаго изслѣдованія Неволина, отъ мнѣній высказанныхъ имъ въ книгѣ и въ живой бесѣдѣ въ засѣданіяхъ Общества, когда онъ сообщалъ о ходѣ своихъ работъ и достигаемыхъ ими результатахъ.

Еще въ 1847 г. въ Отдѣленіи Этнографіи составлена была программа о собираніи на мѣстахъ свѣдѣній о народномъ бытѣ разнообразнаго населенія нашего великаго отечества [1]). Главными составителями этой программы были предсѣдательствующій въ отдѣленіи Н. И. Надеждинъ и его ученый другъ, изслѣдователь Новгородскихъ пятинъ, К. А. Неволинъ. И тотъ, и другой были основательные знатоки народнаго быта, безъ сомнѣнія, потому, что оба происходили изъ среды сельскаго духовенства, по своему положенію, поставленнаго въ близкія и тѣсныя сношенія съ массою народа. Вслѣдствіе этого программа, при всей сжатости, весьма полно обнимала всѣ стороны народнаго быта. Программа не задавала общихъ задачъ,

[1]) Записки, IV, стр. 307.

не вызывала на широкія изслѣдованія; но, слѣдуя правилу Неволина, что „раздѣльность и отчетливость знанія ведутъ къ положительнымъ успѣхамъ въ наукѣ“ (О пятинахъ, VII), приглашала къ отдѣльнымъ описаніямъ различныхъ мѣстностей: обобщать свѣдѣнія принимало Отдѣленіе на себя. Надобно, однако, замѣтить, что программа, между прочимъ, просила сообщать и историческія свѣдѣнія о каждой мѣстности, въ особенности народныя преданія и легенды объ урочищахъ, описанія остатковъ древностей, извлеченія изъ мѣстныхъ документовъ. Такимъ образомъ и здѣсь введенъ былъ историческій методъ, какъ непремѣнное условіе выполненія желаній Общества.

Болѣе 7000 экземпляровъ этой программы разосланы были во всѣ губерніи, чрезъ разныя вѣдомства. Сочувствіе, съ какимъ принята была вездѣ программа, дѣятельность возбужденная ею между лицами всѣхъ сословій (но преимущественно между сельскимъ духовенствомъ) — превзошли всѣ ожиданія Общества. Немедленно со всѣхъ концовъ Россіи, не выключая отдаленныхъ предѣловъ Сибири, стали высылаться въ Общество разнаго рода статьи и сборники, заключавшіе въ себѣ не лукаво-мудрствующіе, но добросовѣстные и болѣе или менѣе обстоятельные отвѣты на программу. Въ короткое время этихъ статей получено было весьма значительное количество и положительно каждая изъ нихъ вносила лепту на пользу научнаго познанія Русской Земли и Русскаго Народа. Дабы не оставался этотъ богатый матеріалъ въ тупѣ-лежащимъ, Отдѣленіе Этнографіи, съ одобренія Совѣта Общества, предположило лучшія изъ доставленныхъ статей напечатать вполнѣ, а изъ другихъ сдѣлать извлеченія и своды [1]).

Первые два тома „Этнографическаго Сборника“ въ послѣдствіи изданнаго Обществомъ (1853 и 1854) составились именно изъ этихъ статей, которыя, между прочимъ, заключаютъ

[1]) Отчетъ за 1849 г., стр. 25—27; Записки, V, стр. 25—27; Отчетъ за 1850 г. стр. 45; Этнографическій Сборникъ, I, предисловіе: VI—VII.

въ себѣ довольно данныхъ по исторической географіи. Редакторы Сборника — Н. И. Надеждинъ и К. Д. Кавелинъ — дополнили нѣкоторыя статьи своими разными поясните́льными примѣчаніями. Въ этомъ отношеніи въ особенности замѣчательны историко-географическіе выводы и соображенія Н. И. Надеждина, присоединенные къ двумъ статьямъ о приходахъ Покровскомъ и Станиловскомъ, расположенныхъ на рѣкѣ Сити въ Моложскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи [1]). Рѣка Сить въ нашей исторіи пріобрѣла печальную извѣстность, по страшному побоищу, послѣдствіемъ котораго было окончательное порабощеніе тогдашней Руси Татарами. Мѣстность самой битвы не указана въ лѣтописяхъ съ положительною точностію; а историки не входили въ особыя разъясненія объ этомъ. Надеждинъ, на основаніи сообщаемыхъ въ описаніи Покровско-Ситскаго прихода преданій объ убіеніи какого-то „князя Егорія", доказалъ, что этотъ князь Егорій — есть Святой князь Георгій Всеволодовичъ, погибшій на Сити въ упомянутомъ сраженіи 4 марта 1238 г., и разъяснилъ, почему онъ попалъ именно на низовья Сити (гдѣ находится Покровскій приходъ). Не подтверждается только одна изъ догадокъ Надеждина—именно пріуроченье лѣтописнаго Шереньскаго лѣса (гдѣ убитъ былъ Татарами Ростовскій князь Василько) къ рѣчкѣ Рѣпѣ, впадающей въ Мологу въ Весьегонскомъ уѣздѣ. Ширеньскій или Шерьскій лѣсъ существуетъ подъ этимъ названіемъ доселѣ близъ села Ширенья, въ юго-западномъ углу Ярославскаго уѣзда, гдѣ сходятся границы уѣздовъ Романово-Борисоглѣбскаго и Угличскаго. Что именно эту мѣстность надобно признать за упоминаемое лѣтописями урочище, это подтверждается еще и тѣмъ, что здѣсь же находится „пустошь Васили" на которой, по мѣстнымъ преданіямъ, происходила какая-то стычка съ Татарами [2]). Нельзя ставить это недо-

[1]) Этн. Сб. I, стр. 120—130.

[2]) См. Списокъ насел. мѣстъ Ярос. губ., стр. XXIX и XXX, № 884.

умѣніе или ошибку въ упрекъ Надеждину: правильность и точность опредѣленія положенія упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ урочищъ зависитъ отъ полноты и обилія изысканій, произведенныхъ на мѣстахъ и сдѣлавшихся общимъ достояніемъ науки, а подобными работами мы вообще не богаты. Что у Надеждина, при твердомъ знаніи лѣтописей, мѣткомъ соображеніи особенностей какого-либо лѣтописнаго событія, было какое-то особое историко - географическое чутье, дававшее ему возможность угадывать истину, даже при недостаткѣ всякихъ топографическихъ указаній,—это доказывается очень многими его топографическими разъясненіями лѣтописей, а въ особенности примѣчаніями его къ изслѣдованіямъ М. П. Погодина: „О городахъ и предѣлахъ древнихъ русскихъ княжествъ“ [1]). Надобно прибавить, что при этомъ постояннымъ и неутомимымъ его сотрудникомъ былъ тотъ же К. А. Неволинъ. Можно съ увѣренностью сказать, что если бы въ распоряженіи этихъ трудолюбивѣйшихъ русскихъ бенедиктинцевъ были изданные нынѣ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ „Списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи“ — то они не оставили бы неопредѣленнымъ ни одного изъ урочищъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ въ періодъ съ 1056 по 1240 годъ.

Изслѣдованіе Неволина „О пятинахъ“ обратило и привлекло дѣятельность многихъ членовъ Общества на разработку другихъ писцовыхъ книгъ по тому же самому плану и вообще на старинные и древніе памятники письменности, такъ или иначе имѣвшіе отношеніе къ кругу ученой дѣятельности Общества.

Такъ, когда въ 1850 г. членъ-сотрудникъ Общества *И. И. Царскій*—извѣстный обладатель драгоцѣннаго собранія древнихъ рукописей—доставилъ въ Общество копію съ имѣющейся у него „таблицы сошнаго письма“, — то почетный членъ Общества гр. *Д. Н. Блудовъ* напечаталъ на свой счетъ этотъ малоизвѣстный, весьма любопытный и важный документъ, за-

[1]) Ж. Мин. Вн. Дѣлъ 1848, XXIII, 70 и 429; XXIV, 91 и 185.

ключающій въ себѣ общій сводъ существовавшихъ въ нашемъ отечествѣ, еще въ XVII столѣтіи, правилъ для описанія и оцѣнки поземельныхъ угодій. Совѣтъ Общества изъявилъ гр. Блудову свою признательность за оказанное имъ просвѣщенное содѣйствіе трудамъ Общества [1]). А дѣйств. чл. *И. Д. Бѣляевъ* по этому поводу обѣщалъ представить Обществу полный „Обзоръ книгъ сошнаго письма“ [2]). Къ сожалѣнію, это обѣщаніе осталось неисполненнымъ. И. Д. Бѣляевъ, по нахожденію своему въ Москвѣ, въ ту пору дѣятельность свою посвящалъ преимущественно, почти исключительно, занятіямъ въ Обществѣ исторіи и древностей и былъ редакторомъ „Временника“ этого Общества. Впрочемъ за весь періодъ редакторства Бѣляева, только въ XVII книгѣ Временника, вышедшей въ концѣ 1854 г., помѣщена была „Книга сошнаго письма 7137 года“ (Смѣсь, стр. 33—65) доставленная отъ Ярославскаго собирателя древностей Е. Трехлѣтова и еще сообщенная самимъ И. Д. Бѣлявымъ „Роспись полевой мѣрѣ 1709 года“ (стр. 66 — 90), по содержанію своему довольно близкая къ книгѣ сошнаго письма.

Нѣкоторые изъ членовъ Общества прямо доставляли разныя поясненія и выписки изъ древнихъ документовъ, относящіяся къ Новгородской области. Напримѣръ, изъ Новгорода отъ члена-сотрудника *Куприянова*, какъ матеріалы для исторической географіи и исторической статистики Новгорода и его области, доставлены были копіи и выписки изъ разныхъ документовъ XIV, XV, XVII и начала XVIII столѣтій, при чемъ былъ замѣчено: „Изъ этихъ матеріаловъ, конечно, нельзя еще вывести положительныхъ результатовъ о степени населенности Новгородской области, да едвали и будетъ рѣшенъ этотъ вопросъ ранѣе, *какъ будутъ изданы старинныя писцовыя книги*“ [3]).

Независимо отъ этого стали доставляться въ Общество и

[1]) 17 января 1851 г. Вѣстникъ, I, Отд. I, стр. 63.
[2]) Вѣстникъ, III, Отд. I, стр. 25.
[3]) Вѣстникъ, V, смѣсь, стр. 31; VI, смѣсь, стр. 19.

другія статьи, имѣвшія историко-географическое содержаніе, что служило яснымъ доказательствомъ живаго возбужденія интереса къ изученію древней географіи Россіи. Это обстоятельство и было причиною, что Совѣтъ Общества, предпринимая въ 1851 году издавать „Вѣстникъ“ ввелъ въ его программу [1]) (согласно представленію дѣйств. чл. *А. А. Краевскаго*), особый отдѣлъ: „VI. Географіи Исторической и Исторіи Географіи“. Въ этомъ отдѣлѣ опредѣлено было помѣщать: а) „Географическія описанія странъ въ разныя эпохи ихъ существованія; б) Изслѣдованія, имѣющія цѣлію точнѣйшее опредѣленіе мѣстностей, чѣмъ либо замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи; в) Сказанія древнихъ путешественниковъ, какъ русскихъ, такъ и иноземцевъ, преимущественно о Россіи; д) Состояніе географическихъ свѣдѣній въ прежнія времена и изслѣдованіе о постепенныхъ успѣхахъ науки землевѣдѣнія, доведшихъ ее до нынѣшняго ея состоянія“. Впослѣдствіи времени программа Вѣстника подверглась нѣкоторому измѣненію; отдѣлъ „Исторической Географіи“ прекратился, тѣмъ не менѣе въ продолженіе десятилѣтняго (1851—1860) періода изданія, на страницахъ тридцати объемистыхъ томовъ этого органа Общества весьма нерѣдко помѣщались какъ изслѣдованія, такъ документы и разныя сообщенія, относящіеся прямо къ Исторической Географіи.

Но всего важнѣе послѣдствія труда Неволина оказались по отношенію разработки самыхъ писцовыхъ книгъ и рѣшенія вопроса объ изданіи ихъ.

Одинъ изъ глубокихъ знатоковъ русскихъ лѣтописей и древностей, одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ членовъ Археографической Коммисіи, академикъ *М. А. Коркуновъ*, поступившій въ то время въ члены Географическаго Общества (избранъ 14 мая 1850; умеръ 13 января 1858) — заявилъ Обществу, что онъ намѣренъ разработать географію древняго Бѣлозерскаго княжества, также по плану Неволина. Впослѣдствіи однако онъ

[1]) Вѣстникъ, I, Отд. I, стр. 65—70.

отказался отъ этого предпріятія, именно по недостатку и неполнотѣ писцовыхъ книгъ, относящихся къ области бывшаго Бѣлозерскаго княжества, и вмѣсто того принялся за разработку географіи Псковскаго княжества. Труды эти были какъ бы продолженіемъ изслѣдованія Неволина [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что при трудолюбіи и опытности Коркунова, исполненіе этихъ работъ отличалось бы также замѣчательными достоинствами и уяснило бы много еще и доселѣ неразрѣшенныхъ и даже не поднятыхъ вопросовъ въ географіи Псковскаго княжества, но къ сожалѣнію и многосложность занятій Коркунова, и обременность его здоровья, а всего болѣе почетная добросовѣстность недозволявшая ему ни одной работы дѣлать, какъ говорится, съ плеча, на-скоро, не позволили ему докончить ихъ; но положительно извѣстно, что онъ до послѣднихъ дней своей жизни постоянно былъ занятъ мыслью о полнотѣ и тщательности разработки избранной имъ темы. Принимая постоянное и дѣятельное участіе въ занятіяхъ Общества по Отдѣленію Этнографіи, Коркуновъ всегда являлся основательнымъ цѣнителемъ доставлявшихся въ Общество разныхъ статей, особенно тѣхъ, въ которыхъ приводились выписки изъ разныхъ древнихъ документовъ. Въ этихъ случаяхъ онъ всегда умѣлъ опредѣлить и указать, въ чемъ именно заключается существенная важность какого-либо документа для занятій Общества и всегда высказывалъ желаніе пріобрѣтать для Общества болѣе подобныхъ документовъ [2]). Въ своемъ мѣстѣ будетъ сказано, какое участіе принималъ Коркуновъ въ возбужденномъ въ Отдѣленіи вопросѣ о „книгѣ Большаго Чертежа“; а здѣсь замѣтимъ, что онъ, при разсмотрѣніи доставленныхъ въ Общество списковъ съ выписей изъ писцовыхъ и межевыхъ книгъ Суздальскаго

[1]) Вѣстникъ, I, Отд. I, стр. 117; III, Отд. II, стр. 23; IV, прилож. стр. 45.—Отчетъ 1851 г. стр. 70.

[2]) Вѣстникъ, VII, прилож. стр. 20.

уѣзда 1628 — 1654 г., предлагалъ составить общій планъ изученія и разработки писцовыхъ книгъ [1]).

Обратимся теперь къ дѣятельности другаго члена нашего Общества, много заботившагося о разработкѣ писцовыхъ книгъ и другихъ старинныхъ актовъ подобнаго рода. *П. И. Ивановъ*, инспекторъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, основательный практическій знатокъ старинной оффиціальной письменности и издатель разныхъ сочиненій палео-библіографическихъ, между прочимъ и „Обозрѣнія писцовыхъ книгъ по Новугороду и Искову“ (Москва, 1841, in 4-o), почти немедленно по вступленіи своемъ въ члены Географическаго Общества (избранъ 27 сентября 1850 г.; умеръ въ 1865 г.) началъ обращать вниманіе Общества на различные старинные документы, заключающіе въ себѣ географическія, статистическія и этнографическія свѣдѣнія. Самое первое его заявленіе было именно о томъ, что въ одномъ изъ завѣдываемыхъ имъ архивовъ онъ нашелъ подробныя описанія городовъ и уѣздовъ Московской губерніи, составленныя въ 1775 — 1777 годахъ, и вызывался принять на себя изготовленіе этихъ документовъ къ изданію, если только Общество признаетъ ихъ заслуживающими того и если снабдитъ его нѣкоторыми средствами къ снятію съ нихъ копій. Списокъ описанія города Владиміра съ его уѣздомъ, по порученію Общества, разсмотрѣнъ былъ *И. В. Вернадскимъ*, который и далъ отзывъ, что подобныя описанія могутъ составить весьма любопытные и полезные матеріялы для сравнительныхъ статистическихъ выводовъ о прежнемъ и нынѣшнемъ состояніи тѣхъ мѣстностей, къ которымъ они относятся. Вслѣдствіе чего Совѣтъ Общества и разрѣшилъ выдать П. И. Иванову 120 р. на наемъ писца для снятія копій, какъ съ означенныхъ описаній городовъ и уѣздовъ Московской губерніи, такъ и съ другихъ географическо-статистическихъ матеріаловъ, которые заслуживали бы присылки въ Общество. Из-

[1]) Вѣстникъ, XX, прилож. стр. 5.

данiе этихъ описанiй до времени было, однако, отложено по недостатку денежныхъ средствъ, посвященныхъ тогда болѣе важнымъ ученымъ предпрiятiямъ (экспедицiямъ на Уралъ и т. п.) [1]).

Вскорѣ за тѣмъ П. И. Ивановъ доставилъ въ Общество копiю съ писцовой книги города Казани и уѣзда, составленной въ 1566—1568 г., т. е. спустя 13—15 лѣтъ послѣ покоренiя Казанскаго царства Iоанномъ Грознымъ [2]). Списокъ съ этой книги доставленъ былъ Ивановымъ въ Археографическую Коммисiю еще въ 1840 году [3]); но тамъ онъ только „припятъ былъ къ свѣдѣнiю“, и не повелъ ни къ какимъ послѣдствiямъ. „Что касается писцовой казанской книги—сказано въ протоколѣ Археографической Коммисiи—то, какъ Коммисiя, по множеству занятiй, не имѣетъ нынѣ ни времени, ни достаточныхъ способовъ къ изданiю писцовыхъ книгъ, то и означенную рукопись до времени также нѣтъ надобности требовать въ Коммисiю“.

Не такъ отнеслось Географическое Общество къ Казанской Писцовой книгѣ. Дѣйств. членъ *В. А. Милютинъ*, принявшiй на себя разсмотрѣнiе этой книги, вызвался, на основанiи заключающихся въ ней свѣдѣнiй, составить подробное изслѣдованiе о топографiи и статистикѣ древней Казани. Въ то же время онъ представилъ Совѣту Общества свое мнѣнiе, въ которомъ излагалъ, что „напечатанiе писцовыхъ книгъ принесло бы несомнѣнную пользу наукѣ, такъ какъ документы этого рода содержатъ въ себѣ множество важныхъ данныхъ не только для исторiи въ тѣсномъ смыслѣ, но также для географiи, этнографiи и статистики древней Россiи. Но съ другой стороны, при множествѣ писцовыхъ книгъ, дошедшихъ до нашего времени, кажется, совершенно безполезно печатать ихъ по одиночкѣ. Если бы Общество рѣшилось приступить къ изданiю *полнаго собранiя* писцовыхъ книгъ, то оно оказало бы этимъ

[1]) Вѣстникъ, I, Отд. I, стр. 96: IV, прилож. 8; Отчетъ 1851 г. стр. 70.
[2]) Вѣстникъ, I, Отд. I, стр. 74.
[3]) Ж. М. Народнаго Просвѣщенiя, 1840, апрѣль, стр. 9—11.

важную услугу наукѣ. Изданіе отдѣльныхъ писцовыхъ книгъ принесетъ весьма мало пользы, потому что доставитъ весьма немного любопытныхъ выводовъ. Такіе выводы могутъ быть дѣлаемы не иначе, какъ посредствомъ сличенія всѣхъ, или большей части писцовыхъ книгъ, относящихся къ одному времени и разнымъ мѣстностямъ, или, наоборотъ, къ одной мѣстности и разнымъ временамъ. Что же касается въ частности до Казанской Писцовой Книги, то печатать ее цѣликомъ тѣмъ безполезнѣе, что въ приготовленной о ней статьѣ сдѣланъ подробный обзоръ ея содержанія съ указаніемъ на всѣ ученые результаты, какіе только могутъ быть изъ нея выведены“ [1]). Прибавимъ къ этому: хотя въ приведенномъ отзывѣ говорится о топографическо-статистическомъ обозрѣніи древней Казани, какъ о *приготовленномъ*, однако оно не появилось въ изданіяхъ Общества, и намъ съ точностью неизвѣстно, было ли оно когда представлено въ Общество. Можно сказать одно, что тяжкая болѣзнь, безвременно приведшая В. А. Милютина къ могилѣ (онъ умеръ въ Эмсѣ, 5 августа 1855 г., на 29 г. отъ роду) [2]), замедлила и вовсе прервала многія изъ его ученыхъ работъ. Но Милютинъ обладалъ драгоцѣннымъ талантомъ передавать свои убѣжденія и увлекать за собою способныхъ дѣятелей. Отъ этого и самая смерть его не остановила многихъ ученыхъ предпріятій, которымъ положилъ онъ начало, или для которыхъ обдумывалъ онъ планы.

Вышеприведенный отзывъ Милютина о писцовыхъ книгахъ былъ сообщенъ П. И. Иванову. Нельзя утверждать положительно, однако можно, съ нѣкоторою вѣроятностью, допустить, что, вслѣдствіе этого отзыва и вслѣдствіе непосредственныхъ сношеній Милютина съ П. И. Ивановымъ, послѣдній скоро предпринялъ обширный и въ высшей степени полезный трудъ, недостатокъ котораго былъ чувствуемъ въ наукѣ, — это именно

[1]) Вѣстникъ, II, Отд. I, стр. 21; III, Отд. I, стр. 24; Отчетъ за 1851 г. стр. 70.

[2]) Вѣстникъ, XIV, смѣсь, стр. 91—94; XV, смѣсь, стр. 13—15.

описаніе писцовыхъ книгъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Главною задачею этого труда было соединеніе въ одно цѣлое всѣхъ разнообразныхъ и полезныхъ свѣдѣній, заключающихся въ писцовыхъ книгахъ. Для достиженія этой цѣли всѣмъ такимъ книгамъ первопачально былъ сдѣланъ списокъ, въ который онѣ внесены по алфавитному порядку описываемыхъ ими уѣздовъ. За тѣмъ, въ томъ же алфавитномъ порядкѣ, приступлено было къ самому ихъ описанію, то есть къ извлеченію изъ нихъ наиболѣе важныхъ свѣдѣній. При этомъ П. И. Ивановъ руководствовался слѣдующими правилами: въ описаніи городовъ онъ подробно излагалъ устройство ихъ укрѣпленій, стѣнъ, башенъ, вооруженій, средствъ къ оборонѣ, обозначалъ имена улицъ и переулковъ, число церквей, съ находившейся въ нихъ церковною утварью, образами и книгами, исчислялъ дома, амбары, лавки, мельницы, число жителей, ихъ права и состоянія, лежавшія на нихъ повинности и т. д. Въ описаніи уѣздовъ были поименовываемы заключавшіеся въ нихъ волости, станы и погосты, съ обозначеніемъ, сколько въ каждомъ изъ нихъ состояло въ данное время, по разнымъ вѣдомствамъ отдѣльно, пахатной земли, луговъ, лѣсовъ, рыбныхъ ловель, бортныхъ ухожьевъ, селъ, деревень, займищъ и починковъ. При этомъ указывалось также количество народонаселенія, съ прибавленіемъ данныхъ о занятіяхъ его и промыслахъ. Само собою разумѣется, что такое подробное описаніе стоило большихъ трудовъ и требовало строгой внимательности. Не смотря на то, работа подвигалась быстро, и къ концу 1852 года уже были описаны всѣ писцовыя книги отъ буквы А до К [1]). Въ теченіе 1853 года П. И. Ивановъ продолжалъ туже работу и надѣялся совершенно закончить ее въ 1854 г. Въ тоже время онъ приступилъ къ составленію алфавитнаго указателя лицамъ, показаннымъ въ такъ-называемыхъ „сказкахъ генеральнаго двора“. Алфавитъ

[1]) Отчетъ за 1852 г. стр. 81—82.

этотъ расположилъ онъ такъ, чтобы онъ могъ служить къ означенію не только всѣхъ землевладѣльцевъ за извѣстный періодъ времени, но и самыхъ недвижимыхъ имѣній, которыми они владѣли, съ указаніемъ числа дворовъ въ каждомъ изъ нихъ [1]). Составленіе этихъ алфавитовъ, можно сказать, естественно увлекло трудолюбиваго инспектора архивовъ къ другимъ подобнымъ же работамъ. Не смотря на то, что по „сказкамъ генеральнаго двора“ составленъ былъ алфавитный списокъ болѣе 5000 фамилій, въ которыхъ насчитывалось слишкомъ 25.000 отдѣльныхъ лицъ, имѣвшихъ въ своемъ владѣніи 241.770 дворовъ крестьянъ, П. И. Ивановъ принялся за составленіе росписей боярскихъ родовъ, служебныхъ чиновъ, а также за извлеченіе свѣдѣній изъ жалованныхъ грамотъ и другихъ юридическихъ актовъ, обнимавшихъ періодъ пяти вѣковъ, съ XIV по XVIII включительно (болѣе 15.000 документовъ) [2]), что доставило обильный матеріалъ для исторіи русской сфрагистики и проливало свѣтъ на геральдику княжескихъ и древнихъ дворянскихъ родовъ. Окончивъ описаніе писцовыхъ книгъ, П. И. Ивановъ обратилъ особенное вниманіе на болѣе подробное извлеченіе свѣдѣній собственно о городахъ и къ концу 1857 года составилъ такія описанія о 65 городахъ. Древнѣйшія изъ этихъ данныхъ относились ко временамъ Іоанна Грознаго (по городамъ Свіяжску, Казани, Лаишеву и Каширѣ, въ періодъ 1565—1579 г.); а позднѣйшія ко времени соцарствія Петра I-го съ Іоанномъ Алексѣевичемъ (по городамъ Карачеву, Оболяни и проч. 1696 г.). Не всѣ описанія городовъ отличаются одинаковою подробностію описываемыхъ предметовъ, при всемъ томъ весьма замѣтно, что они всегда располагались по одинаковому плану: такъ описаніе постоянно начинается съ крѣпости и укрѣпленій (въ городахъ укрѣпленныхъ) или съ со-

[1]) Отчетъ за 1853 г., стр. 39.
[2]) Отчетъ за 1855 г, стр. 59.— Отчетъ за 1856 г., стр. 61 и 62

борной церкви (въ городахъ неукрѣпленныхъ), а за тѣмъ уже переходитъ на посадъ, слободы и принадлежащія къ городу земли. Такимъ образомъ составленныя П. И. Ивановымъ извлеченія доказали, что въ описаніяхъ городовъ существуетъ однообразіе очевидно условленное, которое облегчаетъ возможность сравненія данныхъ и выводовъ, какіе представилось бы нужнымъ сдѣлать, сообразно современнымъ требованіямъ статистической науки.

Всѣ эти труды П. И. Иванова сдѣлались достояніемъ архивовъ, состоявшихъ въ его завѣдываніи, а Общество получало только извѣстія о ходѣ самыхъ работъ и перечневые списки разсмотрѣнныхъ писцовыхъ книгъ.

Но между тѣмъ и въ средѣ самаго Общества непреставала проводиться мысль о собираніи всякихъ древнихъ документовъ, которые могутъ служить къ разъясненію древней географіи и топографіи Россіи. Писцовыя книги при этомъ постоянно выставлялись на первый планъ. К. А. Неволинъ, самый компетентный судья въ рѣшеніи этого вопроса, еще въ 1854 г., по разсмотрѣніи одной статьи, заключавшей въ себѣ выписки изъ межевыхъ книгъ 1691 г., примѣненныя къ планамъ второй половины XVIII столѣтія, далъ такой отзывъ, что хотя самая выписка далеко не полна и, по видимому, неточна, и самый планъ не относится къ упоминаемымъ мѣстностямъ, тѣмъ не менѣе желательно, чтобы Совѣтъ Общества своимъ одобреніемъ поощрялъ присылку такихъ выписокъ [1]). Въ 1856 году члены Ревизіонной Коммисіи (П. И. Кеппенъ, М. А. Коркуновъ, К. Д. Ковелинъ, К. И. Арсеньевъ, А. Н. Савичъ, А. В. Веневитиновъ и П. А. Шестаковъ), разсматривавшіе отчетъ Общества за 1855 годъ, заявили Совѣту слѣдующее желаніе: „Дорожа древнею географіею и топографіею Россіи, не лишне было бы извѣстить гг. помѣщиковъ, чрезъ повременныя изданія, что Общество будетъ принимать съ благодарностью вѣрные списки

[1]) Вѣстникъ, X, прилож. стр. 36.

съ выписей изъ писцовыхъ и межевыхъ книгъ XV, XVI и XVII столѣтій". Совѣтъ Общества, вполнѣ сочувствуя такому заявленію (7 ноября 1856 г.) опредѣлилъ: „сдѣлать публикацію въ губернскихъ вѣдомостяхъ и столичныхъ журналахъ, по примѣру объявленныхъ отъ Общества программъ и другихъ приглашеній къ доставленію свѣдѣній" [1]). Изъ дальнѣйшихъ протоколовъ Совѣта не видно, однако, сдѣлана ли была такая публикація и къ чему привела она.

Выше было сказано, что М. А. Коркуновъ высказывался въ такомъ же смыслѣ; а здѣсь, какъ бы въ связи съ только-что приведеннымъ заявленіемъ Ревизіонной Коммисіи можно указать на одинъ близко относящійся къ этому случай. Въ 1857 г. (14 мая) въ Отдѣленіи Этнографіи, при разсмотрѣніи весьма любопытной „Исторіи села Усолья, Сызранскаго уѣзда Симбирской губерніи", составленной священникомъ Дмитріемъ Орловымъ, на основаніи документовъ, хранящихся въ вотчинной конторѣ этого села, было опредѣлено: обратиться къ владѣльцу Усолья графу В. П. Орлову-Давыдову (тогда дѣйств. члену Общества), съ просьбою сообщить Отдѣленію на нѣкоторое время хранящіеся въ Усольской конторѣ старинныя межевыя книги и другіе акты для разсмотрѣнія и извлеченія изъ нихъ свѣдѣній о старинной географіи Поволжскаго края и о заселеніи его русскими съ XVI столѣтія [2]). Просьба эта осталась однако неудовлетворенною.

Такимъ образомъ попытка обращенія къ владѣльцамъ древнихъ межевыхъ документовъ особенной удачи не имѣла, а мысль объ изданіи писцовыхъ книгъ Обществомъ пріостановилась собственно потому, что въ то время, именно въ 1858 г., Археографическая Коммисія уже нашла возможнымъ приступить къ печатанію писцовыхъ книгъ въ полномъ ихъ видѣ. Въ 1859 г. изданы были Археографическою Коммисіею „Нов-

[1]) Вѣстникъ, XVII, прилож. стр. 23; XIX, прилож. стр. 19.
[2]) Вѣстникъ, XXI, прилож. стр. 44.

городскія Писцовыя Книги. Т. I. Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года“ (Спб. in 4°; 1-я половина) и вслѣдъ затѣмъ „Jordeböcker öfver Ingermanland. Писцовыя книги Ижорской земли, т. I, годы 1618—1623“ [1]).

Появленіе этихъ изданій, хотя и встрѣчено было учеными съ сочувствіемъ, однако нельзя сказать, что бы оно удовлетворило ожиданіямъ. Прежде всего это изданіе убѣждало очевиднымъ образомъ, что печатаніе всѣхъ писцовыхъ книгъ вполнѣ, даже относящихся только къ одной Новгородской области или принадлежащихъ къ одному какому-либо періоду растянется на чрезвычайно продолжительное время (такъ 2-я половина 1-го тома Деревской пятины вышла въ свѣтъ только въ 1862 г.), и слѣдовательно въ сущности пользованіе писцовыми книгами печатными будетъ доступно лишь далекому потомству, а не тѣмъ самымъ лицамъ, или скорѣе не тому самому поколѣнію, которое желало ими воспользоваться для извѣстныхъ цѣлей. Во вторыхъ, предпринятое Археографическою Коммисіею изданіе писцовыхъ книгъ также доказывало теперь въ очію, что сколько бы защитники изданія ихъ „въ полномъ видѣ“ ни говорили о необходимости буквальнаго воспроизведенія ихъ въ печати, тѣмъ не менѣе всѣ такія перечисленія, какъ „(д) Микитка Осташевъ, дѣти его два Ивашка да Кондратикъ, (д) Пропка Сидоровъ, да зять его Костя Федковъ, (д) Тимонка Осташовъ, (д) Кирилко Олферовъ, сынъ его Васька, (д) Исачко Андрейковъ, да сынъ Артемко“—и проч. въ сущности не ведутъ ни къ чему въ наукѣ. Эти Андрейки, Тишки, Куземки и проч., не могли прибавить что-либо новое ни въ исторіи, ни въ географіи, ни въ одной изъ отраслей изученія русской старины, не могли даже и въ далекомъ будущемъ послужить къ какому-либо выводу или соображенію. Если Гомеръ отказался „назвать и исчислить всѣхъ бойцовъ рядовыхъ“, а поименовалъ „только вождей ко-

[1]) Журналъ М. Народнаго Просвѣщенія, 1848, LX, III, 3—5, Отчетъ Археогр. Коммисіи за 25 лѣтъ, стр. 38.

рабельныхъ“ и исчислилъ всѣ корабли, — то, конечно, безъ ущерба для науки, можно было пожертвовать именами этихъ „людишекъ“ и ограничиться одними ихъ итогами, да названіями деревень и починковъ, въ которыхъ они жили въ моментъ составленія писцовой книги.

Опытъ изданія писцовыхъ книгъ Археографическою Коммисіею былъ поучителенъ, а пріостановленіе печатанія ихъ подало поводъ къ новымъ заявленіямъ въ средѣ нашего Общества объ ихъ изданіи.

Въ общемъ собраніи Географическаго Общества 4 декабря 1868 года, дѣйств. членъ Н. В. Калачовъ—сенаторъ, управляющій московскими архивами Министерства Юстиціи и членъ Археографической Коммисіи, извѣстный многими своими трудами по юридическимъ древностямъ — прочиталъ свою статью: „О значеніи писцовыхъ книгъ для изученія исторической географіи, этнографіи и внутренняго быта Россіи и о необходимости изданія свѣдѣній, изъ нихъ извлеченныхъ“ [1]).

Напомнивъ присутствующимъ, что въ средѣ Географическаго Общества была встрѣчена съ живымъ сочувствіемъ и нашла себѣ осуществленіе первая попытка изданія историко-географическихъ свѣдѣній, извлеченныхъ изъ писцовыхъ книгъ, именно извѣстный трудъ незабвеннаго нашего сочлена К. А. Неволина „О новгородскихъ пятинахъ“ — Н. В. Калачовъ объяснилъ, что въ настоящее время, съ тѣхъ поръ, какъ наши архивы сдѣлались доступными для научныхъ изысканій, наука не въ правѣ обходить всю ту массу писцовыхъ и межевыхъ книгъ, которую завѣщала намъ древняя Россія, какъ самое наглядное и вѣрное выраженіе ея администраціи и внутренняго быта. По мнѣнію Калачова, записи, подобныя писцовымъ книгамъ, суть чисто туземное учрежденіе, основы котораго являются въ самую раннюю эпоху существованія Русскаго государства. На основа-

[1]) Извѣстія, 1868, Отд. I, стр. 205; 1869, Отд. I, стр. 24. Статья Н. В. Калачова была напечатана вполнѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» №4, въ 1869 г.

нiи данныхъ, представляемыхъ многими договорными и другими граматами XII, XIII, XIV и XV вѣковъ, можно считать несомнѣннымъ, что уже въ удѣльный періодъ существовали списки тѣхъ мѣстностей, съ которыхъ княжескіе посадники собирали дань, съ обозначеніемъ предметовъ и количества дани, и становъ или погостовъ, гдѣ были учреждены стоянки данщиковъ, при объѣздѣ порученныхъ имъ городовъ съ ихъ волостями и съ указаніемъ уѣздныхъ границъ. Въ XVI же и XVII вѣкахъ писцовыя книги являются уже результатомъ отчетливо сознанной и проведенной правительствомъ системы описанія земель, для взиманія, на основаніи этого описанія, людей на службу и разнаго рода казенныхъ сборовъ; такъ что въ это время распространеніе предѣловъ русскаго государства уже постоянно сопровождается посылкою во вновь пріобрѣтенныя области и города писцовъ для производства тамъ переписей. Такимъ образомъ составленныя и дополненныя въ разныя царствованія отъ Іоанна III до начала XVIII вѣка писцовыя, межевыя, переписныя, засѣчныя и другія по описанію земель книги сохранились въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи въ количествѣ слишкомъ 3000 текстовъ или редакцій, относящихся къ болѣе чѣмъ 100 городамъ и пригородамъ, съ ихъ уѣздами. Нѣкоторая доля этихъ книгъ ограничивается лишь весьма небольшими участками земли, но большая часть ихъ заключаетъ въ себѣ полныя описанія городовъ, съ ихъ уѣздами и съ опредѣленіемъ сборовъ, взимавшихся съ жителей. Изъ этого понятно, какое важное значеніе имѣютъ эти документы для разработки географіи и внутренняго быта древней Россіи: заключая въ себѣ массу названій различныхъ географическихъ мѣстностей, подробный перечень городскихъ построекъ, описаніе внутренняго украшенія церквей и монастырей, численныя данныя о населеніи городскомъ и сельскомъ, означеніе ихъ промысловъ и взимаемыхъ съ нихъ сборовъ, вышеупомянутые документы представляютъ множество новыхъ свѣдѣній, равно любопытныхъ для географа, статистика, этнографа,

археолога, юриста и финансиста. Принимая во вниманіе такую чрезвычайную научную важность писцовыхъ книгъ, Н. В. Калачовъ заявлялъ о необходимости обнародованія заключающихся въ нихъ свѣдѣній, и что выполненіе подобнаго предпріятія, по его мнѣнію, составляетъ почти нравственную обязанность Русскаго Географическаго Общества [1]).

Чтеніе Н. В. Калачева, такъ сказать, пробудило давнія стремленія Общества къ тому, что бы сдѣлать писцовыя книги общимъ достояніемъ всѣхъ, кто занимается, кто будетъ заниматься историческимъ изученіемъ состоянія Русской Земли и Русскаго Народа въ періодъ полнаго и всесторонняго развитія Московскаго государства, обнимающій пространство двухъ сотъ лѣтъ. Ближе и болѣе всего въ этомъ вопросѣ заинтересованы были Этнографическое и Статистическое Отдѣленія Общества и члены этихъ отдѣленій, тогда же условились собраться въ соединенное засѣданіе для тщательнѣйшаго обсужденія предложеній Н. В. Калачова.

Это соединенное засѣданіе состоялось 12 декабря 1868 г. и отличалось особенною оживленностію происходившихъ въ немъ преній, которыя сформулировались въ положительное и категорически выраженное желаніе, чтобы Общество приняло мѣры къ изданію писцовыхъ книгъ.

Н. В. Калачовъ въ этомъ засѣданіи повторилъ чтеніе своей статьи и въ заключеніе высказалъ, что, такъ какъ полное изданіе всей массы писцовыхъ книгъ неосуществимо по чрезвычайной обширности такого предпріятія, то и необходимо обнародовать научныя данныя, заключающіяся въ этихъ документахъ, по особому способу. По мнѣнію ученаго референта, способъ этотъ долженъ былъ состоять „въ искусной выборкѣ изъ писцовыхъ книгъ всѣхъ тѣхъ свѣдѣній, которыя могутъ интересовать того или другаго изслѣдователя; такая выборка чрезвычайно облегчается итогами, находящимися въ самыхъ кни-

[1]) Извѣстія, 1869, Отд. I, стр. 24.

гахъ послѣ описанія каждаго стана или волости и составляющими сводъ всѣхъ цифръ о числѣ селъ, деревень, погостовъ и починковъ, а въ нихъ дворовъ и жителей, о количествѣ владѣемой ими и пустой оброчной земли, о другихъ угодьяхъ и наконецъ о платимыхъ ими повинностяхъ. Извлеченіе такого рода, не будучи слишкомъ обширнымъ, составило бы въ своей совокупности ту именно работу по писцовымъ книгамъ, которую желательно имѣть для разнаго рода изслѣдованій по древней Россіи и осуществленіе которой вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣятельности Географическаго Общества". Вмѣстѣ съ этимъ Н. В. Калачовъ представилъ, какъ бы опытъ подобнаго извлеченія, составленное, подъ его наблюденіемъ, сокращеніе писцовой книги города Тамбова и его уѣзда, помѣщенное въ IV выпускѣ „Лѣтописи занятій Археографической Коммиссіи" (Спб. 1869 in 8°, стр.)

Какъ и слѣдовало ожидать, предложеніе г. Калачова, выслушанное присутствующими съ полнымъ одобреніемъ, вызвало различныя замѣчанія, какъ относительно вообще изданія писцовыхъ книгъ, такъ и способа, изложеннаго въ запискѣ. Нѣкоторые изъ членовъ (преимущественно А. П. Заблоцкій-Десятовскій и П. И. Саввантовъ, подъ редакціею котораго изданы Писцовыя книги Деревской пятины) высказали, что „писцовыя книги должны быть издаваемы не иначе, какъ вполнѣ, потому именно, что при сокращенномъ изданіи, какъ бы ни было оно искусно редактировано, всегда могутъ быть опущены такія подробности, которыя могутъ имѣть научное значеніе". Другіе члены (особенно В. И. Вешняковъ и И. И. Вильсонъ) допускали возможность изданія писцовыхъ книгъ въ сокращенномъ видѣ, если только для успѣшнаго и единообразнаго исполненія этого труда будетъ установлена опредѣленная программа, которою руководствовались бы лица, принимающія на себя выборку свѣдѣній изъ писцовыхъ книгъ; такъ предложено составлять эти извлеченія въ формѣ таблицъ, что значительно сократило бы объемъ самого изданія и потребныя на него из-

держки. Иные изъ членовъ (преимущественно А. Б. фонъ-Бушенъ) заявили желаніе имѣть свѣдѣнія изъ писцовыхъ книгъ по всей Россіи за одну какую-либо эпоху или, по крайней мѣрѣ, за одинъ возможно короткій періодъ времени, такъ какъ только такого рода свѣдѣнія могутъ имѣть значеніе въ статистическомъ отношеніи. Наконецъ высказано было (дѣйств. чл. Д. А. Кропотовъ) и такое мнѣніе, что древнѣйшія изъ писцовыхъ книгъ необходимо издать въ возможной полнотѣ, не взирая на то, что онѣ не обнимаютъ всего пространства тогдашней Россіи.

Въ отвѣтъ на это заявленіе Н. В. Калачовъ объяснилъ, что пользу изданія писцовыхъ книгъ во всей ихъ буквальности онъ не отвергаетъ, но считаетъ такое предпріятіе вполнѣ неосуществимымъ, какъ это уже доказывается отчасти опытомъ, сдѣланнымъ Археографическою Коммисіею. Что же касается изданія извлеченій въ формѣ таблицъ, то этотъ способъ представляетъ два неудобства: во 1-хъ, табличная форма совершенно уничтожаетъ свойственный писцовымъ книгамъ характеръ описанія мѣстностей; во 2-хъ, въ форму таблицъ нѣтъ возможности умѣстить большую часть свѣдѣній, заключающихся въ книгахъ. Относительно же изданія свѣдѣній за извѣстный краткій періодъ, онъ замѣтилъ, что такое требованіе трудно удовлетворить потому, что сохранившіяся и доселѣ извѣстныя книги разныхъ мѣстностей относятся ко всѣмъ различнымъ эпохамъ и что книгъ по всей Россіи за одну какую-либо эпоху не сохранилось.

Когда изъ разнообразія высказанныхъ мнѣній обнаружилось, что въ многолюдномъ собраніи соединенныхъ Отдѣленій трудно будетъ прійдти къ окончательному разрѣшенію вопроса, то предложили составить коммисію для обсужденія подробностей поднятаго чтеніемъ Калачова вопроса. Въ составъ этой коммисіи избраны были: А. И. Артемьевъ, В. И. Вешняковъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, Н. В. Калачовъ, Д. А. Кропотовъ и П. И. Саввантовъ; а такъ какъ А. П. Заблоцкій и П. И. Савва-

итовъ заявили, что по многочисленности своихъ занятій не могутъ принять участія въ коммисіи, то въ составъ ея были избраны А. Б. фонъ Бушенъ и И. И. Вильсонъ и приглашены къ участію секретари: Общества—баронъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ, и Отдѣленій — этнографіи Л. Н. Майковъ и статистики — М. Н. Раевскій [1]).

Означенная Коммисія, собравшись 17 декабря, единогласно признала безотлагательно принять мѣры къ осуществленію изданія писцовыхъ книгъ и представила слѣдующія соображенія:

1. Писцовыя книги издавать въ извлеченіи. Въ изданіи опускать всѣ повторенія, встрѣчающіяся въ книгахъ, а также всѣ свѣдѣнія, которыя не представляютъ прямаго научнаго интереса. Сверхъ того исключить совершенно изъ изданія тѣ писцовыя книги, которыя относятся цѣликомъ къ отдѣльнымъ владѣніямъ. 2. Въ частности печатаемое извлеченіе должно заключать въ себѣ: а) описанія городовъ; б) поименный перечень всѣхъ сельбищъ, съ указаніемъ при каждомъ географическаго положенія, числа жителей, количества дворовъ, земли и получавшагося дохода; изъ свѣдѣній другаго рода о сельскихъ поселеніяхъ вводить наиболѣе любопытныя; в) итоги по волостямъ, станамъ и уѣздамъ, заключающіяся въ писцовыхъ книгахъ; г) обозначеніе, по мѣрѣ возможности, уѣздныхъ межевыхъ границъ. Дальнѣйшія подробности извлеченія предоставить на усмотрѣніе дѣйств. члена Н. В. Калачова, который обязательно принимаетъ на себя трудъ редакціи всего изданія и выразилъ готовность продварительно привести въ извѣстность всѣ писцовыя книги, хранящіяся въ библіотекахъ и архивахъ С.-Петербурга, подобно тому, какъ это исполнено уже имъ по Московскому Архиву Министерства Юстиціи. 3. Для изданія раздѣлить писцовыя книги на три группы: первая будетъ заключать въ себѣ книги XVI столѣтія, кромѣ уже напечатанныхъ; вторая — книги XVII вѣка до 1683 года и третья — послѣ

[1]) Извѣстія, 1869, Отд. I, стр. 25—27.

1683 года. Этотъ годъ принять рубежемъ на томъ основаніи, что къ нему относится инструкція для составленія писцовыхъ книгъ, которая произвела измѣненія въ редакціи послѣдующихъ книгъ. Извлеченія изъ книгъ первой группы, какъ относящіяся къ древнѣйшему времени, составлять сравнительно подробнѣе. Ко всему изданію приложить систематическій азбучный указатель. 4) По предварительнымъ соображеніямъ, это изданіе можетъ составить 4 тома, каждый по 40 листовъ; срокъ для выхода ихъ всѣхъ можно опредѣлить въ пять лѣтъ. На работы по выпискамъ изъ подлинниковъ и на издержки по печатанію этихъ четырехъ томовъ потребуется, примѣрно, до 5000 р. Такъ какъ къ печатанію можно будетъ приступить не ранѣе 1870 г. или конца 1869 года, то на первый разъ необходимо ассигнованіе суммы лишь на первоначальныя работы по извлеченію свѣдѣній изъ подлинныхъ книгъ. Для этого, по мнѣнію Коммиссіи, вполнѣ достаточно 750 руб.; затѣмъ, въ послѣдующіе три года можно назначать по 1000 р. и наконецъ въ послѣдній годъ остальные 1250 р. Распредѣляя такимъ образомъ издержки на это важное изданіе, Коммисія руководилась желаніемъ, по возможности, избѣгнуть увеличенія ежегоднаго бюджета Общества.

Отдѣленія Статистики и Этнографіи, въ новомъ соединенномъ засѣданіи, 24 января 1869 г., вполнѣ одобрили представленный Коммисіею докладъ и опредѣлили: о всемъ вышеизложенномъ представить на утвержденіе Совѣта; а Н. В. Калачовъ просилъ присовокупить, чтобы Коммисія, на которую была возложена разработка даннаго вопроса, сохранила за собою право собираться для совѣщаній по ходу производимыхъ работъ, тѣмъ болѣе, что печатаніе извлекаемыхъ свѣдѣній будетъ имѣть мѣсто въ С.-Петербургѣ [1]).

Совѣтъ Общества отнесся къ представленію соединенныхъ Отдѣленій съ живымъ сочувствіемъ; но въ тоже время,

---

[1]) Извѣстія, 1869, Отд. I, стр 28–29.

желалъ дѣйствовать съ крайнею осторожностью. Имѣя въ виду, что Археографическая Коммисія, на которую возложена обязанность изданія древнихъ актовъ, уже начала печатаніе писцовыхъ книгъ вполнѣ, Совѣтъ опасался, такъ сказать, вторгнуться въ кругъ дѣятельности другаго учрежденія, хотя и зналъ, что Археографическая Коммисія пріостановила продолженіе своего изданія и, по всей вѣроятности, не обратится къ нему вновь весьма долгое время. Вслѣдствіе сего Совѣтъ, 30 января 1869 г., постановилъ: предварительно обсужденія вопроса о томъ, какія средства могутъ быть употреблены на предполагаемое изданіе извлеченій изъ писцовыхъ книгъ, снестись съ Археографическою Коммисіею, не встрѣчаетъ ли она съ своей стороны препятствій къ предполагаемому Обществомъ изданію, для чего сообщить и выработанную Отдѣленіями Статистики и Этнографіи программу; а если Коммисія не встрѣчаетъ препятствій, то не изъявитъ ли она согласія принять участіе въ означенномъ предпріятіи [1]).

Въ это самое время члены Ревизіонной Коммисіи (А. К. Гирсъ, П. И. Савваитовъ, М. О. Кояловичъ, И. П. Корниловъ, А. Б. фонъ Бушенъ, И. И. Вильсонъ, Ѳ. Г. Терперъ и Ю. А. Гагемейстеръ), разсматривавшіе отчетъ Общества за 1868 годъ, въ виду важности вопроса объ изданіи писцовыхъ книгъ, сочли долгомъ присоединить и свой голосъ къ ходатайству двухъ Отдѣленій.

Принимая въ соображеніе, съ одной стороны то, что изданіемъ труда покойнаго К. А. Неволина и увѣнчаніемъ его высшею своею наградою наше Общество, уже 20 лѣтъ тому назадъ, заявило о своемъ вниманіи къ этому роду научной дѣятельности, а съ другой—то, что пріостановленное Археографическою Коммисіею буквальное воспроизведеніе писцовыхъ книгъ не обѣщаетъ возобновиться, а возобновившись не можетъ обѣщать скораго окончанія,—члены Ревизіонной Коммисіи па-

[1]) Извѣстія, 1869, Отд. I, стр. 12.

ходили, что „способъ изданія предложенный Н. В. Калачовымъ, сохраняя за писцовыми книгами все значеніе ихъ, какъ богатѣйшаго матеріала для изслѣдованія всѣхъ сторонъ внутренняго быта допетровской Россіи, даетъ возможность привести это дѣло къ скорому концу". Но независимо отъ важности самаго предмета, возбуждающаго сочувствіе всѣхъ друзей отечествовѣдѣнія, Ревизіонная Коммисія выразила твердую увѣренность въ успѣхѣ предпріятія, въ виду высокихъ качествъ того ученаго, который обязательно принималъ на себя выполненіе этого дѣла. „Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію— говорилось въ заявленіи Коммисіи,— что какъ бы ни были разумны основы какого-либо учрежденія, какія бы высокія и благотворныя цѣли оно себѣ не опредѣлило, успѣхъ его дѣятельности, главнымъ образомъ, зависитъ отъ личныхъ качествъ тѣхъ его членовъ, въ рукахъ которыхъ будетъ находиться дѣло. Въ этомъ отношеніи, признавая, что вообще всѣ ученыя предпріятія Общества находили достойныхъ исполнителей, Ревизіонная Коммисія тѣмъ не менѣе думала, что немногимъ изъ предпріятій Общества выпадала такая счастливая доля, какъ нынѣ предположенному изданію писцовыхъ книгъ. Многолѣтняя ученая дѣятельность достойнаго сочлена нашего Н. В. Калачова, его обширныя и глубокія познанія по предметамъ нашей старины, его труды, доставившіе ему вполнѣ заслуженную почетную извѣстность, все это даетъ полную увѣренность, что предложенное имъ изданіе писцовыхъ книгъ составитъ богатый вкладъ въ литературу нашей науки и что Географическое Общество своимъ участіемъ въ этомъ изданіи пріобрѣтетъ новое право на уваженіе и признательность со стороны тѣхъ, кому дороги интересы отечественной науки и просвѣщенія" [1]).

Между тѣмъ полученъ былъ и отзывъ Археографической Коммисіи по этому предмету. Коммисія увѣдомляла, что предполагаемое Обществомъ изданіе извлеченій изъ писцовыхъ книгъ

[1]) Извѣстія, 1869, Отд. I, стр. 127—129

она отнюдь не можетъ считать какимъ-либо нарушеніемъ ея собственныхъ издательскихъ правъ и высказывая полное сочувствіе къ предпріятію, выразило сожалѣніе, что не можетъ принять участіе въ этомъ изданіи, какъ по ограниченности денежныхъ средствъ, такъ и потому, что, согласно своему уставу, она имѣетъ предметомъ только изданіе полныхъ текстовъ, а не извлеченій. Вмѣстѣ съ этимъ Коммисія высказала, что было бы желательно предполагаемое изданіе снабдить картами, составленными на основаніи писцовыхъ книгъ.

Совѣтъ, принявъ во вниманіе отзывъ Археографической Коммисіи и заявленіе, сдѣланное Ревизіонною Коммисіею, въ засѣданіи 11 марта 1869 г., призналъ осуществленіе означеннаго предположенія въ средѣ Общества „весьма полезнымъ, съ тѣмъ однако, чтобы при составленіи извлеченій обращено было вниманіе: 1) На группировку предметовъ, заключающихся въ писцовыхъ книгахъ, въ географическомъ порядкѣ, съ соблюденіемъ по мѣрѣ возможности, подраздѣленій на области и уѣзды.— такъ какъ, при надлежащемъ географическомъ распредѣленіи каждая часть изданія будетъ представлять совершенно законченный отдѣлъ и можетъ имѣть значеніе и принести пользу даже въ томъ случаѣ, если бы изданіе по какимъ либо обстоятельствамъ, не могло быть доведено до окончанія. 2) Чтобы при выборкѣ изъ писцовыхъ книгъ разнаго рода свѣдѣній было соблюдаемо во всемъ изданіи полное однообразіе и послѣдовательность. Это правило относится въ особенности до числовыхъ данныхъ. Если извѣстнаго рода статистическія свѣдѣнія, касающіяся какой либо мѣстности, войдутъ въ составъ извлеченія, то необходимо, чтобы однородныя свѣдѣнія, относящіяся до другой мѣстности, ни въ какомъ случаѣ не были пропускаемы. 3) Совѣтъ не могъ не принять также во вниманіе заявленія, сдѣланнаго Археографическою Коммисіею о томъ, что было бы весьма желательно присоединить къ предполагаемому изданію географическія карты, съ нанесеніемъ на нихъ разными красками или разными шрифтами мѣстностей по мѣрѣ появленія

ихъ въ писцовыхъ книгахъ. Такія карты представляли бы самый надежный и богатый матеріалъ для изученія постепеннаго заселенія Россіи и движенія въ ней народонаселенія и для рѣшенія многихъ другихъ географическихъ и статистическихъ вопросовъ" [1]).

Постановленіе Совѣта, чрезъ предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Статистики, было сообщено особой Коммисіи по предмету изданія свѣдѣній изъ писцовыхъ книгъ, и она, въ засѣданіи 22 марта 1869 г., по разсмотрѣніи каждаго изъ трехъ пунктовъ въ отдѣльности, опредѣлила: 1) Руководствуясь въ общемъ планѣ изданія распредѣленіемъ писцовыхъ книгъ на три хронологическія группы, уже признаннымъ за главное основаніе въ трудѣ, - при изданіи каждой хронологической группы держаться порядка географическаго; 2) соблюденіе полнаго однообразія въ самомъ извлеченіи свѣдѣній, въ особенности числовыхъ данныхъ, составляетъ несомнѣнно существенную необходимость разсматриваемаго труда: въ этихъ видахъ въ предисловіи къ изданію будутъ оговорены пріемы, которыми редакція намѣрена руководствоваться въ трудѣ, при комбинаціи статистическихъ данныхъ; 3) выражая свое полное сочувствіе къ желанію имѣть карты при изданіи, Коммисія однако пришла къ заключенію, что составленіе подобныхъ картъ неминуемо потребуетъ обширнаго спеціальнаго труда и особыхъ съ этою цѣлью изслѣдованій, и потому возможно только по окончаніи всего изданія извлеченій изъ писцовыхъ книгъ [2]).

Какъ только послѣдовало согласіе Совѣта Общества на предполагавшееся изданіе, Н. В. Калачовъ немедленно приступилъ къ предварительнымъ работамъ, начавъ съ книгъ XVI столѣтія, которыя должны войдти въ первую серію изданія. Свѣдѣнія о писцовыхъ книгахъ, хранящіяся въ Московскихъ Архивахъ Министерствъ Юстиціи и Иностранныхъ Дѣлъ, а также въ

[1]) Извѣстія, 1869, Отд. I, стр. 115—116.
[2]) Извѣстія, 1869, Отд. I, стр. 146—147.

Румянцовскомъ Музеѣ уже и прежде были имъ собраны; а тутъ онъ привелъ въ извѣстность книги, какъ хранящіяся въ библіотекахъ: Императорской Публичной и Академіи Наукъ, такъ и заключающіяся въ Литовской метрикѣ при Департаментѣ Геральдіи. Доводя объ этомъ до свѣдѣнія Коммисіи по изданію извлеченій изъ писцовыхъ книгъ, онъ заявилъ, что изъ всѣхъ имѣющихся въ виду книгъ полагаетъ не включать совершенно въ изданіе книгъ XVI вѣка, относящихся до Новгородскихъ Пятинъ, такъ какъ Археографическою Коммисіею предпринято текстуальное ихъ изданіе, которое хотя и пріостановлено въ послѣднее время, однако не можетъ считаться вовсе прекращеннымъ. Остающіяся за тѣмъ книги онъ положилъ раздѣлить для печати на нѣсколько группъ, изъ которыхъ каждая заключала бы въ себѣ писцовыя книги городовъ, находящихся теперь въ предѣлахъ одной губерніи. Вслѣдъ за извлеченіемъ изъ писцовой книги описанія города будетъ печататься извлеченіе изъ описанія его уѣзда, въ тѣхъ границахъ, въ какихъ былъ уѣздъ при составленіи книги, хотя бы онъ заходилъ даже въ предѣлы другой губерніи; пріуроченіе же древнихъ уѣздовъ къ нынѣшнимъ, требуя особаго, спеціальнаго труда, побудило бы выйдти изъ рамокъ настоящаго изданія, которое имѣетъ цѣлью представить въ извлеченіи самыя писцовыя книги. Въ тоже время, дѣленіе городовъ по губерніямъ даетъ возможность соблюсти одно изъ существенныхъ условій предпринимаемаго труда, чтобъ книги каждой хронологической группы были расположены въ порядкѣ географическомъ. Для удобства справокъ группы по губерніямъ будутъ имѣть римскую нумерацію, а книги городовъ— арабскую. Относительно порядка губерній И. В. Калачовъ полагалъ принять за правило—идти отъ центра къ окружности, избравъ этимъ центромъ Москву. Въ частности группы 1-й серіи изданія, съ исключеніемъ повсюду книгъ Новгородскихъ Пятинъ, будутъ слѣдующія: I. книги губерніи Московской, II. Владимірской, III. Костромской, IV. Ярославской, V. Тверской, VI. Олонецкой, VII. Псковской, VIII. Витебской, IX. Смо-

ленской. X. Калужской, XI. Орловской, XII. Тульской, XIII. Рязанской, XIV. Нижегородской. XV. Казанской и XVI. Пермской.

Коммисія согласилась вполнѣ съ заключеніями Н. В. Калачова; но вмѣстѣ съ тѣмъ выразила желаніе, высказываемое и прежде, чтобы въ случаѣ, если окажутся по какой-либо мѣстности, за извѣстный періодъ лѣтъ, двѣ писцовыя книги, то помѣщать пространное извлеченіе изъ древнѣйшей, а изъ второй извлекать только тѣ свѣдѣнія, которыхъ нѣтъ въ первой.

Въ заключеніе Коммисія, принимая въ соображеніе, что извлеченіе свѣдѣній изъ книгъ Новгородскихъ Пятинъ отстранено исключительно въ виду предпринятаго Археографическою Коммисіею полнаго ихъ изданія, высказалась единогласно о томъ, что интересы отечественной науки заставляютъ желать, чтобъ изданіе Археографической Коммисіи было доведено до конца, ибо только при этомъ условіи ученая литература будетъ располагать свѣдѣніями совершенно по всѣмъ писцовымъ книгамъ. Вслѣдствіе сего Коммисія положила: просить Совѣтъ Общества снестись по этому предмету съ Археографическою Коммисіею, и Совѣтъ исполнилъ такую просьбу. [1])

Б. КНИГА БОЛЬШАГО ЧЕРТЕЖА.

Другой важный, общензвѣстный, но почти вовсе не изслѣдованный памятникъ географическихъ трудовъ нашихъ предковъ, такъ называемая „Книга Большаго Чертежа“ — была также предметомъ особенныхъ заботъ Отдѣленія Этнографіи, сколько въ отношеніи ея изданія въ новомъ, лучшемъ видѣ, столько же въ отношеніи разъясненія элементовъ послужившихъ къ ея составленію и пріуроченія заключающихся въ ней данныхъ къ современному положенію и состоянію мѣстностей, упоминаемыхъ въ книгѣ.

[1]) Извѣстія, 1860, Отд. I, стр. 236–238, 263.

Нѣтъ точныхъ свѣдѣній, когда составлена была древнѣйшая географическая карта Московскаго государства; но положительно извѣстно, что въ началѣ XVII вѣка въ Разрядѣ имѣлся „большой чертежъ всему Московскому государству по всѣ окрестныя государства, и въ томъ чертежѣ мѣра верстами и милями, и конскою ѣздою, сколько ѣхать станичною ѣздою на день, написано, и мѣра верстамъ положена“. Этотъ чертежъ, какъ составленный „давно при прежнихъ государяхъ“ избился весь и развалился и пришелъ въ такую ветхость, что „по немъ урочищъ смотрѣть было не можно“. Поэтому Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ (въ 1627 г.) повелѣлъ возобновить его, „примѣрясь къ тому старому чертежу, что̀ уцѣлѣлъ отъ пожару“. Въ тоже время составленъ былъ и другой чертежъ „противъ розрядныя росписи отъ царствующаго града Москвы, Рязанскимъ и Сѣверскимъ и Польскимъ городамъ, и полю, и рѣкамъ и всѣмъ урочищамъ до Перекопи тремя дорогами, и Крымской Ордѣ новой сдѣланъ, и всякія урочища на чертежахъ противъ росписи и противъ стараго чертежу подписаны и на чертежахъ знаменемъ мѣра верстамъ положена“. Противъ этого чертежа велѣно было „и книгу написать, и въ книгѣ и въ чертежѣ знамя мѣрѣ верстамъ положить по прежнему, какъ была мѣра верстамъ знамемъ въ старомъ чертежѣ положена“.

Такъ произошла „Книга Большому Чертежу“. Отсюда очевидно, что книга эта составляла не болѣе, какъ объяснительный текстъ (дорожникъ) или перепись втораго чертежа, а самый чертежъ имѣлъ характеръ нынѣшнихъ маршрутныхъ картъ.

Самый чертежъ не сохранился или, по крайней мѣрѣ, доселѣ не отысканъ въ архивахъ и библіотекахъ (кромѣ „Чертежной Книги всей Сибири“—Семена Ремезова); но объяснительный къ нему текстъ, т. е. „Книга Большаго Чертежа“ дошла до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ, важнѣйшіе варіанты, въ которыхъ существеннымъ образомъ происходятъ отъ того, что одни изъ списковъ относятся, по всей вѣроятности, прямо

къ чертежу 1627 года, а другіе къ чертежу вновь исправленному и дополненному при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ въ 1680 году.

Но если внимательно вчитываться въ текстъ книги Большаго Чертежа, если сообразить заключающіяся въ немъ свѣдѣнія и самое расположеніе статей съ нѣкоторыми другими документами XVII и XVI столѣтія (въ особенности же съ росписями сторожевой и станичной службы), то можно замѣтить признаки того, что первоначальный текстъ гораздо древнѣе 1627 года и даже ранѣе царствованія Ѳеодора Іоанновича (1584—1598), когда, какъ полагаютъ иные, составленъ первый чертежъ, о которомъ въ 1627 году сказано, что онъ „сдѣланъ былъ при прежнихъ государяхъ“ и „уцѣлѣлъ отъ пожара“.

Что чертежи частные существовали еще въ царствованіе Іоанна Грознаго,—объ этомъ имѣется много свидѣтельствъ, неподлежащихъ никакому сомнѣнію. Одно уже это обстоятельство позволяетъ предполагать: во 1-хъ то, что и общій чертежъ Московскаго государства могъ существовать тогда же; а во 2-хъ и то, что составленіе чертежей (по крайней мѣрѣ частныхъ) могло начаться гораздо раньше Іоанна Грознаго, быть можетъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ окончательно сложилось Московское государство въ концѣ XV вѣка, при Іоаннѣ III.

Всѣ эти вопросы, весьма любопытные и важные въ изслѣдованіи о степени географическихъ познаній нашихъ предковъ и о состояніи у нихъ картографіи, естественно должны были обратить на себя вниманіе ученаго общества, избравшаго своею цѣлію собираніе, обработку и распространеніе въ Россіи географическихъ, этнографическихъ и статистическихъ свѣдѣній. Блистательный опытъ разработки древнихъ географическихъ документовъ, произведенный К. А. Неволинымъ, возбуждалъ надежды, что и всѣ недоумѣнія о книгѣ Большого Чертежа найдутъ себѣ опытнаго и вооруженнаго эрудиціею истолкователя и разъяснителя.

Мысль о необходимости разработки этого вопроса поднята была въ Отдѣленіи Этнографіи, гдѣ предсѣдательствующій Н. И. Надеждинъ самъ посвящалъ много трудовъ на разъясненіе и возстановленіе древне-русской географической номенклатуры. Предложеніе Надеждина поддержано было его ученымъ другомъ К. А. Неволинымъ, голосъ котораго въ этомъ случаѣ, конечно, имѣлъ чрезвычайно важное значеніе.

Первоначальное намѣреніе клонилось къ тому только, чтобъ возстановить древнюю карту Россіи, по книгѣ Большаго Чертежа, т. е. пріурочить къ нынѣшнимъ картамъ всѣ географическія данныя, заключающіяся въ этой книгѣ. Подобную работу, конечно, возможно было исполнить коллективно, т. е. совмѣстными трудами цѣлаго Отдѣленія или нѣсколькихъ его членовъ: но когда также естественно возникло желаніе опредѣлить, по возможности, источники послужившіе для составленія „большаго чертежа“ и чрезъ это опредѣлить время первоначальнаго составленія карты и постепенно дѣлавшихся въ ней исправленій и пополненій,—то, само собою разумѣется, обнаружилось, что успѣхъ такого изслѣдованія возможенъ лишь тогда, когда одно какое-либо лицо возмется за изслѣдованіе. Частныя розысканія въ подобныхъ случаяхъ получаютъ значеніе подготовительныхъ работъ, и какъ почти никогда не приводящія къ одному общему результату, требуютъ пересмотра, соглашенія между собою и группировки подъ однимъ взглядомъ. Въ ту пору никто изъ членовъ Общества не сознавалъ себя на столько готовымъ на такое дѣло, и потому Отдѣленіе Этнографіи пришло къ заключенію, что вопросъ объ изслѣдованіи Книги Большаго Чертежа можно избрать задачею на конкурсъ.

Задача эта была формулирована Отдѣленіемъ Этнографіи и утверждена Совѣтомъ Общества, 23 февраля 1852 г., въ слѣдующемъ видѣ: „Возстановить по такъ называемой „Книгѣ Большаго Чертежа“ древнюю географическую карту Россіи и

сопредѣльныхъ съ нею странъ, для которыхъ книга эта въ свое время служила текстомъ“ [1]).

Для рѣшенія этой задачи требовалось:

1) Всѣ географическія данныя, содержащіяся въ Книгѣ Большому Чертежу пріурочить и нанести на карту, согласно указаніямъ самой книги.

2) Такъ какъ Большой Чертежъ былъ составленъ по тогдашнимъ путямъ сообщенія внутри государства и съ сопредѣльными съ нимъ странами, то пути эти, какъ водяные, такъ и сухопутные, означить на картѣ со всей тщательностью и съ

[1]) Вѣстникъ, IV, прил. стр. 59—61.—Должно, однако, присовокупить, что въ Отдѣленіи, при обсужденіи (31 января 1852 г.) вопроса о томъ, какую именно задачу предложить на конкурсъ? — заявлено было нѣсколько различныхъ темъ. Такъ дѣйств. чл. *А. К. Казембекъ* предлагалъ: „Собрать на мѣстахъ матеріалы для изслѣдованія вліянія Русскаго языка на языки Тюркскихъ народовъ, обитающихъ въ предѣлахъ Россіи, приведя въ извѣстность тѣ слова въ этихъ языкахъ, которыя имѣютъ сходство съ словами русскими“. Дѣйств. чл. *Н. И. Колощинъ* «Составить этнографическое описаніе Цыганъ, обитающихъ въ Россіи». Дѣйств. чл. *И. И. Небольсинъ* предлагалъ нѣсколько темъ: а) «Описать городища и историческія развалины по обоимъ берегамъ Волги. б) Составить полное систематическое извлеченіе изъ всѣхъ извѣстій о кочевыхъ и бродячихъ племенахъ и народахъ обитавшихъ и доселѣ обитающихъ въ Россіи. в) Составить полное систематическое описаніе обычаевъ и образа жизни народовъ, обитающихъ въ Россіи и исповѣдующихъ исламъ; г) Составить этнографическое описаніе Киргизовъ съ показаніемъ ихъ общественнаго устройства и историческаго происхожденія». Дѣйств. чл. *А. Г. Яновскій* предлагалъ разъяснить посредствомъ мѣстныхъ наблюденій вопросы: а) Объ особенностяхъ Костромскихъ Галичанъ, называющихъ себя Кривитами и языкъ свой Елманскимъ. а) О парѣчіи Масовскомъ въ окрестностяхъ города Торопца. в) О племени древнихъ Родимичей на рѣкѣ Сожи, коихъ и теперь сосѣди зовутъ Ляхами, и о различіи ихъ отъ жителей на рѣкѣ Окѣ, гдѣ показаны ихъ соплеменники Вятичи. г) О границахъ бѣлорусскаго племени на западѣ. д) Объ отличіяхъ жителей Гродненской, Виленской и сѣверной части Волынской губерній отъ сосѣдей ихъ Малороссовъ и Бѣлоруссовъ. Членъ-сотрудникъ *В. И. Любичъ-Романовичъ*: «Изслѣдовать этнографически и филологически народность Литовскаго племени». Всѣ эти предложенія были отклонены и принята была Отдѣленіемъ задача, предложенная *И. И. Надеждинымъ* (Вѣстникъ, V, прил. стр. 20—21). Не лишне будетъ замѣтить здѣсь, что къ нѣкоторымъ изъ предложенныхъ вопросовъ Отдѣленіе возвращалось и въ послѣдствіи; а изслѣдованія о Литовскомъ племени и Бѣлорусскомъ отчасти исполнены Обществомъ во время экспедиціи въ Сѣверо-Западныя губерніи.

возможною точностію, на основаніи показанныхъ въ книгѣ урочищъ и разстояній.

3) Къ составленной, такимъ образомъ, картѣ приложить объяснительный текстъ, въ которомъ дать подробный отчетъ, какъ объ общихъ началахъ, такъ и о причинахъ, почему нанесенныя на нее данныя пріурочены такъ, а не иначе.

4) Присовокупить систематическую роспись всѣхъ положенныхъ на карту мѣстностей, въ порядкѣ, который обыкновенно употребляется въ географическихъ обозрѣніяхъ; или самый объяснительный текстъ расположить такъ, чтобы вышелъ родъ Географіи Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ, современный Большому Чертежу.

5) Сверхъ того выражалось желаніе, чтобы по возможности, изслѣдовано было происхожденіе и судьба самого подлинника Большаго Чертежа и указано на источники, какіе могли служить для его составленія. Равнымъ образомъ признавалось полезнымъ коснуться вопроса: не былъ ли этотъ чертежъ извѣстенъ иностраннымъ картографамъ XVII вѣка и не пользовались ли они имъ при составленіи своихъ картъ сѣверо-восточной Европы и Азіи? Въ особенности же поручалось обратить тщательное вниманіе, по крайней мѣрѣ, на то: въ какой степени данныя Большаго Чертежа согласуются или не согласуются съ картою приписываемою царевичу Ѳеодору Борисовичу.

За вполнѣ удовлетворительное рѣшеніе этой задачи назначена была премія въ 300 рублей серебромъ. Срокъ доставленія отвѣтовъ полагался не позже 1 іюня 1853 года, то есть почти полтора года со времени объявленія программы, которая напечатана была въ наиболѣе распространенныхъ столичныхъ газетахъ и журналахъ и во всѣхъ губернскихъ вѣдомостяхъ [1]).

[1]) Вѣстникъ, IV, прилож. стр. 59—61. А самая программа напечатана въ томъ же томѣ, Отд. V, стр. 163. Отчетъ за 1851 г., стр. 27. Отчетъ за 1852 г., стр. 57.

Назначенный Обществомъ срокъ для представленія отвѣтовъ на эту задачу истекъ, а между тѣмъ не было доставлено ни одного сочиненія. Такъ же неудаченъ былъ вызовъ и на рѣшеніе задачи по Отдѣленію Математической Географіи („Составить историческое и критическое обозрѣніе способовъ для географическаго опредѣленія мѣстъ“). Но спустя мѣсяцъ по истеченіи срока (въ началѣ августа 1853 г.) доставлена была въ Общество одна рукопись съ слѣдующею написью: „Если срокъ на представленіе отвѣтовъ на предложенную задачу уже истекъ, то сочинитель покорнѣйше проситъ Общество вскрыть конвертъ, скрывающій его имя, и напечатать это сочиненіе въ своихъ періодическихъ изданіяхъ, по уставу Общества“. По вскрытіи пакета въ Совѣтѣ, авторомъ присланной рукописи оказался живущій въ Твери, коллежскій секретарь Василій Алексѣевичъ Преображенскій [1]). Самая статья его, по порученію Совѣта, разсмотрѣна была К. А. Неволинымъ и оказалась заключающею въ себѣ только нѣсколько замѣчаній о древней географіи нынѣшней Тверской губерніи, а потому ни въ какомъ случаѣ не могла быть разсматриваема какъ полный отвѣтъ на задачу о книгѣ Большаго Чертежа. Тѣмъ не менѣе рецензентъ находилъ въ статьѣ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній и потому признавалъ, что извлеченія изъ нея могли бы быть помѣщены въ Вѣстникѣ Общества [2]).

Тогда Совѣтъ Общества обратился въ Отдѣленіе Этнографіи съ вопросомъ: считаетъ ли оно нужнымъ возобновить на новый срокъ прежнюю задачу или же вмѣсто ея предложитъ новую? — Отдѣленіе, въ засѣданіи 3 декабря 1853 г., войдя вновь въ обсужденіе предложенной отъ него задачи, признало, что рѣшеніе ея весьма важно по отношенію къ исторической географіи и этнографіи русской, а потому и постановило: воз-

[1]) Авторъ: «Описанія Тверской губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи», удостоеннаго отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ золотой медали, изд. въ 1854, 8°.

[2]) Вѣстникъ, X, прилож. стр. 6.

обновить эту самую задачу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая въ соображеніе, что по первому объявленію этой задачи представлено было только одно сочиненіе, да и то по истеченіи назначеннаго срока, Отдѣленіе пришло къ убѣжденію, что для полной обработки предложеннаго вопроса полуторогодовой срокъ нельзя считать достаточнымъ, и ходатайствовало предъ Совѣтомъ о возобновленіи задачи о книгѣ Большаго Чертежа съ назначеніемъ срока къ 1 іюля 1856 года (т. е. въ $2^1/_2$ года). Совѣтъ утвердилъ это представленіе, продолживъ срокъ еще на два мѣсяца,—до 1 сентября 1863 г.; при чемъ увеличилъ и премію до 500 рублей, ибо призналъ прежнюю не вполнѣ соразмѣрнымъ вознагражденіемъ за трудъ, требующій времени болѣе $2^1/_2$ лѣтъ [1]).

Должно сказать, что Отдѣленіе, какъ при первоначальномъ объявленіи задачи о книгѣ Большаго Чертежа, такъ и въ эту пору, при возобновленіи конкурса на нее, ожидало получить отвѣты, созданные не однимъ путемъ кабинетныхъ размышленій, но въ большей или меньшей степени провѣренные личными изъисканіями на мѣстахъ. Само собою разумѣется, что при этомъ невозможно было требовать, чтобы авторъ отвѣта провѣрилъ по наличности всѣ мѣстности, упоминаемыя въ книгѣ Большаго Чертежа, но конечно позволительно было желать, что бы хоть нѣкоторыя показанія этой книги были разъяснены, подтверждены или опровергнуты на основаніи самоличнаго освидѣтельствованія урочищъ и разстояній. Въ этомъ случаѣ Отдѣленіе болѣе всего разсчитывало на любознательность иногородныхъ изъискателей русской старины. Такія надежды были, по видимому, не безосновательны, потому что изъ многихъ губерній постоянно сообщались въ Общество любопытныя и важныя замѣтки о различныхъ мѣстностяхъ, почему-либо замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи и слѣдовательно

[1]) Вѣстникъ IX, дѣйствія Общества, стр. 9; X, прилож. стр. 43. Отчетъ за 1863 г. стр. 23. Вѣстникъ XI, прилож. стр. 25, 26; XII, прилож. стр. 11, 12.

въ нѣкоторой степени, представляющія матеріалъ для объясненія книги Большаго Чертежа [1]). Тѣмъ съ большею увѣренностію Отдѣленіе могло разсчитывать на иногородныхъ изслѣдователей, что въ эту самую пору двое изъ членовъ Общества, проживавшіе въ Воронежѣ, *Н. П. Второвъ* и *К. О. Александровъ-Дольникъ*, издавая сборникъ Воронежскихъ актовъ (Древнія грамоты и другіе письменные памятники, касающіеся Воронежской губерніи и частью Азова, I—III; Воронежъ, 1851—1853; in 8°), предприняли вмѣстѣ съ тѣмъ составленіе карты Воронежскаго края въ томъ положеніи, въ какомъ онъ находился въ XVII столѣтіи, съ показаніемъ тогдашнихъ городовъ, селеній, остроговъ, сторожъ, валовъ и другихъ укрѣп-

[1]) Стоитъ пересмотрѣть всѣ списки доставленныхъ со времени открытія Общества различныхъ статей, чтобъ убѣдиться въ томъ сочувствіи, съ какимъ отнеслись лица всѣхъ сословій къ дѣятельности Общества. Можно сказать, что ни одно изъ свѣдѣній, заключающихся въ этихъ статьяхъ не оставлено Обществомъ безъ вниманія: топографическія и статистическія данныя большею частію внесены въ Географическій Словарь; пословицы, сказки, пѣсни, заговоры и т. под. этнографическіе матеріалы напечатаны въ Этнографическомъ Сборникѣ; метеорологическія наблюденія вошли въ издававшійся Метеорологическій Сборникъ. Но весьма многія изъ такихъ статей напечатаны вполнѣ въ періодическихъ изданіяхъ Общества - Вѣстникѣ и Географическихъ Извѣстіяхъ. Считаемъ нелишнимъ поименовать тѣ изъ нихъ, въ которыхъ заключаются свѣдѣнія по преимуществу относящіяся къ исторической географіи Россіи: *П. Шведа*, Крестовый и Пелій мысы или Бѣсъ и Бѣсиха (Географическія извѣстія, 1850, стр. 68—71); *Иванина*, Описаніе Закамскихъ линій; *А. П. Соколова*, Таймурскій полуостровъ; *Е. Казанскаго*, Мѣстечко Березвечъ; *М. Спафарьева* Гора Шатрища (Вѣстникъ, т. I); Мѣстечко Животовъ въ Кіевской губ. Вѣстникъ т. III), *Г. И. Спасскаго*, Свѣдѣнія Русскихъ о р. Амурѣ въ XVII столѣтіи (Вѣстникъ, VII); *С. П. Гуляева*; О древностяхъ, открываемыхъ въ Киргизской степи; Древности найденныя близъ г. Орла (Вѣстникъ, VIII); *Кн. Кострова*, Списокъ каменнымъ изваяніямъ, находящимся въ Минусинскомъ округѣ Енисейской губерніи; *П. Абрамова*, О древнихъ городищахъ въ Ялуторовскомъ округѣ Тобольской губ. (Вѣстникъ, X); *А. Дмитрюкова* Городища и курганы, находящіеся въ Суджинскомъ и Рыльскомъ уѣздахъ Курской губ. (Вѣстникъ, XI). Ограничиваемся указаніемъ только этихъ и при томъ мелкихъ статей, какъ напечатанныхъ Обществомъ въ промежутокъ времени отъ основанія Общества до вторичнаго конкурса на задачу о книгѣ Большаго Чертежа. Статьи болѣе капитальныя, какъ поступившія и напечатанныя въ этотъ періодъ, такъ и позднѣе, будутъ упомянуты и отчасти разобраны въ своемъ мѣстѣ.

леній, путей, которыми Татары Крымскіе и Нагайскіе ходили на Русь и т. под. [1]) Различные „Указатели“, которыми сопровождался каждый томъ „Воронежскихъ Актовъ“ были не простыми обычными алфавитными перечнями „лицъ и мѣстностей, упоминаемыхъ въ актахъ“, но представляли почти полную географію и этнографію Россіи и ея государственный, общественный и экономическій строй въ томъ видѣ, въ какомъ они являлись по этимъ самымъ актамъ. Коротко сказать въ трудѣ гг. Второва и Александрова-Дольника уже являлось отчасти осуществленіе того, что̀ желалось Отдѣленіемъ имѣть исполненнымъ по отношенію къ книгѣ Большаго Чертежа (п. 4 программы). Этотъ опытъ служилъ очевиднымъ доказательствомъ возможности исполненія программы даже въ провинціи, гдѣ конечно не имѣется тѣхъ ученыхъ пособій, какими можетъ воспользоваться всякій изслѣдователь въ столицѣ. Отдѣленіе, такъ сказать, почти было убѣждено, что отвѣты на задачу явятся изъ провинцій, тѣмъ болѣе, что доходили нѣкоторыя извѣстія о предпріятіяхъ подобнаго рода.

Къ назначенному сроку, въ августѣ 1856 г., на соисканіе преміи представлена была рукопись подъ заглавіемъ: „Краткій очеркъ русской картографіи, или объясненіе къ древней картѣ Московскаго Государства, извѣстной подъ названіемъ Большаго Чертежа“—съ эпиграфомъ:

Si quid novisti rectius istis
Candidus imperti; si non, his utere mecum.
Horatii Ep. I, 5.

Это была довольно обширная тетрадь на 185 нумерованныхъ листахъ in 4^0 и кромѣ того при ней была тетрадка на 32 особо нумерованныхъ страницахъ и еще 8 страницъ ненумерованныхъ. Къ этому тексту приложены были двѣ карты: одна на 6 большихъ листахъ, съ надписью „Большой Чертежъ всему Московскому Государству“, а другая на 4 большихъ листахъ,

[1]) Отчетъ за 1851 г., стр. 40. Отчетъ за 1852 г., стр. 38.

съ заглавіемъ: „Дополнительная къ Большому Чертежу подробная карта отъ Москвы до Перекопа“.

Отдѣленіе Этнографіи, согласно существующимъ правиламъ, въ засѣданіи 12 ноября 1856 г., для подробнаго разбора присланнаго отвѣта, составило особую коммисію изъ членовъ: Э. И. Эйхвальда, П. С. Савельева и А. И. Артемьева. Но принимая во вниманіе, что удовлетворительность рѣшенія этой задачи зависитъ преимущественно, и почти единственно, отъ правильности пріуроченія упоминаемыхъ въ Книгѣ Большаго Чертежа урочищъ къ нынѣ существующимъ, Отдѣленіе постановило, чтобы принадлежащія къ присланной рукописи карты, сверхъ того, были разсмотрѣны всѣми членами Отдѣленія, которые по личнымъ наблюденіямъ и въ подробностяхъ знаютъ топографію той или другой части Россіи [1]).

Эта тщательность разбора присланнаго сочиненія, конечно, необходимая, должно сознаться, значительно замедлила ходъ самаго дѣла, такъ что назначенная коммисія, сообразивъ и согласивъ полученные отзывы, могла представить свой отчетъ о возложенномъ на нее порученіи только къ сентябрю 1857 г.

Сообразивъ представленное на конкурсъ сочиненіе съ требованіями объявленной программы, коммисія нашла, что авторъ рукописи исполнилъ *только одно* изъ условій задачи: возстановилъ по книгѣ Большаго Чертежа карту Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ, на 6 листахъ большаго размѣра, присоединивъ къ ней другую карту, на 4 листахъ, на которую нанесено пространство отъ Москвы до Перекопа, такъ какъ подробности эти не могли удобно умѣститься на меньшаго масштаба генеральной картѣ. Составленіемъ этихъ картъ авторъ показалъ замѣчательное трудолюбіе, заслуживающее хвалы и поощренія. На стр. 167—180 своей рукописи онъ объяснилъ общія начала, принятыя имъ въ основаніе для построенія картъ; но почему, неизвѣстныя нынѣ, мѣстности пріурочены такъ, а

[1]) Вѣстникъ, XX, прил. стр. 2.

не иначе, рѣдко объяснено имъ въ текстѣ. Нѣсколько страницъ въ концѣ рукописи заключаютъ въ себѣ черновыя замѣтки относительно этого предмета; но онѣ касаются только немногихъ мѣстностей, преимущественно юго-восточнаго угла карты и въ нихъ дано слишкомъ много мѣста произволу и слишкомъ мало критикѣ. Такъ, напримѣръ, въ черновыхъ примѣчаніяхъ рѣчку *Тайбалыкъ* авторъ принимаетъ за *Тережку*, потому что въ верховьяхъ ея есть деревня *Избалыкъ*. Дѣйствительно есть *не деревня, а село* Избалыкъ (иначе Покровское или Шаховское), но не при Тережкѣ, а *на рѣчкѣ Избалыкъ*, впадающей въ Тережку. Это — неточность, какихъ не мало въ текстѣ, гдѣ, при томъ, встрѣчаются и явныя невѣрности. Такъ напр., авторъ принимаетъ истоки *Медвѣдицы* въ верховьяхъ Тережки, тогда какъ оба истока Медвѣдицы отдалены отъ истоковъ Тережки почти верстъ на сто. А между тѣмъ и на картѣ автора источники этихъ рѣкъ показаны вмѣстѣ, какъ и въ самомъ текстѣ. На томъ мѣстѣ, гдѣ у автора поставлено *Иловка*, есть въ настоящее время *Даниловка*; но это, вѣроятно, только случайное созвучіе въ окончаніи слова. При томъ же, *Иловка* или *Иловла*, впадаетъ въ Медвѣдицу, а не въ Волгу. Далѣе—рѣка *Балыклей* нанесена на карту совершенно гадательно, тогда какъ карта Шуберта показала бы ему настоящее теченіе этой рѣки, согласно съ показаніемъ книги Большаго Чертежа. Такія неточности и невѣрности произошли отъ того, что авторъ, разсмотрѣвшій столько старинныхъ картъ, по какому-то странному случаю, не пользовался новѣйшими картами Россіи, даже Оппермана и Шуберта, а ссылается онъ только на карту Европейской Россіи А. Максимовича 1822 г., карту Азіи, изданную Военно-топографическимъ Депо въ 1827 году, Географическій Атласъ Пядышева 1820—1827 г., Почтовую карту 1852 г. и Генеральную карту Европейской Россіи Вощинина 1855 г. Столь-же мало пользовался онъ новѣйшими путешествіями по Россіи; для него какъ бы не существуютъ ни труды Уральской экспедиціи, ни путешествія Гель-

мерсена, Гофмана, Шренка, Базинера, Лемана, Ханыкова, Эйхвальда, Дюбуа, Броссе и другихъ ученыхъ. По поводу вопроса о теченіи Терека, онъ ссылается, какъ на авторитетъ, на Учебную Географію Павловскаго, а говоря о Днѣпровскихъ порогахъ (стр. 21)—на „С.-Петербургскія Вѣдомости“.— Болѣе удовлетворительны главы, касающіяся судебъ Большаго Чертежа (стр. 79—109) и сравненія его съ картами иностранными (стр. 110—143) и картою царевича Ѳеодора (стр. 144—146). Глава вторая (стр. 17—42): о картографическихъ трудахъ въ Россіи въ XVIII и XIX вѣкѣ, совершенно лишняя, не относится къ предмету задачи и, при томъ, не отличается полнотою. Вообще замѣтно, что авторъ торопился сочиненіемъ: это видно не изъ того только, что онъ не успѣлъ воспользоваться указанными выше картами и сочиненіями путешественниковъ, но и изъ внѣшняго вида самой рукописи: многія слова, періоды и цитаты въ ней недописаны; во многихъ мѣстахъ сдѣланы замѣтки карандашемъ; къ переписанной начисто рукописи пришита черновая тетрадь; тамъ и сямъ пропуски въ нѣсколько строкъ.

Такимъ образомъ коммисія нашла представленную рукопись не вполнѣ удовлетворительною и неоконченною. Но, съ тѣмъ вмѣстѣ, признавъ въ авторѣ трудолюбіе и довольно тщательное изученіе книги Большаго Чертежа, и видя въ его картахъ и принадлежащемъ къ нимъ текстѣ задатокъ въ полномъ рѣшеніи задачи, коммисія выразила желаніе доставить ему возможность закончить это дѣло и потому просила продолжить конкурсъ еще на два года, а между тѣмъ неизвѣстнаго автора присланныхъ картъ и рукописи вызвать чрезъ напечатаніе во всѣхъ вѣдомостяхъ, для полученія изъ Отдѣленія присланныхъ имъ картъ и рукописи, по представленіи ясныхъ доказательствъ, что онѣ дѣйствительно принадлежатъ ему. Совѣтъ Общества утвердилъ это [1]).

[1]) Вѣстникъ, XXI, прил. стр. 46—48; XXI, прил. стр. 21.

Но еще не успѣли привести въ исполненіе это постановленіе, какъ самъ авторъ, представляя доказательства на принадлежность ему доставленныхъ въ Общество картъ и рукописи, обратился съ просьбою о возвращеніи ихъ къ нему, „такъ какъ время, назначенное для объявленія результатовъ конкурса, уже прошло, а объ его картахъ и рукописи никакихъ объявленій и публикацій не было“. — Такъ какъ съ полученіемъ этого отзыва не предстояло уже надобности вызывать автора, то, согласно его желанію, Отдѣленіе (25 октября 1857 г.) постановило отправить къ нему рукопись и карты, при чемъ объяснить, что если онъ желаетъ воспользоваться замѣчаніями коммисіи для исправленія своего труда, то они будутъ сообщены ему въ извлеченіи, а между тѣмъ вновь просило Совѣтъ Общества о продолженіи срока задачи еще на два года. Вслѣдствіе этого новый (третій) срокъ для представленія отвѣтовъ отнесенъ былъ къ 1-му октября 1859 года [1]).

Въ это самое время академикъ А. Ѳ. Миддендорфъ, извѣстный своимъ путешествіемъ по глубокому сѣверу Сибири, въ письмѣ на имя вице-предсѣдателя Общества сообщилъ, что онъ, занимаясь картографіею Азіатской Россіи, по случаю изданія послѣдняго тома своего путешествія сдѣлалъ „находку“, которая состояла въ близкой связи съ предметомъ задачи возстановленія Большаго Чертежа. Это былъ составленный въ концѣ XVII столѣтія Тобольскаго города боярскимъ сыномъ Семеномъ Ремезовымъ Атласъ Сибири или „Чертежная книга всей Сибири“, хранившаяся въ Румянцовскомъ Музеумѣ (а нынѣ въ Московскомъ Публичномъ Музеумѣ) и состоящая изъ 24 листовъ, каждый въ 14 вершковъ ширины и въ 10 вершковъ вышины.

Строго говоря, академикъ А. Ѳ. Миддендорфъ не сдѣлалъ никакой „находки“. Чертежная книга всей Сибири Ремезова

[1]) Вѣстникъ XXII, прилож. стр. 48. Ср. XXI, Отд. I, стр. 112—114. Отчетъ за 1857 годъ, стр. 70, 76.

была уже давно извѣстна: академикъ А. Х. Востоковъ, еще за 15 лѣтъ до этого времени, въ своемъ „Описаніи русскихъ и славянскихъ рукописей Румянцовскаго Музеума“ (С.-пб., 1842, in 4°) сообщилъ о ней достаточно подробностей и привелъ вполнѣ помѣщенное при ней предисловіе или „писаніе до ласковаго читателя“ (стр. 483—487); а на основаніи того и И. Ѳ. Штукенбергъ въ „Указателѣ источниковъ для изученія нашего отечества въ географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ“ включилъ эту книгу въ число такихъ источниковъ (Versuch eines Quellen-Anzeigers alter und neuer Zeit für das Studium der Geogr. Topogr. Etnogr. und Statistik des Russischen Reiches, B. I, Abth I. s. 47, № 395).

Собственно дѣло въ томъ, что А. Ѳ. Миддендорфъ, остановившись на изданномъ Московскимъ Обществомъ Исторіи и древностей „Спискѣ съ чертежа Сибирскія земли“ (Временникъ, 1849, кн. III), „нашелъ“, что въ предисловіи къ нему (стр. IX) и въ примѣчаніяхъ (стр. 40) Г. И. Спасскій высказалъ мнѣніе, будто сибирскіе чертежи Ремезова, какъ и самый „Большой Чертежъ“ — утратились или неизвѣстно гдѣ находятся. Такъ какъ эта ошибка не была никѣмъ замѣчена и опровергнута, то Миддендорфъ, въ сказанномъ письмѣ, исправилъ ее, при чемъ сообщилъ описаніе самаго атласа и вывелъ слѣдующія заключенія [1]): 1) самый первый чертежъ Сибирской земли составленъ былъ въ 1667 году, за пять лѣтъ раньше напечатаннаго Спасскимъ „Списка Чертежа“, а съ тѣхъ поръ до 1698 года непрерывно занимались положеніемъ земель на карту; 2) извѣстная карта Николая Витзена составлена на основаніи матеріаловъ, имѣвшихся въ Сибирскомъ Приказѣ и вошедшихъ въ составъ атласа Ремезова; а множество голландскихъ надписей, сдѣланныхъ на немъ въ позднѣйшее время, показываютъ, что этотъ именно экземпляръ служилъ источникомъ дальнѣйшихъ поправокъ Витзеновой карты. О достоин-

[1]) Вѣстникъ XXI, смѣсь, стр. 1—4: прилож. стр. 4.

ствахъ и значеніи Ремезовскаго атласа А. Ѳ. Миддендорфъ высказалъ такое мнѣніе: „Хотя эта рукописная карта въ библіографическомъ отношеніи не можетъ почесться оригиналомъ, но въ отношеніи къ пользѣ, которую изъ нея могутъ извлечь ученые занимающіеся исторіею изображенныхъ земель, она вполнѣ замѣняетъ оригиналъ первой подробной карты, существовавшей о Сибири, какъ по особенной подробности, такъ и потому, что она большею частію снята съ матеріаловъ перваго Сибирскаго чертежа, пополненнаго лишь тѣми данными, „кои въ прежнихъ чертежахъ издавна не написаны“. Но объемля всю страну, прилежащую къ рѣкѣ Оби, входившую, какъ извѣстно, въ составъ „Большаго Чертежа“ и даже весь сѣверъ Европейской Россіи, этотъ Сборникъ картъ, безъ сомнѣнія, отчасти можетъ служить замѣною даже самаго „Большаго Чертежа“ и во всякомъ случаѣ основаніемъ для возстановленія его.... Многія частности обозначены въ атласѣ Ремезова такъ подробно, что мы *и понынѣ не имѣемъ лучшихъ данныхъ для нѣкоторыхъ мало посѣщенныхъ мѣстъ Сибири*“.

Этотъ отзывъ ученаго, который самъ совершилъ одно изъ замѣчательныхъ и богатыхъ результатами путешествій по Сибири и который основательно изучалъ труды своихъ предшественниковъ на томъ же поприщѣ, придаетъ „Чертежной книгѣ“ Ремезова весьма важное значеніе. Вслѣдствіе этого Академія наукъ, для обезпеченія сохраненія этого единственнаго документа на позднѣйшія времена, постановила снять съ него вѣрнѣйшую копію для своей коллекціи картъ; а самъ А. Ѳ. Миддендорфъ приложилъ къ своему „Путешествію“ снимокъ съ сборнаго листа, обнимающаго всю Сибирь [1]).

Ожиданія Отдѣленія не сбылись и въ этотъ разъ. Срокъ, назначенный для представленія отвѣтовъ на задачу о книгѣ Большаго Чертежа,—1 октября 1859 г.—исполнился; а от-

[1]) Путешествіе на Сѣверъ и Востокъ Сибири, А. Миддендорфа. Часть I, отд. I, къ стр. 36.

вѣтовъ никакихъ не было получено. Конкурсъ послѣ этого закрылся. Ревизіонная Коммисія, обсуждавшая дѣйствія Общества за 1859 г., въ своемъ отчетѣ замѣтила, что: „Отдѣленія Общества уже нѣсколько лѣтъ ограничиваются преимущественно начинаніями и предположеніями, безспорно полезными, но рѣдко приводимыми въ исполненіе“ [1]). Правда, отзывъ этотъ высказанъ былъ не по поводу задачи о книгѣ Большаго Чертежа и не относился собственно къ Отдѣленію Этнографіи, — тѣмъ не менѣе изложенный ходъ дѣла показываетъ, что замѣчаніе Коммисіи можно примѣнить и къ Отдѣленію Этнографіи, хотя не само оно было причиною безуспѣшности выполненія предложенной задачи въ продолженіе семи лѣтъ.

Въ средѣ самого Отдѣленія интересъ къ вопросу о книгѣ Большаго Чертежа не ослабѣвалъ и члены Отдѣленія продолжали время отъ времени обращаться къ нему и сообщать какія-либо свѣдѣнія, относящіяся къ нему. Такъ *В. П. Ламанскій*, занимавшійся изслѣдованіями въ Государственномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ своей статьѣ „Старинная Русская Картографія“ [2]), сообщилъ любопытное извлеченіе изъ составленной въ 1713 г. описи дѣламъ Тайнаго Приказа, заключающее въ себѣ свѣдѣнія о множествѣ различныхъ чертежей, составленныхъ въ XVII столѣтіи, которые тогда велѣно было взять въ Ближнюю Канцелярію. [3]). При этомъ случаѣ В. И. Ламанскій высказалъ такое мнѣніе: „Обиліе чертежей убѣдительно доказалъ, что въ XVII вѣкѣ на Руси чертежное дѣло было не новостію“; а неопровергнутое никѣмъ извѣстіе Татищева, будто Іоаннъ Грозный еще „въ 1552 г. велѣлъ землю измѣрить и чертежъ государства сдѣлать“, въ свою очередь можетъ служить доказательствомъ, что такое обширное

[1]) Вѣстникъ XXVII. Отд. I, стр. 173

[2]) Вѣстникъ XXVII, смѣсь, стр. 11 – 18.

[3]) Эта опись напечатана вполнѣ, въ изданномъ подъ редакціею В. И. Ламанскаго, 2 томѣ „Записокъ Славяно-Русскаго Отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества“ стр. 1—43 (Спб. 1861 г. in 8°).

предпріятіе не могло бы осуществиться, если бы не существовало уже частныхъ опытовъ и слѣдовательно должно допустить существованіе отдѣльныхъ чертежей на Руси еще въ первой половинѣ XVI вѣка. Въ заключеніе всего В. И. Ламанскій выражалъ надежду, что время и усилія добросовѣстныхъ изыскателей, конечно разрѣшатъ занимательный въ Исторіи Русскаго Землевѣдѣнія вопросъ о томъ: уцѣлѣли ли старинные Русскіе чертежи, кромѣ атласа Ремезова, если не въ подлинникѣ, то въ снимкахъ и иностранныхъ перепечаткахъ.

Кромѣ того В. И. Ламанскій, въ общемъ собраніи 2 марта 1860 г., представляя подлинные чертежи, хранящіеся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ: 1) городамъ лежащимъ по рѣкамъ Дону, Окѣ и Волгѣ отъ Москвы до Астрахани; 2) городамъ и селамъ нынѣшней Казанской губерніи; 3) городу Олонцу; 4) Саранску и рѣкъ впадающихъ въ Алатырь; 5) Кашину съ слободами; 6) Пскову; 7) Витебску и 8) чертежъ и описаніе учиненное стольникомъ Максимомъ Цызаревымъ, начавъ отъ Витебска вверхъ до вершинъ Двины рѣки,—сообщилъ нѣсколько новыхъ данныхъ о старинномъ Русскомъ землевѣдѣніи. Къ сожалѣнію это сообщеніе не было напечатано вполнѣ и содержаніе его извѣстно только изъ краткаго реферата, занесеннаго въ протоколъ упомянутаго собранія Общества [1]).

Въ началѣ В. И. Ламанскій изложилъ свой взглядъ на значеніе исторической географіи вообще и русской въ особенности; за тѣмъ перешелъ къ очерку состоянія землевѣдѣнія въ средневѣковой Россіи. Хотя оно и не могло быть развито, по причинѣ простоты и несложности тогдашней русской жизни, тѣмъ не менѣе русское общество предпринимало зависящія отъ себя средства, для узнанія доступной ему тогда истины. Съ этой точки зрѣнія и на труды нашихъ предковъ въ области землевѣдѣнія нельзя, кажется, глядѣть безъ уваженія, даже и въ настоящее время. Представляя бѣглый обзоръ источниковъ гео-

[1]) Вѣстникъ XXIX, Отд. I, стр. 54—58.

графическихъ познаній древней Руси, В. И. Ламанскій указалъ на разныя сочиненія византійскія и латинскія, въ подлинникахъ и въ болгарскихъ, сербскихъ и русскихъ переводахъ извѣстныя на Руси и болѣе подробно остановился на характеристикѣ распространенныхъ тогда „Космографій“. Особенно важнымъ средствомъ пріобрѣтенія познаній о различныхъ странахъ служили „хожденія русскихъ людей“ и составленныя о томъ записки. „Статейные списки“ нашихъ пословъ къ иностраннымъ дворамъ представляютъ вообще любопытный географическій матеріалъ, а нѣкоторые изъ нихъ заключаютъ въ себѣ не мало научнаго интереса. Что касается трудовъ нашихъ предковъ по изученію самой Россіи, то замѣчательный шагъ впередъ сдѣланъ былъ въ ту пору, когда для Московскаго Правительства, въ видахъ чисто административныхъ, нужно было собирать точныя и вѣрныя свѣдѣнія о различныхъ областяхъ. Въ этотъ періодъ началась и дѣятельно производилась „мѣра и опись“ земель и такимъ образомъ составились „Писцовыя книги“, а быть можетъ, тогда же появились и первые „чертежи“. При современномъ состояніи межеваго дѣла, конечно, опредѣленія Писцовыхъ книгъ и древнихъ чертежей могутъ казаться неудовлетворительными, но съ современной точки зрѣнія нельзя судить объ явленіяхъ жизни, удаленной отъ насъ на два, на три столѣтія: Писцовыя книги весьма много говорятъ въ пользу живой практической мудрости тогдашняго Русскаго Правительства и служатъ очевиднымъ доказательствомъ того, что оно прилагало много заботъ къ извѣданію страны, которою оно было призвано управлять.—Въ заключеніе всего В. И. Ламанскій выразилъ мысль, что „точное и подробное обслѣдованіе источниковъ и памятниковъ землевѣдѣнія древней Россіи должно обогатить многими новыми данными исторію землевѣдѣнія Европы и Азіи“. При этомъ онъ указалъ, какъ въ свое время древняя Россія имѣла вліяніе на географическія познанія западныхъ Европейцевъ.

Коротко ознакомившись съ отысканными древними чертежа-

ми, В. И. Ламанскій вызвался спеціально обработать для Отдѣленія статью „О чертежахъ древней Россіи“. Продолжительная командировка съ ученою цѣлью за границу, вскорѣ опять повторившаяся, и за тѣмъ разработка собранныхъ за границею свѣдѣній отвлекла В. И. Ламанскаго исключительно къ западнымъ славянскимъ землямъ и такимъ образомъ обѣщанная имъ статья остается въ недоимкѣ; а между тѣмъ, безъ всякаго сомнѣнія, она могла многое разъяснить въ вопросѣ о „Большомъ Чертежѣ“. Впрочемъ В. И. Ламанскій сообщилъ для Этнографическаго Сборника „Роспись Чертежу Западной Двины“, съ приложеніемъ и принадлежащей къ ней карты, подлинники которыхъ хранятся въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива [1]).

Единовременно съ В. И. Ламанскимъ обѣщалъ для Отдѣленія Этнографіи академикъ *А. А. Куникъ* приготовить особое изслѣдованіе „О границахъ между Россіей и Швеціей по картѣ 1595 года“ — также очень важное для „Большаго Чертежа“ и также не исполнилъ этого доселѣ [2]).

Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ, имѣющемъ отношеніе къ разсматриваемому предмету. Лѣтомъ 1860 г. штабсъ-капитанъ *Селезневъ* поднесъ Его Императорскому Высочеству Августѣйшему Предсѣдателю Общества рукописную карту Россіи прошедшаго вѣка, которую онъ признавалъ „за сокращенный снимокъ съ Большаго Чертежа“ [3]). Спустя нѣкоторое время онъ подалъ Его Высочеству особую записку относительно изданія отысканныхъ имъ старинныхъ картъ и разныхъ рукописей, содержащихъ въ себѣ географическія свѣдѣнія. — Его Высочеству угодно было, чтобы эта записка и карта разсмотрѣны были въ Обществѣ. Совѣтъ поручилъ разсмотрѣніе ихъ В. И. Ламанскому, какъ спеціально занимавшемуся тогда

[1]) Этнографическій Сборникъ V, смѣсь, стр. 64—74. Записки, 1862, кн. I, стр. 26.

[2]) Отчетъ 1861, стр. 26.—Записки 1862, кн. I, стр. 20.

[3]) Вѣстникъ, XXIX, Отд. I, стр. 73.

археологическими изысканіями по древне-русской картографіи.— Исходя отъ той точки зрѣнія, что изданіе географическихъ памятниковъ древности требуетъ предварительныхъ критическихъ изысканій и поясненія ихъ историческими и филологическими примѣчаніями, которыя тѣмъ труднѣе, что наука наша принялась разработывать сборники памятниковъ прежнихъ временъ весьма недавно, — В. И. Ламанскій далъ такой отзывъ, что простое изданіе отъисканныхъ г. Селезневымъ документовъ и картъ, не имѣя научнаго значенія, потребовало бы, безъ существенной пользы, значительныхъ денежныхъ затратъ. Къ тому же упоминаемое въ запискѣ Селезнева „хожденіе купчины Московскаго гостя Ѳедота Аѳанасьева Котова въ Персидское царство, а изъ Персиды въ Турскую землю, и въ Индію, и въ Ормузъ, гдѣ корабли приходятъ“, давно уже издано Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей (Временникъ, 1852, кн. XV, отд. II); а другіе матеріалы, указываемые въ запискѣ, еще менѣе того заслуживаютъ изданія, такъ какъ они не оригинальные, а переводные, какихъ не мало было напечатано въ Петровское время. Основываясь на этомъ отзывѣ, Совѣтъ Общества отклонилъ отъ себя изданіе рукописей и картъ, отъисканныхъ г. Селезневымъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ ему, если онъ желаетъ обратить вниманіе ученаго міра на свои открытія, то сообщилъ бы Обществу статью, въ которой были бы представлены кратко и ясно внѣшній видъ рукописей и ихъ содержаніе, съ полнымъ оглавленіемъ статей и съ извлеченіемъ наиболѣе любопытныхъ мѣстъ.—Совѣтъ сообщилъ свое опредѣленіе г. Селезневу, чрезъ посредство Управляющаго Морскимъ Министерствомъ, генералъ-адъютанта Краббе. Дальнѣйшаго хода это дѣло не имѣло [1]).

Въ началѣ 1863 года полковникъ *Д. А. Кропотовъ* представилъ въ Отдѣленіе Этнографіи довольно обширную записку, въ которой изложилъ обзоръ нашей литературы по части исто-

[1]) Вѣстникъ XXX, Отд. I, стр. 9, 62.

рической географіи, съ указаніемъ на крайнюю неопредѣлительность по вопросу объ областномъ дѣленіи Россіи въ XVII вѣкѣ и на встрѣчаемыя затрудненія къ точному опредѣленію тогдашнихъ областныхъ границъ. Не сомнѣвалсь однако въ возможности изъяснить областное дѣленіе Россіи въ ближайшую къ намъ эпоху, когда уже окончательно образовалось воеводское управленіе, полковникъ Кропотовъ обращался въ Общество съ просьбою оказать ему содѣйствіе какъ совѣтомъ, такъ и предоставленіемъ права пользоваться изъ библіотеки и архива Общества необходимыми, для предпринятыхъ имъ изслѣдованій, картами, книгами и рукописными матеріалами.—Отдѣленіе съ живымъ сочувствіемъ отнеслось къ этому вызову полковника Кропотова, потому что предметъ избранный имъ для спеціальной разработки такъ тѣсно связывался съ вопросомъ о „Большомъ Чертежѣ“ и, очевидно, могъ вести къ его разрѣшенію [1]). Въ виду этого, Д. А. Кропотовъ предложенъ былъ къ избранію въ дѣйствительные члены Общества (избранъ 3 марта 1863 г.) и подробное обсужденіе его записки положено произвести въ присутствіи самаго изслѣдователя. Д. А. Кропотовъ со дня поступленія своего въ Общество сдѣлался однимъ изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ предпріятія возстановить „Большой Чертежъ“.

Между тѣмъ въ это же самое время *Г. С. Куклинскій*, изъ Бѣлостока, выслалъ на разсмотрѣніе Общества двѣ карты, составленныя по „Книгѣ Большаго Чертежа“ и довольно обширную рукопись, заключающую въ себѣ примѣчанія къ нимъ. Отдѣленіе образовало для разсмотрѣнія ихъ особую Коммисію, членами которой были избраны: П. И. Савваитовъ, М. О. Коялович, Н. В. Калачовъ, А. А. Куникъ и Д. А. Кропотовъ [2]).

По разсмотрѣніи этихъ картъ и рукописи, Коммисія открыла, что онѣ тѣ же самыя, которыя были доставлены въ 1856 г.,

[1]) Записки 1863, № 2, стр. 27; № 3, стр. 67.
[2]) Записки 1863, № 3, стр. 66—67.

въ отвѣтъ на задачу Отдѣленія „О книгѣ Большаго Чертежа". Исправленій и дополненій г. Куклинскій никакихъ не сдѣлалъ, а между тѣмъ въ письмѣ своемъ на имя секретаря Общества онъ просилъ увѣдомить его о послѣдствіяхъ разсмотрѣнія его труда, а также о томъ „можно ли будетъ предполагать, чтобъ онъ былъ изданъ?"

Поэтому Коммисія заключила, что авторъ, при другихъ его занятіяхъ, едва ли, по прошествіи десяти лѣтъ со времени исполненія настоящаго труда, предпринятаго имъ для опредѣленной цѣли, рѣшится посвятить себя переработкѣ его и исправленію, на основаніи новѣйшихъ картъ по указанію Отдѣленія. Съ другой стороны и лица, которымъ было бы поручено войти въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ неточностей и ошибокъ въ возстановленныхъ г. Куклинскимъ картахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ были бы обязаны принять на себя такую трудную задачу, которая заставила бы ихъ предпринять самостоятельныя изслѣдованія, несоотвѣтствующія цѣли—указать автору на необходимость болѣе тщательной обработки его труда. Для этого достаточно было замѣчаній Коммисіи 1857 года и возвращенія картъ безъ увѣнчанія ихъ преміей; однако это, какъ видно, не побудило г. Куклинскаго заняться исправленіемъ составленныхъ имъ картъ и сдѣланныхъ къ нимъ объясненій.

Устраняя однако взглядъ на этотъ трудъ какъ на отвѣтъ, вызванный задачей, предложенной Отдѣленіемъ, такъ какъ конкурсъ давно уже былъ закрытъ, — Коммисія заявляла, что карты и приложенныя къ нимъ объясненія, не смотря на разныя неточности и недостатки, заслуживаютъ, во всякомъ случаѣ, вниманія, и было бы крайне жаль, если бы они оставались болѣе необнародованными. По мнѣнію Коммисіи, изданіемъ ихъ была бы оказана большая услуга наукѣ, которая уже такъ ясно заявила необходимость этого труда, вызвавъ его предложеніемъ преміи. „Пусть—говорила Коммисія—карты, составленныя г. Куклинскимъ и объясненія къ нимъ не вполнѣ соотвѣтствуютъ предложенной Обществомъ задачѣ; нѣтъ сомнѣнія,

что съ изданіемъ ихъ сдѣланъ будетъ первый и необходимый шагъ къ тому, чтобы со временемъ, по исправленіи ошибокъ и недостатковъ, которые весьма возможны какъ въ нанесеніи мѣстностей, такъ и въ приложенныхъ къ картамъ изслѣдованіяхъ, появилась наконецъ возстановленная карта Большаго Чертежа въ томъ видѣ, въ какомъ мечтало о ней Отдѣленіе Этнографіи". Лишь съ изданіемъ карты, составленной на основаніи данныхъ книги Большаго Чертежа, хотя бы и съ нѣкоторыми ошибками, становится возможнымъ указать на эти ошибки и исправить ихъ, согласно съ самою книгою и съ другими современными ей источниками. Что касается приложенныхъ къ картамъ объясненій, то, по мнѣнію Коммисіи, было бы полезно издать и ихъ. Неполнота ихъ, происходящая часто отъ того, что автору не были доступны многіе источники, можетъ быть легко исправлена, какъ при самомъ изданіи, на основаніи матеріаловъ доступныхъ въ С.-Петербургѣ, такъ и позднѣйшими изслѣдователями, которые конечно еще не разъ будутъ возвращаться къ драгоцѣнному памятнику нашей древней картографіи. Изложенное въ этихъ объясненіяхъ и не находящееся въ тѣсной связи съ возстановленіемъ картъ могло бы, по мнѣнію Коммисіи, быть напечатано въ Этнографическомъ Сборникѣ.

Вообще Коммисія признавала, что труды г. Куклинскаго полезно издать, какъ матеріалъ для будущихъ розысканій относительно древней карты Большаго Чертежа и по возможности вѣрнаго ея возстановленія.

Въ концѣ концовъ Коммисія, обсуждая планъ изданія этихъ трудовъ, пришла къ убѣжденію, что нужно вновь напечатать и самую „Книгу Большаго Чертежа", какъ потому, что всѣ прежнія изданія этого важнаго памятника сдѣлались библіографическими рѣдкостями, такъ и потому, что и самое послѣднее изъ нихъ (Г. И. Спасскаго, въ 1846 г.) не заключаетъ въ себѣ свода всѣхъ извѣстныхъ списковъ „Книги", между которыми есть весьма замѣчательные по варіянтамъ. Составить такой сводъ и приготовить его къ печати вызвался членъ Ком-

миссіи (предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи) П. В. Калачовъ. Прочіе члены Коммиссіи изъявили готовность принять на себя редакцію изданія картъ г. Куклинскаго и дополненіе принадлежащихъ къ нимъ примѣчаній и объясненій, подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что всѣ отдѣльныя изслѣдованія будутъ соглашены между собою и приведены къ единству взгляда.

Отдѣленіе Этнографіи, принимая вполнѣ заключенія Коммиссіи, опредѣлило войти въ Совѣтъ Общества съ представленіемъ о пользѣ изданія картъ и объясненій къ нимъ съ присоединеніемъ и новаго изданія самой Книги Большаго Чертежа и, въ случаѣ утвержденія Совѣтомъ этихъ предположеній, поручить исполненіе дѣла тѣмъ же членамъ Коммиссіи, въ составъ которой пригласить и предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Физической Географіи П. П. Семенова, извѣстнаго своею опытностію въ работахъ картографическихъ [1]).

Совѣтъ Общества посвятилъ обсужденію этого представленія почти два засѣданія (22 февраля и 27 марта 1864 г.). „Наконецъ, послѣ продолжительныхъ и горячихъ преній, остановившись на томъ, что трудъ г. Куклинскаго неразрѣшаетъ вполнѣ задачу, предложенную Обществомъ, отказалъ „ассигновать особую сумму на его изданіе, тѣмъ болѣе, что въ ту пору въ распоряженіи Общества не оказывалось свободныхъ для этого денежныхъ средствъ“. Впрочемъ Совѣтъ предоставлялъ Отдѣленію Этнографіи сообразить: не можетъ ли трудъ г. Куклинскаго, какъ полезный матеріалъ для будущихъ изслѣдователей нашей исторической географіи, войти въ составъ Этнографическаго Сборника, на который денежные способы уже ассигнованы [2]).

Вслѣдствіе этого вопросъ о возстановленіи Большаго Чертежа принялъ новое направленіе. Отдѣленіе Этнографіи съ этого времени, не отказываясь отъ мысли осуществить такое пред-

---

[1]) Записки 1864, № 1, Отд. I, стр. 36, 39—46.
[2]) Записки 1864, № 2, Отд. I, стр. 28, 58.

пріятіе во всей его полнотѣ, рѣшило поощрять всѣ частныя изслѣдованія, относящіяся къ Большому Чертежу, справедливо считая всѣ подобныя работы важнымъ матеріаломъ для этого дѣла. Самъ предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Н. В. Калачовъ, въ этихъ же преимущественно видахъ, избралъ себѣ для спеціальной разработки изслѣдованіе „объ украйнахъ и засѣкахъ въ XVII столѣтіи“ [1]).

Въ связи съ этимъ предметомъ, какъ о подготовкѣ матеріала полезнаго для всесторонней разработки вопроса о Большомъ Чертежѣ, слѣдуетъ упомянуть о статьѣ чл.-сотр. *И. Я. Аристова* „Преданія о кладахъ“, читанной въ собраніи Отдѣленія Этнографіи 4 марта 1866 г. [2]). Въ статьѣ этой преимущественно изложены преданія о кладахъ, записанныя авторомъ въ Симбирской губерніи; но въ общемъ очеркѣ вѣрованій народа въ существованіе кладовъ авторъ указываетъ на то значеніе, какое могутъ они имѣть для историка и этнографа. Извѣстно, что народная молва существованіе кладовъ пріурочиваетъ, по большей части, къ такимъ мѣстностямъ, которыя замѣчательны по какимъ-либо историческимъ событіямъ. Мѣста побоищъ, городища, древніе курганы—почти всегда признаются хранилищами кладовъ. Это народное вѣрованіе основывается и подкрѣпляется находками разныхъ вещей, нерѣдко первокласной важности въ археологическомъ отношеніи. Съ этой точки зрѣнія, очевидно, собраніе преданій о кладахъ и изслѣдованіе о мѣстностяхъ, къ которымъ относятся такія преданія—могутъ служить весьма небезполезнымъ матеріаломъ для исторической географіи. Можно допустить, что народная молва о кладахъ, хранящихся или найденныхъ на такомъ-то мѣстѣ, при внимательномъ соображеніи разныхъ обстоятельствъ, можетъ послужить къ опредѣленію какого-либо урочища, ознаменованнаго историческимъ событіемъ, но оставшагося неопредѣленнымъ нашими

[1]) Отчетъ за 1864 г., стр. 113.
[2]) Извѣстія 1866, Отд. I, стр. 41.

изслѣдователями отечественной исторіи Въ этомъ отношеніи, конечно, не слѣдуетъ ограничиваться свѣдѣніями исключительно о кладахъ денежныхъ; но необходимо приводить въ извѣстность и мѣста находокъ всякихъ достопримѣчательныхъ предметовъ древности. Было время, когда ученые считали грѣхомъ допустить мысль, что чрезъ земли Славянъ, еще до основанія Русскаго Государства, пролегали торговые пути, связывавшіе народы Западной Европы съ странами Азіятскими; нынѣ же въ этомъ никто не сомнѣвается. Такой поворотъ во взглядахъ и убѣжденіяхъ произведенъ именно изученіемъ находокъ монетъ восточныхъ и западно-европейскихъ.

Должно однако замѣтить, что въ упомянутой статьѣ П. Я. Аристова на подобное значеніе преданій о кладахъ только сдѣланъ намекъ, но не развита эта мысль въ подробностяхъ. Какъ бы то ни было, однако статья его послужила поводомъ, что г. Юрловъ, собиратель различныхъ свѣдѣній относительно средняго Поволжья, доставивъ въ Общество любопытный чертежъ, составленный въ началѣ настоящаго столѣтія и служившій руководствомъ для кладоискателей при опредѣленіи мѣстности, въ которой предполагаются клады. Подобные чертежи, по заявленію г. Юрлова, встрѣчаются въ Приволжскомъ краѣ у многихъ кладоискателей, которые почти всегда прибавляютъ, что чертежъ полученъ ими отъ сосланнаго въ Сибирь преступника. Отдѣленіе Этнографіи признало полезнымъ издать этотъ чертежъ въ дополненіе къ статьѣ г. Аристова [1]). При всѣхъ недостаткахъ этотъ чертежъ можетъ служить съ одной стороны образцомъ тѣхъ древнихъ чертежей, какіе составлялись самимъ правительствомъ, а съ другой онъ можетъ служить и указателемъ урочищъ, заслуживающихъ ученаго изслѣдованія.

Въ засѣданіи 27 мая 1866 г. дѣйств. чл. *И. И. Саввантовъ* представилъ вниманію Отдѣленія чертежъ устья рѣки Волги, открытый при одномъ дѣлѣ суподскаго архива 1721 года

[1]) Записки по Отд. Этнографіи, I, стр. 708—750.

и, какъ можно догадываться, составленный въ 1629 году. Это открытіе, служащее очевиднымъ доказательствомъ, что въ до-Петровской Руси подобные чертежи были весьма употребительны, дало Отдѣленію поводъ къ особой бесѣдѣ о Книгѣ Большаго Чертежа. По заявленію П. И. Савваитова, найденный чертежъ предположено издать при трудахъ Коммисіи о разборѣ сунодскаго архива [1]).

Въ связи съ дѣломъ о древнемъ русскомъ чертежѣ слѣдуетъ поставить и предложеніе, сдѣланное дѣйств. чл. *В. В. Завитинскимъ*, о необходимости составленія и напечатанія въ одномъ изъ изданій Общества списка населенныхъ мѣстъ въ Россіи, имѣющихъ названія: „Городокъ, Городище, Могилицы, Сѣчи“ и т. п. съ цѣлію собрать преданія, относящіяся къ этимъ мѣстностямъ. Отдѣленіе Этнографіи (въ засѣданіи 22 марта 1868 г.) вполнѣ одобрило предложеніе своего члена; но положило имѣть сужденія о немъ тогда, когда предлагающій представитъ самый списокъ, составленіемъ котораго онъ давно уже занимается [2]).

Наконецъ въ 1868 г. представлена была отдѣленію часть обширнаго критико-историческаго изслѣдованія о Большомъ Чертежѣ, предпринятаго и исполняемаго вполнѣ сообразно съ тѣми требованіями по этому предмету, какія были высказываемы Обществомъ при объявленіи задачи о книгѣ Большаго Чертежа. Дѣйств. чл. *Е. К. Огородниковъ*, уже нѣсколько лѣтъ занимающійся разработкою знаменитаго памятника русской географіи, въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣленія 19 апрѣля 1868 г., прочиталъ свою статью: „Мурманскій и Терскій берега по книгѣ Большаго Чертежа“ [3]).

Придавая „Книгѣ Большаго Чертежа“ значеніе русской географической хроники, сложившейся разновременно, изслѣдователь предположилъ доказать возможность, посредствомъ разло-

---

[1]) Извѣстія 1866, Отд. I, стр. 98.
[2]) Извѣстія 1868, Отд. I, стр. 134.
[3]) Извѣстія 1868, Отд. I, стр. 155.

женія текста „Книги“, на основаніи лѣтописныхъ указаній и данныхъ встрѣчаемыхъ въ старинныхъ актахъ, открыть признаки текста первопачальнаго и такимъ образомъ приблизиться къ разрѣшенію вопроса о времени появленія „Чертежа“ и, путемъ историческаго анализа, по возможности опредѣлить тѣ періоды, когда „Чертежъ“ былъ возобновляемъ со временъ Іоанна IV включительно до времени Оеодора Алексѣевича.

Такова основная точка зрѣнія Е. К. Огородникова и таковъ планъ предпринятыхъ имъ изслѣдованій о „Книгѣ Большаго Чертежа“. Какъ образецъ своихъ изысканій, онъ представилъ Отдѣленію статью, посвященную описанію обширной береговой страны, издревле принадлежавшей Россіи, отъ рѣки Тенуя границъ Норвегіи до Кемскаго погоста, и извѣстной подъ названіемъ Мурманскаго и Терскаго береговъ. Эта часть „Книги Большаго Чертежа“ оказывается едва ли не наиболѣе трудною, потому что и самый край, описываемый ею, не смотря на многовѣковую давность его принадлежности къ Россіи, извѣстенъ немного болѣе чѣмъ Гренландія или подобная ей страна. Въ своей статьѣ Е. К. Огородниковъ не только, по возможности, опредѣлилъ всѣ рѣки и урочища, показанныя въ „Книгѣ Большаго Чертежа“ на этомъ пространствѣ, но представилъ обзоръ всѣхъ географическихъ данныхъ о краѣ, начиная съ XII вѣка, какія онъ нашелъ въ трактатахъ, заключенныхъ еще Новгородцами съ Шведскимъ правительствомъ, и какія встрѣтилъ въ различныхъ граматахъ нашихъ государей и въ другихъ письменныхъ памятникахъ, а равно и въ показаніяхъ путешественниковъ, начиная съ Ченслера и кончая описаніями береговъ Сѣвернаго Океана, предпринятыми по распоряженію нашего Морскаго Министерства. Справедливо придавая важное значеніе монастырямъ, какъ начаткамъ русской колонизаціи, авторъ помѣстилъ много любопытныхъ свѣдѣній о распространеніи христіанства между финскими племенами и такимъ образомъ представилъ довольно полный географическій очеркъ Лопской земли, изъ котораго открывается, что она, даже въ

XVI вѣкѣ, простиралась далеко за предѣлы нынѣшняго Кольскаго уѣзда Архангельской губерніи въ губерніи Олонецкую и частію въ С.-Петербургскую и занимала всю восточную половину Великаго Княжества Финляндскаго, а по берегу Бѣлаго моря (не только по Мурманскому и Терскому, но и по всему такъ называемому Корельскому) доходила до рѣки Нюхчи. При чтеніи текста „Книги Большаго Чертежа“ авторъ пользовался изданіемъ Г. И. Спасскаго, повѣряя его спискомъ книги, принадлежащимъ Императорскому Русскому Географическому Обществу и относящемуся ко времени царя Алексѣя Михайловича. При этомъ сличеніи открылись въ книгѣ новые варіанты, приведшіе изслѣдователя къ неожиданнымъ соображеніямъ и давшіе ему возможность усмотрѣть и прослѣдить постепенность измѣненій, какимъ подвергался текстъ книги Большаго Чертежа. Общій его выводъ тотъ, что относительно Лапландскаго полуострова текстъ книги могъ сложиться въ четыре періода.

Останавливаясь на томъ обстоятельствѣ, что свѣдѣнія о пространствѣ между рѣками Тенуемъ и Навдемой, внесенныя въ описаніе чертежа съ особенною неопредѣленностью въ показаніяхъ, даже относительно Навдемы (уже съ 1596 года считавшейся пограничною чертою), и съ такою обычностію, какой далѣе въ описаніи Лопской земли не встрѣчается, изслѣдователь заключаетъ, что эта часть описанія чертежа составляетъ отрывокъ самаго древняго первоначальнаго текста. Время составленія этого первичнаго текста опредѣлить съ точностію невозможно, но съ вѣроятностію можно пріурочивать къ концу XV вѣка и къ началу XVI.

За этою древнѣйшею группою свѣдѣній въ разобранномъ отдѣлѣ Книги Большаго Чертежа, изслѣдователь усматриваетъ другую группу показаній, въ которой свѣдѣнія представляются въ послѣдовательномъ хронологическомъ порядкѣ, дающемъ понятіе о постепенномъ распространеніи русской власти и христіанства въ Лопской Землѣ. Всѣ эти свѣдѣнія, по мнѣнію изслѣдователя, могли попасть въ текстъ чертежа не ранѣе 1532

и не позже 1590 г. Слѣдовательно періодъ второй редакціи книги Большаго Чертежа обнимаетъ собою почти все XVI столѣтіе.

Третье исправленіе чертежа, касавшееся преимущественно включенія подробностей о Мурманскомъ и Терскомъ берегахъ, должно было произойти въ XVII столѣтіи, такъ какъ многія изъ мѣстностей этого края сдѣлались извѣстными не ранѣе 1590 года. По всей вѣроятности, главнѣйшимъ источникомъ занесенныхъ въ чертежъ подробностей служили Лонскія писцовыя книги, письма и дозору Алек. Михалкова, составленныя въ 1608—1611 годахъ и упоминаемыя въ нѣкоторыхъ монастырскихъ грамотахъ 1666 г.

Наконецъ четвертая редакція чертежа совершена уже въ 1680 году, когда, по повелѣнію царя Ѳеодора Алексѣевича, предпринято было общее исправленіе Большаго Чертежа. Относительно Мурманскаго берега важнымъ пособіемъ для исправленія могла быть грамота царя Алексѣя Михайловича, данная Печенгскому монастырю въ 1675 году и заключающая въ себѣ подробности, какихъ не встрѣчается въ другихъ документахъ.

Въ заключеніе всего Е. К. Огородниковъ высказалъ, что онъ всѣ свои выводы относительно различныхъ сроковъ составленія и возобновленія чертежа не принимаетъ за окончательный результатъ; но что заключенія касающіяся Лапландскаго полуострова, конечно, могутъ пригодиться для исторіи Чертежа и его описанія только въ связи съ такими же изслѣдованіями относительно другихъ частей древней Россіи, какъ онѣ описаны въ Книгѣ Большаго Чертежа.

Статья Е. К. Огородникова, снабженная картою, будучи только частію его изслѣдованій о Большемъ Чертежѣ, представляла вмѣстѣ съ тѣмъ полный и отчетливый сводъ разсѣянныхъ въ лѣтописяхъ и древнихъ актахъ географическихъ показаній о Мурманскомъ и Терскомъ берегахъ. Трудъ этотъ, продолжаемый по такому же плану и съ такою же тщательно-

стію, нѣтъ никакого сомнѣнія, разъяснитъ во многомъ исторію составленія Большаго Чертежа, и въ то же время, еще въ большей степени, исторію заселенія Русской Земли и вообще распространенія территоріи Русскаго Государства, то есть явится всесторонним историко-географическим изслѣдованіемъ о Россіи [1]).

Сочувствіе Отдѣленія Этнографіи къ изслѣдованіямъ своего сочлена выразилось въ томъ, что составленная въ 1868 году въ Отдѣленіи Коммисія для разсмотрѣнія трудовъ, достойныхъ ученой награды, ходатайствовала о присужденіи Е. К. Огородникову малой золотой медали; а Отдѣленіе, сверхъ того, принимая во вниманіе, что Е. К. Огородниковъ намѣренъ продолжать разработку книги Большаго Чертежа (въ настоящее время онъ привелъ къ окончанію изслѣдованіе объ Архангельской губерніи) и что подобные труды всегда бываютъ сопряжены съ особенными издержками, особенно по составленію картъ, — постановило просить Совѣтъ Общества о назначеніи ему пособія, въ размѣрѣ отъ ста до двухъ сотъ рублей, изъ суммы, полагаемой по смѣтѣ „на вспоможеніе по ученымъ предпріятіямъ“. Совѣтъ Общества такое ходатайство Отдѣленія утвердилъ [2]).

В. РАЗНЫЯ ЧАСТНЫЯ СТАТЬИ.

Разработка разныхъ частныхъ вопросовъ по исторической географіи, конечно, не могла сдѣлаться предметомъ постоянныхъ заботъ Отдѣленія Этнографіи; при всемъ томъ, если подвести общій итогъ трудовъ по этой части, то нельзя не сказать, что онъ довольно значителенъ и что по нѣкоторымъ во-

---

[1]) Статья Е. К. Огородникова напечатана во 2-мъ томѣ «Записокъ И. Р. Г. О. по Отдѣленію Этнографіи» (Спб. 1869, in 8°), стр. 581—675 и выпущена отдѣльною брошюрой, подъ заглавіемъ „Мурманскій и Терскій берега по книгѣ Большаго Чертежа“, Спб. 1869, in 8° стр. 97.

[2]) Извѣстія 1869. Отд. I, стр. 3, 8, 34. Отзывъ Коммисіи о статьѣ с. Огородникова помѣщенъ въ приложеніи къ Отчету Общества за 1868 г., стр. 3—37.

просамъ доселѣ только единственно въ нихъ найдутся болѣе или менѣе удовлетворительные отвѣты.

Перечислить всѣ подобные труды членовъ Отдѣленія и помѣщенныя въ изданіяхъ Общества, а также распредѣлить ихъ на какія-либо категоріи было бы излишне и неудобно по самому ихъ разнообразію; но нельзя не замѣтить здѣсь, что въ первую половину разсматриваемаго нами періода дѣятельности Общества частныхъ историко-географическихъ изслѣдованій о различныхъ мѣстностяхъ явилось гораздо болѣе, нежели во вторую. Причиною этому, кажется, надобно признать то обстоятельство, что въ настоящее царствованіе, когда предпринято было и совершилось столько громадныхъ реформъ въ соціальномъ и экономическомъ строѣ государства, наше Общество естественно предалось больше изученію и разработкѣ вопросовъ современной жизни, чѣмъ изслѣдованіямъ о древней географіи Россіи и бытѣ ея обитателей. Разные политико-экономическіе предметы и между ними обсужденіе необходимости и выгодности направленія той или иной линіи желѣзныхъ дорогъ, чаще всего служили поводомъ къ многостороннимъ и оживленнымъ собраніямъ Общества и въ иныхъ случаяхъ приводили къ положительнымъ практическимъ результатамъ. Дѣлая такое замѣчаніе, мы отнюдь не ставимъ въ упрекъ подобное направленіе дѣятельности Общества. Живое сочувствіе современнымъ стремленіямъ и посильное содѣйствіе въ достиженіи желаемыхъ цѣлей, или по крайней мѣрѣ въ указаніи и опредѣленіи путей къ тому, — можно и должно поставить въ заслугу ученому Обществу.

Возвращаясь къ обозрѣнію частныхъ историко-географическихъ изслѣдованій, остановимся преимущественно на болѣе крупныхъ, заключающихъ въ себѣ вполнѣ законченныя монографіи по избранному вопросу.

Первое мѣсто, по всей справедливости, принадлежитъ обширному изслѣдованію дѣйств. чл. *П. Д. Бѣляева* „О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи“, напечатанному въ

VI томѣ Записокъ И. Р. Географическаго Общества (Спб. 1852; стр. 1—264).

Этотъ ученый, въ ту пору спеціально занимавшійся разработкою разныхъ вопросовъ по древнѣйшему періоду Русской Исторіи, еще прежде представленія упомянутой статьи въ наше Общество напечаталъ во „Временникѣ Московскаго Общества исторіи и древностей“ три большіе трактата, въ значительной степени разъяснявшіе и, такъ сказать, изображавшіе географію и этнографію Русской земли, на основаніи первыхъ страницъ лѣтописи преподобнаго Нестора. Эти трактаты: „Русская земля предъ прибытіемъ Рюрика въ Новгородъ“ (1850, VIII), „Князь Рюрикъ съ братьями и дружиною“ (1852, XIV) и „Русь въ первые сто лѣтъ отъ прибытія Рюрика въ Новгородъ“ (1852, XV), требовали глубокаго и тщательнаго изученія сказаній Лѣтописи въ сопоставленіе и въ связи съ позднѣйшими извѣстіями о разныхъ мѣстностяхъ и обитавшихъ на нихъ людяхъ; а такой методъ изслѣдованія, самъ по себѣ давалъ довольно богатый матеріалъ къ изображенію полной и хронологическо-послѣдовательной картины распространенія предѣловъ Русской власти или, что все-равно, картины постепеннаго расширенія знакомства русскихъ людей съ своею землею и съ сосѣдями.

Таково было начало историко-географическаго труда И. Д. Бѣляева.

Изслѣдованія свои И. Д. Бѣляевъ раздѣлилъ на три главы: въ 1-й изложены географическія свѣдѣнія на Руси въ IX, X, XI и XII столѣтіяхъ до 1110 года, которымъ заканчивается собственно Несторова лѣтопись; во 2-й главѣ изложены географическія свѣдѣнія въ XII, XIII и XIV столѣтіяхъ; въ 3-й свѣдѣнія въ XV вѣкѣ. Авторъ призналъ необходимымъ закончить свой трудъ XV столѣтіемъ на томъ основаніи, что „въ слѣдующихъ столѣтіяхъ источники географическихъ и статистическихъ свѣдѣній о Русской землѣ преиму-

щественно состоятъ изъ офиціальныхъ памятниковъ старой московской администраціи, которые даютъ совсѣмъ иной видъ этому дѣлу, какъ по своимъ размѣрамъ и подробностямъ, такъ и по плану". Первоначально, однако, сколько можно судить по протоколамъ Совѣта, И. Д. Бѣляевъ предполагалъ составить „Обзоръ историческаго развитія географическихъ свѣдѣній въ Россіи съ IX вѣка до Петра Великаго" [1]).

Исходнымъ пунктомъ своего изслѣдованія ученый авторъ принялъ положеніе, что „на Руси, въ древнее время, преданія историческія, въ памяти народа, шли рука объ руку съ преданіями географическими". Разсказы русскихъ странниковъ, ходившихъ по своей землѣ и по чужимъ землямъ, распространялись въ народѣ, составляли первыя народныя географическія преданія, которыя, постепенно возобновляемыя и расширяемыя новыми странствователями, переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе и потомъ, вмѣстѣ съ историческими преданіями, вносились лѣтописцемъ въ его сказанія. Лѣтопись Несторова почти съ первой строки начинается историко-географическими свѣдѣніями: одни изъ нихъ, касающіяся странъ неизвѣстныхъ нашимъ предкамъ, очевидно почерпнуты изъ греческихъ хронографовъ; но другія, относящіяся до странъ болѣе или менѣе знакомыхъ русскимъ людямъ, очевидно, записаны по домашнимъ преданіямъ и по разсказамъ бывалыхъ людей. Обозрѣніе тѣхъ географическихъ свѣдѣній, которыя Несторъ могъ получить дома, не прибѣгая къ греческимъ источникамъ, и составляетъ содержаніе первой главы изслѣдованія. Сказанія Нестора пополнены географическими данными, заключающимися въ другихъ русскихъ сочиненіяхъ того же періода, какъ-то въ поученіи Владиміра Мономаха, въ повѣсти объ ослѣпленіи князя Василька Ростиславича и наконецъ въ описаніи путешествія игумена Даніила въ Іерусалимъ.

---

[1]) Вѣстникъ 1851 г. III, Отд. I, стр. 25.

Изслѣдователь вездѣ, при упоминаніи какой-либо малоизвѣстной мѣстности въ лѣтописи опредѣляетъ ея положеніе и названіе, подъ какимъ существуетъ она въ настоящее время. Многія изъ такихъ опредѣленій приняты имъ на основаніи изслѣдованій Погодина, Надеждина, Неволина и отчасти Арцыбашева; но другія сдѣланы самостоятельно. Если и теперь, по истеченіи почти 20 лѣтъ со времени появленія этого изслѣдованія, нельзя похвалиться обиліемъ историко-географическихъ изслѣдованій о древней Руси; если и понынѣ нѣтъ у насъ ни подробныхъ, до послѣдней степени, картъ губерній, ни полныхъ списковъ населенныхъ мѣстностей, то нельзя не подивиться, какъ при недостаткѣ такихъ пособій, облегчающихъ подобныя изысканія, удалось автору весьма удачно пріурочить лѣтописныя сказанія къ нынѣшнимъ селеніямъ. Встрѣчающіяся иногда ошибки и неточности можно исправить въ настоящее время при помощи издаваемыхъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ „Списковъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи“.

Замѣтимъ наконецъ, что всѣ географическія свѣдѣнія извлечены изъ лѣтописей и другихъ источниковъ не въ простомъ хронологическомъ порядкѣ, но расположены, по возможности, группами, смотря по тому, къ какому краю Россіи они относятся, такъ что изслѣдованіе наконецъ принимаетъ видъ систематической географіи удѣльныхъ Княжествъ древней Руси и сопредѣльныхъ съ ними земель Болгарскихъ, Половецкихъ, Югры и т. п.

Вторая глава—обширнѣйшая въ сочиненіи Бѣляева, изложена въ такой же системѣ. Главнымъ источникомъ служили лѣтописи, число которыхъ за этотъ періодъ времени (XII—XIV вѣковъ) гораздо многочисленнѣе, къ тому же онѣ были ведены въ разныхъ краяхъ Русской земли и содержатъ въ себѣ болѣе географическихъ подробностей. Въ тогдашнее время каждый край Русской земли жилъ особою отдѣльною жизнію и силою обстоятельствъ становился въ соприкосновеніе и даже вступалъ въ тѣсныя связи съ различными народами, о ко-

торыхъ дотолѣ вовсе не знали или знали очень не многіе. Еще и прежде одни изъ удѣльныхъ Княжествъ тянули болѣе на западъ, другіе—на востокъ или на сѣверъ; а послѣ разгрома Монголо-Татарскаго это разъединеніе выразилось съ большею очевидностью. Восточная половина Руси, подпавъ совершенно подъ власть Татаръ, на долго связала свое существованіе съ судьбою Орды, и вслѣдствіе того коротко стала знакома съ отдаленными Азіятскими странами; половина Западной Руси, избѣгнувъ ига Татарскаго, подчинилась вліянію западныхъ сосѣдей, изъ которыхъ дотолѣ мало извѣстные Литовцы быстро развили свою силу и образовали обширное русско-литовское Государство. Новгородъ сохранившій старинную свою вѣчевую самостоятельность и уцѣлѣвшій отъ нашествія Татаръ, продолжая свою торговую предпріимчивость, расширялъ свои владѣнія въ глубь сѣверо-востока и колонизовалъ ихъ; а съ другой стороны на западѣ состоялъ въ непрерывныхъ, чаще враждебныхъ, рѣже дружелюбныхъ сношеніяхъ съ Шведами и въ особенности съ мечеиосными германскими апостолами, высадившимися на Балтійское побережье и начавшими свой Drang nach Osten; военныя предпріятія съ этой стороны увлекли Новгородцевъ и на острова Балтійскаго моря, даже въ Норвегію. Съ Литвою Новгородцы также и дружили и враждовали, и вообще по своей предпріимчивости болѣе всѣхъ Русскихъ были знакомы съ Русью и съ чужими землями. Псковъ—„молодшій братъ“ Великаго Новгорода жилъ такою же жизнію; но преимущественно его промышленная и воинская дѣятельность простиралась на западъ къ Ливоніи и Литвѣ.

Все это дало автору возможность не только изобразить отдѣльно географическія картины владѣній Новгородскихъ, Суздальскихъ, Московскихъ, Рязанскихъ, Кіевскихъ, и проч.; но вмѣстѣ съ тѣмъ и подвести итоги географическихъ познаній русскихъ людей того времени о земляхъ Угорскихъ, Польскихъ, Литовскихъ, Скандинавскихъ, Ордынскихъ и т. п. Кромѣ Лѣтописей авторомъ разобраны всѣ данныя, заключающіяся

въ дошедшихъ до насъ различныхъ путешествіяхъ, какъ напримѣръ Добрыни Ядрейковича (архіепископа Антонія), въ 1210 году, новгородца Стефана въ 1350 году, митрополита Пимена въ 1389 году, а также и государственные акты—договорныя грамоты, княжескія духовныя завѣщанія и т. п.

Москва, еще въ XIV столѣтіи получившая рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми владѣніями въ сѣверовосточной Руси, въ XV вѣкѣ сдѣлалась уже совершеннымъ средоточіемъ Русской жизни: къ ней, какъ къ центру, стягиваются не только всѣ сѣверовосточныя Русскія Княжества, но и значительная часть западныхъ, имѣвшихъ въ XIV вѣкѣ центромъ своимъ—Литву. Вслѣдствіе этого авторъ въ послѣдней главѣ своего изслѣдованія, при разсмотрѣніи географическихъ свѣдѣній на Руси за XV вѣкъ, изображаетъ главнымъ образомъ географію объединяющагося Русско-Московскаго Государства и знакомство его людей съ чужими землями.—Новгородъ, Тверь, Рязань и многія мелкія русско-литовскія княжества—въ этотъ періодъ достигли послѣднихъ дней своей самостоятельности, и потому о нихъ говорится отдѣльно уже не многое. Географическія же познанія русскихъ людей расширялись тогда какъ завоеваніями, такъ и дипломатическими сношеніями съ иноземными Государствами. Въ XV вѣкѣ, особенно при Іоаннѣ III, весьма часто отправляемы были посольства въ различныя страны—въ Италію, Германію, Данію, Венгрію, Молдавію, Польшу, въ Крымъ, Персію и каждый изъ посланниковъ доставлялъ, по возможности, обстоятельныя свѣдѣнія о посѣщенныхъ земляхъ. Кромѣ того въ этомъ столѣтіи совершены были и весьма замѣчательныя путешествія частными лицами, какъ напр. іеродіакона Зосимы (1420 года) въ Царьградъ, на Аѳонъ и въ Палестину, митрополита Исидора (1438 г.) въ Италію на Флорентійскій соборъ и Тверскаго купчины Аѳанасія Никитина (около 1470) въ Индію. Къ этому же періоду относится и указаніе о томъ, что Московское Правительство имѣло у себя чертежи или карты многихъ мѣстностей Литовскихъ, если

не всего Литовскаго Государства; а это обстоятельство позволяетъ допустить, что подобные чертежи имѣлись, какъ о другихъ пограничныхъ земляхъ, такъ и о собственно русскихъ областяхъ и, безъ сомнѣнія, послужили основою позднѣйшаго „Большаго Чертежа“.

Общій составъ Московскаго государства и отчасти раздѣленіе его въ административномъ отношеніи въ послѣдніе годы XV столѣтія изображены въ духовномъ завѣщаніи Іоанна III. Подробное описаніе Новгородскихъ земель, начатое великокняжескими писцами съ 1492 г. и часть самыхъ книгъ (Вотская Пятина) 1499 — 1500 г., дошедшая до насъ — показываютъ, что правительство тогда же собирало и весьма тщательно статистическія свѣдѣнія, изображавшія экономическое состояніе каждой области государства.

Подробнымъ изложеніемъ упомянутаго духовнаго завѣщанія и обширнымъ извлеченіемъ изъ писцовыхъ книгъ заканчивается изслѣдованіе Бѣляева.

Говоря объ этомъ сочиненіи, нельзя однако оставить безъ замѣчанія, что оно, къ сожалѣнію, издано въ корректурномъ отношеніи не совсѣмъ исправно. Опечатки, безъ сомнѣнія, происшедшія отъ неразборчивости рукописи, встрѣчаются часто, что весьма вредитъ сочиненію, изобилующему собственными именами различныхъ мѣстностей, лицъ и народовъ. Напримѣръ, большею частію напечатано: Вельшъ, Клымскъ, Балхамъ, Гомадь и т. п. вмѣсто: Вельскъ, Клыческъ, Балхашъ, Голядь и пр.

Другое очень замѣчательное историко-географическое сочиненіе, изданное нашимъ Обществомъ, принадлежитъ *Г. Германову* и носитъ заглавіе „Постепенное распространеніе однодворческаго населенія въ Воронежской губерніи“ (Записки И. Р. Г. Общ., 1857, кн. XII, стр. 183—325).

Извѣстно, что вся юго-восточная часть нынѣшней Россіи испоконъ вѣковъ была обиталищемъ различныхъ кочевниковъ и вслѣдствіе того считалась постоянно „дикимъ полемъ.“ Хотя въ лѣтописяхъ нашихъ и встрѣчается имя Воронежа еще

въ XII столѣтіи, тѣмъ не менѣе невозможно утверждать съ положительностію, что тамъ существовали русскія поселенія. Въ XIII вѣкѣ, когда Русь подпала подъ иго татаръ, когда прежніе номады здѣшнихъ мѣстъ слились съ ордами татарскими, край этотъ остался по прежнему достояніемъ кочевыхъ народовъ. Онъ даже пришелъ въ большее запустѣніе: „не бѣ бо видѣти человѣка, точнѣе пустыня велія и звѣрей множество“ — говоритъ Смоленскій діаконъ Игнатій, проѣхавшій тѣми мѣстами въ 1389 году. Но какъ ни безлюдно было это „дикое поле,“ государственная необходимость заставила Русское правительство рано обратить на него особенное вниманіе. Безпрестанные набѣги татарскихъ шаекъ, простиравшіеся иногда подъ самую Москву, вызвали Московское правительство къ особой системѣ дѣйствій противъ ордынцевъ, извѣстной подъ названіемъ сторожевой и станичной службы. Есть положительныя свидѣтельства о началѣ этой системы въ XIV столѣтіи; нѣтъ ничего невѣроятнаго, что наблюдательные посты за движеніемъ кочевниковъ существовали даже и гораздо ранѣе; въ послѣдней половинѣ XVI вѣка эта система развилась вполнѣ. Она состояла въ проведеніи искуственной границы или „черты,“ опредѣляемой и укрѣпленной то рвомъ и валомъ, то засѣками, смотря по удобствамъ мѣстности; по чертамъ устроены были города, городки и остроги, изъ которыхъ высылались въ степь отряды объѣздчиковъ и стоялыхъ сторожъ. Какъ скоро русская власть достаточно крѣпла въ томъ или другомъ мѣстѣ, какъ только позволяли обстоятельства, то линія укрѣпленій и сторожъ переносилась далѣе въ „поле“ и тѣснила Орду. Мы еще не оцѣнили по достоинству эту систему огражденія до-Петровской Руси: кромѣ внѣшней защиты, она закрѣпляла за Русью занимаемыя земли и превращала ихъ въ настоящую Русь, потому что по мѣрѣ выдвиганія „черты“ подвигалось и Русское населеніе.

Такимъ именно образомъ съ конца XVI вѣка закрѣплялся и закрѣпился за Русью и Воронежскій край.

Служилые люди, несшія разныя обязанности по крѣпостной (городовой) и полевой (сторожевой и станичной) службѣ, являлись первыми насельниками и только около ихъ стали водворяться посадскіе люди, монастырскіе и помѣщичьи крестьяне. Эти служилые люди, по роду своихъ обязанностей, носили разныя наименованія: стрѣльцы, пушкари, конѣйщики, затинщики, засѣчники, воротники и проч. и проч. Въ царствованіе Петра I всѣ эти „служилые люди“ стали именоваться „однодворцами“ и признаваться свободными землевладѣльцами, образуя особый разрядъ между государственными крестьянами и помѣщиками-дворянами.

Г. Германовъ избралъ цѣлью своего сочиненія прослѣдить постепенное распространеніе однодворческаго населенія въ Воронежскомъ краѣ или, другими словами, разсказать исторію заселенія этой губерніи вообще, потому что люди другихъ званій, какъ сказано, водворялись здѣсь лишь по слѣдамъ служилыхъ людей. Въ этихъ видахъ онъ старался опредѣлить, какъ время основанія каждаго селенія, гдѣ только есть однодворцы, такъ и мѣстность, изъ которой они пришли; впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ, привелось ему такія опредѣленія сдѣлать лишь приблизительно. Главнѣйшими источниками для его изысканій служили различные акты на владѣніе землею.

Вслѣдствіе этого трудъ г. Германова, не смотря на спеціальность избраннаго предмета, получаетъ особенную важность, какъ опытъ исторіи заселенія одной изъ обширнѣйшихъ областей Россійской Имперіи. Обнимая собою преимущественно XVI и XVII столѣтія онъ, до нѣкоторой степени, можетъ даже считаться дополненіемъ изслѣдованій И. Д. Бѣляева *).

Главнѣйшіе выводы г. Германова относительно давности и постепенности заселенія губерніи состоятъ въ слѣдующемъ:

---

*) Не лишнее напомнить здѣсь, что изъ отчета Общества за 1855 годъ (стр. 57) видно, что И. Д. Бѣляевъ въ видѣ продолженія къ своей статьѣ приготовлялъ для Общества «Свѣдѣнія о городахъ на Руси въ XV и XVI столѣтіяхъ»; но къ сожалѣнію, трудъ этотъ неявился въ свѣтъ.

Гдѣ однодворческое населеніе гуще—тамъ оно давнѣе; тамъ, значитъ, раньше началось устройство сторожевыхъ поселеній. Въ уѣздахъ сѣверо-западныхъ — Задонскомъ, Воронежскомъ, Землянскомъ, Нижнедѣвицкомъ и Коротоякскомъ—наибольшее число однодворцевъ. Съ этой именно стороны, въ направленіи къ юго-востоку, и должно было естественнымъ порядкомъ распространяться водвореніе русскаго элемента, закрѣпленіе этого края за Русскою властью. Тульскіе города—Новосиль и Епифань, Рязанскій Данковъ, Тамбовскій Шатскъ и въ особенности Орловскій Елецъ, имѣвшіе значеніе значительнѣйшихъ укрѣпленій, выставленныхъ противъ Орды, высылавшіе въ Воронежскій край объѣздчиковъ, должны были дать и первыхъ водворенныхъ здѣсь служилыхъ людей, родоначальниковъ нынѣшнихъ однодворцевъ.

Уѣзды Воронежской губерніи заселялись разновременно; но эта разновременность состояла не въ томъ, что сперва заселился одинъ уѣздъ, потомъ другой и т. д., а только въ томъ, что заселеніе одного уѣзда началось ранѣе и окончилось прежде, нежели заселеніе другаго уѣзда.

Старѣйшія изъ однодворческихъ селеній, бывшія именно наблюдательными пунктами, основывались прямо на указанныхъ имъ мѣстахъ. Такъ почти всѣ эти селенія въ сѣверозападныхъ уѣздахъ стоятъ преимущественно на западныхъ и сѣверныхъ берегахъ рѣкъ и рѣчекъ, что служитъ очевиднымъ доказательствомъ, что рѣка въ этомъ случаѣ принималась какъ ограда отъ нападеній, которыхъ всего скорѣе надлежало ожидать или съ юга, или съ востока. Близость разстоянія селеній между собою также указываетъ на то, что эти мѣстности первоначально подвергались большей опасности отъ нападеній, нежели тѣ, гдѣ селенія стоятъ рѣже.

Старѣйшія поселенія вообще во всѣхъ уѣздахъ, гдѣ только есть однодворцы, оказываются не очень многолюдными. Причину этого авторъ видитъ въ томъ, что эти селенія основывались по распоряженію правительства; при чемъ число водво-

ряемыхъ служилыхъ людей соотвѣтствовало большей или меньшей важности, какая придавалась заводимому поселенію, а количество земли отводилось соразмѣрно числу водворяемыхъ. Такимъ образомъ эти селенія уже при самомъ возникновеніи получали опредѣленные размѣры для своего расширенія. Поселенія позднія начинались подъ другими условіями. Большая часть ихъ возникла не по распоряженію правительства и даже не всегда съ его вѣдома; первые осадчики въ нихъ были не переведенцы, а охочіе—добровольные выходцы изъ старыхъ мѣстъ, оказывавшихся тѣсными; вслѣдствіе же того, что и самая степь становилась болѣе и болѣе безопасною отъ набѣговъ, новыя поселенія ставились обыкновенно впереди сторожевой черты, на „дикомъ полѣ," а земли захватывалось много, такъ какъ она никому не принадлежала. Только въ послѣдствіи, когда самая черта переносилась впередъ этихъ селеній, устанавливались границы ихъ владѣній.

Послѣ такихъ общихъ выводовъ, авторъ объясняетъ въ частности время и порядокъ заселенія каждаго уѣзда, при чемъ перечисляетъ всѣ однодворческія селенія въ уѣздѣ и указываетъ на время и обстоятельства ихъ основанія, присовокупляя и свѣдѣнія объ остаткахъ древнѣйшихъ обиталищъ, сохранившихся въ курганахъ, городищахъ и находкахъ археологическихъ предметовъ.

По заключеніямъ г. Германова, заселеніе уѣздовъ шло въ такомъ порядкѣ:

Задонскій уѣздъ—началъ заселяться съ половины XVI вѣка, точнѣе съ 1570 г., и при томъ прежде всего по правому берегу Дона.

Воронежскій — собственно со времени построенія Воронежа въ 1586 г. и преимущественно въ сѣверной половинѣ; южная часть стала заселяться съ половины XVII вѣка, когда возникли далеко впереди города Костенскъ, Урывъ, Коротоякъ.

Землянскій—немного раньше половины XVII в., и то въ тѣхъ

частяхъ, которыя ближе къ Задонску и Воронежу; а остальныя пространства были почти безлюдны до половины XVIII.

Нижнедѣвицкій—только съ 1660 года, и лишь немногія селенія возникли раньше этого времени.

Коротоякскій, по близости своего расположенія къ Воронежу и другимъ городкамъ началъ колонизоваться нѣсколько раньше; самый городъ Коротоякъ основанъ 1642 г.

Бирюченскій сталъ заселяться въ эту же пору, подъ охраною основанныхъ по рѣчкѣ Тихой-Сосиѣ городковъ Верхнесосенска, Усерда, Палатова, что происходило въ періодъ 1641—1670 г.

Валуйскій уѣздъ заселился очень поздно, не смотря на то, что самый городъ Валуйка основанъ былъ еще въ 1593 г. и имѣлъ довольно важное значеніе въ числѣ „польскихъ“ городовъ; очень немногія селенія этого уѣзда возникли въ XVII столѣтіи, а всѣ прочія только въ XVIII.

Бобровскій уѣздъ сталъ заселяться съ 1686 года, а до того времени въ продолженіи всего XVII вѣка въ немъ только были временные притоны сторожевыхъ станичниковъ, выѣзжавшихъ въ степь на службу на опредѣленные сроки.

Павловскій и Хоперскій уѣзды сохраняли вполнѣ степной характеръ до XVIII вѣка, когда основаны были крѣпости Павловская и Хоперская (1709—1711).

Что касается уѣздовъ Острогожскаго и Богучарскаго, то заселеніе ихъ началось съ половины XVII вѣка, но главными колонизаторами ихъ были не московскіе служилые люди, а малороссійскіе казаки или черкасы, начавшіе переселяться въ восточную Россію со времени гоненій, воздвигнутыхъ іезуитскою нетерпимостью по поводу уніи. Однодворческихъ селеній въ этихъ двухъ уѣздахъ только четыре, да и тѣ возникли здѣсь никакъ не далѣе первой четверти XVIII вѣка.

Переходимъ теперь къ обозрѣнію и указанію другихъ трудовъ, имѣющихъ значеніе историко-географическихъ.

Такимъ характеромъ отличается статья извѣстнаго историка и знатока древности Малороссіи *Н. А. Маркевича* „Рѣки Полтавской губерніи,“ помѣщенныя въ Запискахъ Общества 1856 года (т. XI, стр. 335—461).

Авторъ собственно задался мыслію составить описаніе всѣхъ рѣкъ и рѣчекъ Полтавской губерніи съ опредѣленіемъ ихъ экономическаго значенія по отношенію къ поселенію; но вмѣстѣ съ тѣмъ о каждой изъ нихъ присоединилъ и историческія воспоминанія, какъ-то: замѣтки о переправахъ, бродахъ, пристаняхъ, селеніяхъ, сраженіяхъ, остаткахъ древнихъ сооруженій съ преданіями о нихъ, о различныхъ археологическихъ находкахъ и проч. Все это сдѣлано очень кратко, но тщательно, и можетъ служить источникомъ для разныхъ справокъ при разъясненіи топографическихъ подробностей какихъ-либо лѣтописныхъ извѣстій, что весьма облегчается алфавитнымъ указателемъ, которымъ снабжена статья [1]).

Теперь укажемъ въ хронологическомъ порядкѣ статьи историко-географическаго содержанія, помѣщенныя въ „Вѣстникѣ Общества“, тѣмъ болѣе, что въ первые годы его изданія, по самой программѣ (Вѣстникъ, I, Отд. 1, стр. 65—70), въ немъ существовалъ особый отдѣлъ (VI) „Географіи Исторической“.

I, стр. 57—78 „Описаніе Закамскихъ линій“ дѣйств. чл. *М. П. Иванина*. Въ этой статьѣ сообщается тщательное топографическое описаніе земляныхъ укрѣпленій, встрѣчающихся въ Казанской, Самарской и Уфимской губерніяхъ и сооруженныхъ нѣкогда для защиты заволжско-закамскихъ жителей

*) Еще прежде того, на приглашеніе Общества доставлять ему свѣдѣнія по предмету его занятій, Н. А. Маркевичъ доставилъ „Извѣстіе о разныхъ урочищахъ Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда Черниговской губерніи,“ но статья эта была чисто топографическаго содержанія и никакихъ историко-географическихъ данныхъ не заключала въ себѣ.—См. Геогр. Извѣстія, 1848, стр. 87.

отъ набѣговъ кочевниковъ. Историческая часть въ статьѣ не полна, касается только временъ XVIII вѣка, тогда какъ первоначальное устройство „Закамской Черты“ началось еще въ половинѣ XVII столѣтія. Кромѣ укрѣпленій, сооруженныхъ Русскими, въ этой же мѣстности сохранились доселѣ валы и рвы эпохъ несравненно древнѣйшихъ, по всей вѣроятности періода Болгарской самостоятельности. Авторъ описываетъ и ихъ; но не пытается опредѣлить ихъ историческое значеніе.

II, стр. 1—20. „Замѣчательный памятникъ православія въ Кременцѣ“. Статья эта переведена изъ польскаго журнала Biblioteka warszawska. Авторъ ея, *Самуилъ Новошацкій*, бывшій адвокатъ въ Кременцѣ, разсказываетъ въ ней исторію Кременецкой крѣпости, на основаніи польскихъ историковъ и разныхъ документовъ, хранившихся въ Кременецкихъ присутственныхъ мѣстахъ и въ нѣкоторыхъ частныхъ архивахъ. Крѣпость эту обыкновенно зовутъ „Замкомъ Королевы Боны“, и потому нѣкоторые считаютъ, что она основана въ XVI вѣкѣ. Новошацкій доказываетъ, что еще въ XI столѣтіи замокъ этотъ принадлежалъ Мукосѣямъ, и что, судя по характеру постройки, возникновеніе его можно относить къ IX или даже VIII вѣку. Такова сущность дѣла; но какъ истый полякъ, авторъ, съ очевидными натяжками и даже иногда противорѣча себѣ самому, усиливается доказать, что вся Волынь была искони польскою („славяно-ляхетскою“) страною, что христіанство введенное здѣсь Великимъ Княземъ Владиміромъ Равноапостольнымъ было католическое и т. п. Переводчикъ статьи (православный священникъ?) *Амвросій Добротворскій* въ подстраничныхъ примѣчаніяхъ отмѣчаетъ всѣ ложные выводы автора и положительно доказываетъ, что православная церковь Св. Николая, существовавшая въ Кременецкой крѣпости въ 1552 году, не могла быть построена тамъ въ эту эпоху, ибо Польское Правительство обыкновенно покровительствовало католицизму, а въ эту самую пору наиболѣе усердно стремилось къ уничтоженію православія, и лишь по необходимости, почти

противъ своего желанія, оставляло неприкосновенными нѣкоторые древніе православные храмы.

IV, стр. 29.—„Исторія жизни Гіуенъ-Тсана и его странствованій по Индіи между 629 и 645 годами нашего лѣтосчисленія". Это переводъ съ французскаго перевода путешествія Китайскаго ученаго Сюань-Цзана. Содержаніе статьи въ Россіи не относится; но очень важно для разъясненія многихъ историко-географическихъ вопросовъ касательно Средней Азіи.

VII, Хроника, стр. 12. „Второе путешествіе академика Шегрена въ Курляндію для изслѣдованія остатковъ Ливовъ".—При самомъ открытіи дѣйствій нашего Общества, Отдѣленіе Этнографіи въ 1846 году предложило небольшую экспедицію въ Остзейскія губерніи для изслѣдованія, въ этнографическомъ отношеніи, небольшаго остатка Ливовъ, потомковъ первобытныхъ обитателей края, отъ которыхъ онъ получилъ свое названіе—Ливонія и Лифляндія. Вмѣстѣ съ этимъ предполагалось изслѣдовать и остатокъ также вымирающаго народа Кревиновъ въ Курляндіи. (Зап. Русскаго Географическ. Общества, I, стр. 37; II, стр. 10—12). Это ученое изслѣдованіе совершилъ членъ-сотрудникъ Общества академикъ А. Шегренъ, извѣстный знатокъ финскихъ нарѣчій. Извлеченіе изъ представленнаго имъ отчета, касающееся языка и обычаевъ Ливовъ и Кревиновъ, а также о происхожденіи этихъ народовъ, было помѣщено во 2-мъ томѣ „Записокъ Общества" (стр. 253—266). Впослѣдствіи Шегренъ призналъ необходимымъ пополнить свои наблюденія новою поѣздкою въ мѣстности, гдѣ обитаютъ остатки изчезающихъ народовъ. Краткія извѣстія о результатахъ этого путешествія и составляетъ содержаніе разсматриваемой статьи. Общій выводъ изъ соображеній Шегрена тотъ, что Ливы въ древности были многочисленны и распространялись далеко на югъ отъ Лифляндіи; но смѣшавшись съ Леттами (Латышами) стали постепенно утрачивать свой языкъ и племенныя особенности. Слѣды древнѣй-

шаго ихъ пребыванія въ разныхъ мѣстностяхъ несомнѣнно узнаются въ названіяхъ урочищъ, объясняемыхъ только изъ языка Ливовъ. Съ этой стороны эта небольшая статейка имѣетъ особое значеніе для исторической географіи. Нельзя не пожалѣть, что въ ней не указаны съ точностію всѣ мѣстности, на которыхъ, по мнѣнію изслѣдователя, обитали въ древности Ливы и Кревингы.

X, Отд. II, стр. 1—48 „Описаніе города Верхотурья“— члена-сотрудн. игумена (нынѣ епископа Орловскаго) *Макарія*. Въ статьѣ этой, между прочимъ, разсказывается исторія этого города и описываются довольно подробно монастыри и церкви городскіе.

X, Отд. V, стр. 72—77. Чл.-сотр. *Кн. Н. А. Кострова*—„Списокъ каменнымъ изваяніямъ, находящимся въ Минусинскомъ округѣ Енисейской губерніи“ и чл.-сотр. *Н. А. Абрамова*—„О древнихъ городищахъ въ Ялуторовскомъ округѣ Тобольской губерніи“.—Это краткія замѣтки, очень не безполезныя для желающихъ заняться какими-либо историко-географическими розъисканіями о Сибирскомъ краѣ.

XI, Отд. II, стр. 99—104 чл.-сотрудн. *Н. А. Абрамова*—„Слобода Царево-Городище до переименованія ея городомъ Курганомъ Тобольской губерніи.“

XI, Отд. II, стр. 129—152. Чл.-сотрудн. архимандрита (нынѣ епископа Орловскаго) *Макарія*—„Описаніе Ѳерапонтовской волости“, находящейся въ Кириловскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи и получившей названіе по имени упраздненной Ѳерапонтова Рождественскаго Богородицкаго монастыря, основаннаго въ концѣ XIV вѣка однимъ изъ учениковъ Сергія Радонежскаго преподобнымъ Ѳерапонтомъ.

XI, Отд. V, стр. 26—37. Чл.-сотрудн. *А. П. Дмитрюкова*—„Городища и курганы, находящіеся въ Суджанскомъ и Рыльскомъ уѣздахъ Курской губерніи“. Впослѣдствіи статья эта, съ небольшими сокращеніями, но съ приложеніемъ черте-

жей и рисунковъ, перепечатана была въ „Трудахъ Курскаго Губернскаго Статистическаго Комитета“ 1863 г., кн. I, стр. 506—517.

XIV, Отд. II, стр. 167—190. „Опытъ изслѣдованія о древней Югрѣ“—*А. Б....г* (*А. Б. Бушена*). Эта статья, не смотря на незначительность своего объема, представляетъ очень полный и мастерски составленный сводъ свѣдѣній о Югрѣ, находящихся какъ въ лѣтописяхъ и другихъ древнихъ сказаніяхъ, такъ и въ современныхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ. Авторъ разсматриваетъ въ своемъ опытѣ: во 1-хъ) значеніе и происхожденіе имени Югра; во 2-хъ) мѣсто жительства древней Югры; въ 3-хъ) историческія судьбы этого народа и страны имъ обитаемой и наконецъ въ 4-хъ) вопросъ о томъ: гдѣ теперь слѣдуетъ искать остатки этого племени? Относительно значенія слова „Югра“ или „Угра“ авторъ приходитъ къ заключенію, что оно „есть слово первообразное, также какъ и большая часть чудскихъ народныхъ именъ“ и что ошибочно мнѣніе Шлёцера и нѣкоторыхъ его послѣдователей, будто названіе „Югра“ и „Угры“ и прилагательныя „Югорскій“ и „Угорскій“ произошли отъ слова „Угоріе“—т. е. страна лежащая у горъ (Уральскихъ).—О пространствѣ составляющемъ древнюю Югру, авторъ заключаетъ, что древняя Югра, въ обширномъ смыслѣ, какъ ее понимали Новгородцы въ первыя времена существованія Русскаго Государства, простиралась на сѣверѣ до прибрежья Ледовитаго океана отъ Югорскаго-Шара до устьевъ Таза, а на югъ достигала верховьевъ Лозы и Вышеры, и что только во времена позднѣйшія Югрѣ назначены были болѣе тѣсные предѣлы по отдѣленію сѣверныхъ и южныхъ частей въ вѣдѣніе особыхъ намѣстниковъ и по учрежденіи (1681 года) въ остальной части особаго Югорскаго намѣстничества, заключавшаго Югру въ тѣсномъ смыслѣ.—Что касается историческихъ судебъ этой страны и народа въ ней обитавшаго, то авторъ извлекаетъ изъ нашихъ лѣтописей всѣ упоминанія о Югрѣ до конца XIV вѣка, когда, съ покоре-

ніемъ Вятки, довершено подчиненіе всѣхъ чудскихъ данниковъ Великаго Новгорода по самый Уралъ. Въ эту пору значительная часть Югровъ, всегда мало-покорныхъ, по всей вѣроятности, удалилась за Уралъ къ берегамъ Оби и Иртыша. Авторъ совершенно отвергаетъ мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые считаютъ нынѣшнихъ Вогуловъ за потомковъ древнихъ Югровъ; напротивъ онъ принимаетъ, что Остяцкія племена, кочующія нынѣ розно на Оби, Иртышѣ, Кондѣ и Тавдѣ, и отчасти на Кети, или Остяки въ собственномъ смыслѣ (называющіе сами себя Асьякъ), суть не что иное, какъ потомки вытѣсненной съ Урала Югры, бывшей нѣкогда данницею Великаго Новгорода и вмѣстѣ съ тѣмъ крайнимъ предѣломъ его владычества, а Вогулы, живущіе нынѣ на прежней Югорской землѣ приняли въ себя только небольшую часть этого народа. Въ заключеніе всего авторъ отдѣльно разбираетъ сказаніе преподобнаго Нестора объ Уграхъ, какъ ходившихъ въ Персію, такъ и останавливавшихся подъ Кіевомъ и водворившихся на Дунаѣ.

XVI, Отд. II, стр. 93—160. „Замѣтки о западной части Гродненской губерніи“—*С. К.* (?). Эта статья также принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ по исторической этнографіи. Извѣстно, что древнѣйшими обитателями западной части нынѣшней Гродненской губерніи, до конца XIII столѣтія, были Ятвяги, народъ не славянскаго происхожденія. Авторъ этой статьи преимущественно и занялся попыткою разработки вопроса о Ятвягахъ.—Изъ разсмотрѣнія историческихъ извѣстій онъ выводитъ, что въ западной части Гродненской губерніи Ятвяги въ періодъ своей самостоятельности занимали только сѣверную половину, а южная съ городами Брестомъ, Кобриномъ, Каменцомъ, Мельникомъ, Дрогичиномъ, Бѣльскомъ,—т. е. все пространство по р. Бугу до р. Нарева—принадлежала князьямъ югозападной Руси. Границами собственно Ятвяжской земли авторъ признаетъ: на сѣверѣ—среднее теченіе р. Нѣмана, а на югѣ р. Наревъ; на сѣверо-западъ ихъ страна простиралась за р. Бобръ до верховьевъ

рѣкъ Лэнки, Нетты и Винценты, соприкасаясь съ землею Голяди; на востокъ въ верховьяхъ Нарева, Свислоча и Ясіолды она отдѣлялась лѣсными дебрями отъ Литвы и Руси.—Что касается племеннаго происхожденія Ятвяговъ, то авторъ допускаетъ, что они были вѣтвью Сарматовъ, прикочевавшихъ въ этотъ край отъ береговъ Чернаго моря. Здѣсь окруженные и тѣснимые со всѣхъ сторонъ народами славянскими, Ятвяги въ сильной степени подверглись ихъ вліянію и послѣ упорной кровавой борьбы были совершенно поглощены народностью побѣдителей.—Другая половина этой статьи посвящена разсмотрѣнію языка нынѣшнихъ жителей Ятвяжской земли, при чемъ сообщается 28 пѣсень и нѣсколько прозаическихъ разсказовъ. Для большей ясности чтенія самой статьи она снабжена картою описываемой стороны.

XVII, Отд. II, стр. 222 — 242. „Обозрѣніе городовыхъ полковъ и сотенъ, бывшихъ на Украйнѣ до смерти Богдана Хмѣльницкаго“—статья д. чл. *М. А. Максимовича*. Авторъ этого обозрѣнія глубоко-основательный знатокъ быта и исторіи Малороссіи, избралъ своею задачею разъяснить старинное дѣленіе Малороссіи (до 1782 года) на полки и сотни, независимо отъ земскаго дѣленія на повѣты или уѣзды. Малороссія и Украйна, со временъ далекой древности жила тревожною жизнью, въ непрестанной борьбѣ съ различными кочевниками, а потомъ съ Литовцами и Ляхами. Эти обстоятельства и послужили къ тому, что въ народѣ украинскомъ развилось казачество, какъ особое войсковое сословіе, отдѣлившееся отъ земледѣльческаго поспольства, для его же защиты: впрочемъ казакъ въ жизни домашней былъ тотъ же земледѣлецъ, равно какъ и каждый земледѣлецъ былъ готовъ всегда сдѣлаться казакомъ. Авторъ указываетъ, что дѣленіе Малороссіи на полки и сотни существовало еще въ удѣльный періодъ только тогда, вмѣсто словъ „полкъ“ и „полковникъ“ употреблялись слово „тысяча“ и „тысяцкій“, хотя въ лѣтописяхъ и встрѣчаются выраженія: Кіевскій тысяцкій съ своимъ полкомъ и т. д. До

Богдана Хмѣльницкаго, по мнѣнію Максимовича, было только 10 полковъ: 7 на правой сторонѣ Днѣпра и 3 на лѣвой. При самомъ началѣ гетманства Хмѣльницкаго, послѣ его блистательныхъ побѣдъ надъ Поляками въ 1648 году, образовалось уже 26 полковъ: 16 на правой сторонѣ Днѣпра и 10 на лѣвой. Въ исходѣ 1649 года, послѣ Зборовскаго мира, Хмѣльницкій ввелъ новое полковое распредѣленіе, образовавъ только 16 полковъ, при чемъ для объединенія Малороссіи, уничтожилъ древнее дѣленіе ея на двѣ части теченіемъ Днѣпра. При новомъ устройствѣ полковъ, четыре изъ нихъ (Чигиринскій, Черкасскій, Коневскій и Кіевскій) имѣли свои сотни, какъ на правомъ, такъ и на лѣвомъ берегу Днѣпра. Въ такомъ положеніи и числѣ оставались полки до смерти Богдана въ 1657 году: авторъ положительно отвергаетъ мнѣніе тѣхъ изслѣдователей, которые принимаютъ 20 полковъ. Статья Максимовича очень важна для исторической географіи Малороссіи въ XVII столѣтіи, и нельзя не пожалѣть, что она осталась не вполнѣ оконченною. Въ XVII томѣ „Вѣстника“ помѣщено только обозрѣніе полковъ и ихъ городовъ; а обозрѣніе сотенъ вовсе нѣтъ, хотя о существованіи этой 2-й части изслѣдованія и было заявлено въ Отчетѣ Общества за 1854 годъ, (стр. 54).

XVIII, Отд. IV, стр. 47—56. „Карты рѣки Дона, изданныя въ Амстердамѣ“. Подъ этимъ заглавіемъ въ отдѣлѣ библіографіи, помѣщено, составленное извѣстнымъ нашимъ библіографомъ д. чл. *М. И. Полуденскимъ*, подробное описаніе изданнаго въ началѣ XVIII столѣтія атласа теченія рѣки Дона, составленнаго вице-адмираломъ Крейсомъ или Крюйсомъ. Къ сообщенію Полуденскаго присоединилъ свои замѣтки и другой нашъ библіографъ *І. Н. Геннади*, (XVIII, отд. IV, стр. 55 и 56, XXII, отд. V, стр. 78).

XXII, Отд. V, стр. 11 — 25. „Начало и распространеніе христіанства въ предѣлахъ Вологодской епархіи“ и „Учрежденіе Вологодской епархіи“—двѣ статьи д. чл. *И. И. Саввати-*

това, довольно богатая разными историко-географическими указаніями по Вологодскому краю. Здѣсь кстати будетъ напомнить, что еще въ 1856 г. кол. ассес. *Левъ Суходольскій*, изъ Оренбурга, доставилъ въ Общество свое изслѣдованіе „Исторія водворенія христіанской вѣры въ предѣлахъ Оренбургскаго края.“ Трудъ этотъ раздѣленъ на три части: 1) первые слѣды христіанства въ Оренбургскомъ краѣ: этотъ періодъ, по мнѣнію автора, обнимаетъ время отъ X до XVI вѣка: 2) распространеніе христіанства въ краѣ отъ XVI до XVIII в.: 3) значеніе христіанства въ XVIII—XIX вѣкѣ. Сочиненіе это, составленное большею частію по источникамъ, замѣчательно не только въ отношеніи къ исторіи церкви, но и въ отношеніи къ исторіи гражданскаго образованія въ юго-восточной Россіи и особенно любопытно по географическому обозначенію путей распространенія христіанства. Отдѣленіе поручило В. В. Вельяминову-Зернову разсмотрѣть эту статью въ подробности. Къ сожалѣнію, она не вошла ни въ одно изъ изданій Общества, и уже въ 1859 г. самъ авторъ напечаталъ ее въ „Оренбургскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ. (Вѣстникъ, XX, прилож. 12 и 13).

XXIII. Отд. II, стр. 127—150. „Городъ Тюмень“ Тобольской губерніи, чл. сотр. *Н. А. Абрамова*. Въ началѣ статьи разсказана исторія Тюмени до подчиненія Сибири Русской Державѣ, при чемъ введено нѣсколько историко-географическихъ подробностей вообще о Тюменскомъ округѣ.

XXIV, Отд. II, стр. 227—240. „Нѣсколько словъ краткаго историческаго обозрѣнія Русско-Литовскаго Новогрудка, со времени основанія этого города русскимъ княземъ Ярополкомъ Владиміровичемъ, сыномъ Владиміра Мономаха въ 1116 году до конца XIV столѣтія.“ Подъ этимъ заглавіемъ помѣщена историческая записка объ уѣздномъ городѣ Минской губерніи Новогрудкѣ, составленная учителемъ тамошняго дворянскаго училища *М. Дмитріевымъ*, преимущественно на основаніи польскихъ источниковъ. Впослѣдствіи г. Дмитріевъ доставилъ въ Общество „Собраніе дальнѣйшихъ историческихъ свѣ-

дѣній о Новогрудкѣ", доведенное до 1784 года, которое и было помѣщено въ XXVI томѣ Вѣстника (Отд. II, стр. 66—72).

XXV, Отд. II, стр. 27—62. „Елецкій уѣздъ, въ историческомъ, этнографическомъ и статистическомъ отношеніяхъ"—чл.—сотр. *М. А. Стаховича*. Статья эта въ сжатомъ, но живомъ очеркѣ изображаетъ картину такъ называвшейся въ старину „Рязанской Украйны," опредѣляетъ важное охранительное сторожевое значеніе ея въ отношеніи набѣговъ „съ поля", и указываетъ на то, какъ, подъ условіемъ сторожевой службы, заселялся этотъ край въ XV и XVI столѣтіяхъ и какъ выработались въ бытѣ и характерѣ этого населенія нѣкоторыя особенности, неизгладившіяся и доселѣ. Множество археологическихъ замѣтокъ о разныхъ мѣстностяхъ уѣзда дѣлаютъ эту статью хорошимъ руководителемъ для историко-географическихъ соображеній.

XXVI, Отд. V, стр. 43—65. „Черный лѣсъ и его окрестности"—статья іеромонаха *Арсенія Иващенкова*. Эта статья содержитъ въ себѣ описаніе главной лѣсной площади Херсонской губерніи. Черный лѣсъ находится въ сѣверной части Александрійскаго уѣзда, и былъ нѣкогда знаменитымъ притономъ гайдамаковъ и всякихъ бѣглецовъ изъ Польши и Малороссіи. Заселеніе Херсонской губерніи вообще началось очень поздно: первыми поселенцами въ этой мѣстности, съ 1730 г. были раскольники, бѣжавшіе изъ Великороссіи; а потомъ съ 1751 г. чиновники Далматскаго и Македонскаго гусарскихъ полковъ стали водворять на ней „своихъ крестьянъ, завербованныхъ не только изъ ближайшихъ деревень, но даже изъ Кіева." Авторъ статьи разсказываетъ обстоятельства заселенія каждой деревни въ этой мѣстности, основываясь преимущественно на письменныхъ документахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ старинныя гайдамацкія становища и сообщаетъ существующія о нихъ преданія. При новости заселенія Новороссіи, эта статья можетъ считаться вполнѣ историко-географическимъ

изслѣдованіемъ. Не лишнимъ считаемъ присовокупить, что эта статья, почти безъ всякихъ перемѣнъ, перепечатана была въ „Новороссійскомъ Календарѣ“ за 1859 годъ, Отд. IV, стр. 426—452.

XXIX, Отд. II, стр. 87—120. „Апаньинскій Могильникъ“— статьи *И. Алабина*. Подъ именемъ „могильника“ извѣстенъ былъ довольно большой курганъ, находящійся у деревни Апаньиной, близъ города Елабуги, Вятской губерніи. Лѣтомъ 1859 г. курганъ этотъ, по распоряженію Вятской удѣльной конторы, былъ разрытъ и отчетъ объ этой раскопкѣ, произведенной подъ руководствомъ г. Алабина, составляетъ содержаніе настоящей статьи. Предметы, найденные въ Могильникѣ, оказались во многомъ тождественными съ предметами, открытыми въ курганахъ юго-западной Россіи, а также въ губерніяхъ Орловской, Владимірской, Тверской. Г. Алабинъ считаетъ, что Могильникъ относится къ несравненно древней эпохѣ, чѣмъ развалины какихъ-то зданій, существующія близъ Елабуги и извѣстныя подъ именемъ „Чортова Городища.“ Въ концѣ своего отчета г. Алабинъ сообщаетъ замѣтки о другихъ мѣстностяхъ Вятской губерніи, гдѣ находятся курганы, городища и остатки различныхъ древнихъ сооруженій, остающихся доселѣ не только не изслѣдованными, но даже и не описанными *).

Съ 1861 года, Совѣтъ Общества, замѣнилъ „Вѣстникъ“ періодическимъ изданіемъ „Записокъ“; по характеру своему это изданіе почти не отличалось отъ прежняго „Вѣстника“. Въ немъ также помѣщались статьи членовъ Общества и другихъ изслѣдователей по разнымъ предметамъ занятій Общества, и многія изъ нихъ, если не всецѣло, то значительною

*) Въ 1865 г. чл.—сотр. *И. И. Лерхе*, по порученію Археологической коммиссіи, произвелъ вторичное изслѣдованіе Апаньинскаго Могильника и открылъ еще нѣсколько древнихъ могилъ. Онъ предпринимаетъ подробное описаніе Могильника. См. Извѣстія И. Р. Г. О., 1866, Отд. I, стр. 20.

частью касались исторической географіи. Приводимъ перечень этихъ статей:

1861 г., кн. 1, стр. 109—174. „Областной городъ Семипалатинскъ“.—дѣйствительнаго члена *Н. А. Абрамова*. Статья эта содержитъ въ себѣ экономическое описаніе Семипалатинска; но въ началѣ ея помѣщенъ краткій историческій взглядъ на мѣста, занимаемыя Семипалатинскою областью, а также исторію самаго Семипалатинска, основаннаго въ 1718 году, вблизи развалинъ ламайскаго монастыря, извѣстныхъ подъ названіемъ „Семи Палатъ“.

1861 г., кн. 2, стр. 168—178. „Нѣчто къ исторіи Петербурга въ прошломъ столѣтіи“. Подъ этимъ заглавіемъ сообщается нѣсколько историко-топографическихъ свѣдѣній объ одномъ городскомъ дворовомъ мѣстѣ въ С.-Петербургѣ, и о бывшихъ его владѣльцахъ съ 1725 по 1762 годъ. Свѣдѣнія эти извлечены изъ архивнаго дѣла Вологодской Духовной Консисторіи.

1862 г., кн. 1, стр. 180—182. „Замѣтка къ статьѣ городъ Семипалатинскъ“. Сообщаются выписки изъ старинныхъ записокъ о причинѣ перенесенія Семипалатинской крѣпости на новое мѣсто въ 1776 г., о чемъ въ статьѣ г. Абрамова не было упомянуто.

1863 г., кн. 1, стр. 1—20. „О древнѣйшихъ обитателяхъ Европы“—статья почетнаго члена *К. М. Бера*. Это краткій, но живой очеркъ результатовъ, какіе извлекаетъ наука изъ находокъ каменнаго, костянаго, бронзоваго и желѣзнаго періодовъ относительно исторіи переселенія цивилизаціонныхъ народовъ. Сходство вещей, отрытыхъ въ Ананьинскомъ могильникѣ, съ вещами находимыми во Франціи, Великобританіи, Даніи и другихъ частяхъ Европы, доказываетъ, что эти вещи не совсѣмъ справедливо считаются памятниками древнихъ Кельтовъ или Цельтовъ. Невозможно предполагать, что народъ этотъ когда-то простирался до Урала, а быть можетъ и за Уралъ; матеріалъ, изъ котораго сдѣланы эти вещи—совер-

менно иной въ западной Европѣ, чѣмъ въ восточной Россіи. Еще болѣе подтверждается это различіемъ череповъ, находимыхъ въ древнихъ могилахъ. К. М. Веръ обращаетъ вниманіе на необходимость собранія возможно большаго количества свѣдѣній о находкахъ памятниковъ этого рода въ различныхъ мѣстахъ Россіи, для составленія карты переселенія народовъ. Но еще необходимѣе собраніе древнихъ череповъ, такъ какъ единственно краніологическими изслѣдованіями возможно приблизительно вѣрно опредѣлить, къ какому племени принадлежатъ люди, свидѣтельства о существованіи которыхъ находятся въ ихъ гробахъ.

1863 г., кн. 2, стр. 92—113. „Объ отношеніи Русской Исторіи къ Географіи и Этнографіи“ — дѣйствительнаго члена *Н. П. Костомарова*. Въ 1863 году было предположено, въ теченіе великаго поста, прочитать нѣсколько публичныхъ лекцій по разнымъ предметамъ занятій Общества. Въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ Общества, изъявившихъ желаніе на это, былъ и Н. И. Костомаровъ. Особая комиссія, обсуждавшая порядокъ чтенія лекцій, вызывала своего сочлена, какъ знатока исторіи и быта Малороссіи, изложить историческій очеркъ разселенія Малороссіянъ изъ Поднѣпровья въ восточныя губерніи; но г. Костомаровъ отклонилъ это предложеніе и прочиталъ вышеназванную статью, въ которой развилъ ту мысль, что какъ задача историческаго знанія есть жизнь человѣческаго общества и слѣдовательно народа, то и въ Русской Исторіи необходимо тѣсное сближеніе съ этнографіею, взаимное дѣйствіе этихъ двухъ наукъ и нераздѣльное ихъ развитіе.

1863 г., кн. 3, стр. 1—109; кн. 4, стр. 1—109. „Горный городъ Дедюхинъ и окольныя окрестности“ — статья *Д. А. Пыпухова*. Это весьма обстоятельное описаніе города и его жителей въ статистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Начало же этого описанія, подъ заглавіемъ „Лѣтописи“ (стр. 1—25) посвящено основательному разбору свѣдѣній, какъ о времени основанія Дедюхина и открытія въ немъ

соловаренъ, такъ и вообще объ обстоятельствахъ заселенія тамошняго края.

1863 г., кн. 4, стр. 110—138. „Устькаменогорскъ въ 1861 году“ — дѣйствительнаго члена *Н. А. Абрамова*. Статья эта, какъ показываетъ ея заглавіе, содержитъ въ себѣ статистическія свѣдѣнія объ этомъ городѣ Семипалатинской области; но впереди всего предпосланы историческія данныя о мѣстности, занимаемой Устькаменогорскомъ и о обстоятельствахъ его основанія.

1864 г., кн. 1, стр. 9—50; кн. 2, стр. 122—220. „Торопецъ“—статья дѣйств. члена *М. П. Семевскаго*. Это обширное и подробное описаніе одного изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ въ Псковской губерніи. Первая часть описанія посвящена исключительно историческимъ даннымъ о городѣ; вторая же изображенію внутренняго быта Торопчанъ.

1864 г., кн. 4, стр. 1—20. „Нѣкоторыя соображенія о первобытныхъ жителяхъ сѣверной Россіи, по найденнымъ остаткамъ ихъ быта“—статья дѣйствительнаго члена *Н. Ѳ. Бутенева*. Авторъ, проживая нѣсколько лѣтъ въ Олонецкой губерніи, собралъ до 240 каменныхъ орудій, изъ числа которыхъ больше 200 найдено въ Петрозаводскомъ уѣздѣ. Изслѣдователь приходитъ къ заключенію, что пришельцы Онежскіе не были Чудью или какимъ-либо изъ извѣстныхъ на сѣверѣ народовъ, иначе слѣдовало бы допустить, что Чудь, придя отъ Алтая къ Онежскому озеру, забыла разработку рудъ и употребленіе металлическихъ орудій. На этомъ основаніи Бутеневъ признаетъ, что каменныя орудія принадлежатъ аборигенамъ Сѣверной Россіи, поселившимся на тѣхъ мѣстахъ, вѣроятно, при первоначальномъ разселеніи людей на нашей планетѣ за много тысячелѣтій до Чуди и до нашей эры. Впрочемъ онъ не приписываетъ орудіемъ допотопной древности, потому что они находятся въ новыхъ пластахъ почвы.

Заканчивая на этомъ перечень наиболѣе обширныхъ статей, касавшихся вопросовъ исторической географіи, считаемъ необ-

ходимымъ оговориться, что и во множествѣ другихъ статей встрѣчаются полезныя историко-географическія указанія или соображенія. Нужно также присовокупить, что въ изданіяхъ Общества сообщалось много извѣстій о различныхъ изслѣдованіяхъ по предмету исторической географіи и этнографіи, произведенныхъ за границею. Въ особенности постоянно обращалось вниманіе на новѣйшія изысканія о находимыхъ орудіяхъ и другихъ остаткахъ допсторической эпохи. Въ этомъ отношеніи нельзя не указать на слѣдующія довольно обширныя статьи, помѣщенныя въ изданіяхъ Общества:

„Куски дерева и валуны, какъ первообразы орудій, употребляемыхъ человѣкомъ“ (Вѣстникъ, XXIII, отд. III, стр. 21—38)—статья, излагающая выводы извѣстнаго археолога-этнографа доктора *Г. Клемма* въ его сочиненіи „Die Hölzer und Geschiebe, als die Ahnen der menschlichen Urwerkzeuge. Dresden. 1854 [1]).

„О древнѣйшихъ населеніяхъ сваестроителей по разнымъ Швейцарскимъ озерамъ“ (Вѣстникъ, кн. XXVI, отд. III, стр. 76—82)—переводъ статьи знаменитаго *К. Риттера*, составленной по изслѣдованіямъ *Фр. Тройона* и др. [2]).

Но кромѣ всѣхъ доселѣ перечисленныхъ и напечатанныхъ статей, въ протоколахъ собраній Общества и Отдѣленія Этнографіи занесены извѣстія о прочитанныхъ статьяхъ историко-географическаго содержанія, о разныхъ заявленіяхъ по этому предмету и проч. Для полноты нашей лѣтописи, приводимъ свѣдѣнія и объ этихъ случаяхъ.

Въ 1857 году, когда съ Высочайшаго соизволенія, открыта была повсемѣстно подписка на сооруженіе монумента въ память тысячелѣтняго существованія Русскаго Государства, д. чл. *А. Г.*

---

[1]) Сравн. Вѣстникъ, 1864, кн. I, стр. 10.

[2]) Въ общемъ собраніи 5 ноября 1869 г. чл.—сотр. *Н. П. Хрущовъ* сдѣлалъ сообщеніе о свайныхъ постройкахъ въ Швейцаріи, при чемъ разсмотрѣлъ исторію открытія этихъ построекъ въ Швейцарскихъ озерахъ и главнѣйшіе результаты изслѣдованій надъ этими памятниками глубокой древности.—Извѣстія, 1869, отд. I, стр. 295.

Яновскій, въ засѣданіи отдѣленія Этнографіи 27 сентября [1]), представилъ записку, въ которой высказалъ мнѣніе, что, пользуясь настоящимъ случаемъ, было бы весьма своевременно предложить отъ Общества, за премію, рѣшеніе вопроса: „Кто дѣйствительно были Варяго-Руссы, основатели Русскаго Государства, и какъ объяснить тѣ обстоятельства, кои, по сказанію лѣтописца Нестора, были причиною этого событія?“ Отдѣленіе, находя предложеніе своего сочлена требующимъ многосторонняго разсмотрѣнія, постановило просить г. Яновскаго изложить проэктъ задачи съ большею точностію. Поэтому А. Г. Яновскій впослѣдствіи объяснилъ, что, при рѣшеніи предлагаемой имъ задачи, необходимо выполненіе слѣдующихъ условій: 1) разобрать критически, во всей подробности, мнѣніе о скандинавскомъ происхожденіи Руси; 2) указать на составъ и происхожденіе русскаго населенія сѣверной Россіи, гдѣ совершилось основаніе Русскаго Государства; 3) объяснить, кто были заморскіе Варяги и какая могла быть причина платимой имъ дани; 4) объяснить причины добровольнаго соединенія Чуди и Славянъ для составленія одного государства и 5) указать кто были варяго-русскіе князья и откуда они прибыли съ своею Русью [2]). Проектъ задачи подробно разсмотрѣнъ былъ д. чл. *М. А. Коркуновымъ*, который и представилъ отдѣленію, 20 декабря 1857 г., свой отзывъ, сущность котораго состояла въ слѣдующемъ: Такъ какъ А. Г. Яновскій считаетъ установившееся мнѣніе о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ вовсе несогласнымъ съ этнографіею русскаго народа и причину этого несогласія полагаетъ въ томъ, что заключенія ученыхъ, основанныя на однихъ книжныхъ извѣстіяхъ, не были сличены съ мѣстностями и народнымъ бытомъ, то это даетъ поводъ думать, что онъ находитъ необходимымъ произвести этнографическія изслѣдованія во всѣхъ

---

[1]) Вѣстникъ, XI, Прилож. стр. 48—50.
[2]) Вѣстникъ XXII, Прилож. стр. 83—84.

мѣстахъ, откуда могли быть призваны, по сказанію лѣтописей и гдѣ поселились и жили въ Россіи Варяго-руссы. Важность подобныхъ изслѣдованій для науки и снаряженіе экспедиціи въ указанныя мѣста можетъ быть дѣломъ весьма полезнымъ,— тѣмъ не менѣе предлагаемая задача оказывается очень обширною и невыполнимою въ теченіе одного года. Кромѣ того эта задача отстраняетъ отъ участія въ ея рѣшеніи послѣдователей скандинавскаго происхожденія Руси, такъ какъ это мнѣніе положительно отвергается Яповскимъ. Отдѣленіе вполнѣ согласилось съ отзывомъ М. А. Коркунова, что подобную задачу невозможно рѣшить въ теченіе одного года, тѣмъ болѣе, что самъ А. Г. Яповскій, по собственному его заявленію, занимался собираніемъ данныхъ по этому вопросу 20 лѣтъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ, желая, чтобы результаты многолѣтнихъ изысканій г. Яповскаго (произведенныхъ между прочимъ и въ Швеціи и въ Сѣверной Пруссіи) не оставались долѣе въ неизвѣстности— положило: просить его сообщить ихъ Отдѣленію по крайней мѣрѣ въ общемъ очеркѣ, дабы въ послѣдствіи можно было разработывать ихъ подробно въ частностяхъ. На такой вызовъ Отдѣленія, однако, не послѣдовало желаемаго отвѣта со стороны А. Г. Яповскаго.

Въ 1864 г. д. чл. *А. П. Дымпнскій*, проживающій въ Подольской губерніи, обратился въ Общество съ просьбою о высылкѣ ему нѣкоторыхъ книгъ, необходимыхъ при составленіи описанія кургановъ, валовъ, городищъ и пещеръ Подольской губерніи, чѣмъ онъ давно уже занимается. Отдѣленіе Этнографіи (засѣданіе 21 марта 1864 г. [1]) находило возможнымъ удовлетворить такую просьбу своего сочлена. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обращаясь къ настоящему предмету занятій г. Дымпнскаго, и признавая всю важность, какую представляетъ для науки, занимающей Географическое Общество, описаніе урочищъ, находящихся въ разныхъ мѣстностяхъ, съ нанесеніемъ ихъ на

[1]) Записки 1864 г. Кн. 3, Отд. I, стр. 46—47.

карты и объясненіемъ на основаніи мѣстныхъ преданій и свѣдѣній, Отдѣленіе положило составить программу для такого описанія разныхъ урочищъ, которое могло бы служить руководствомъ и пособіемъ для лицъ, желающихъ, подобно г. Дыминскому, заняться этимъ предметомъ на самыхъ мѣстахъ. Составленіе такой программы обязательно принялъ на себя д. чл. Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ. Къ сожалѣнію предположеніе это, сколько извѣстно, не осуществилось.

Въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи 27 октября 1865 г., секретарь Отдѣленія *Е. Е. Замысловскій* прочиталъ критическій разборъ составленнаго Н. Барсовымъ „Географическаго Словаря Русской земли“ (Вильно, 1865, in. 8°) и заключающаго въ себѣ свѣдѣнія, относящіяся къ періоду съ IX до половины XIV столѣтія. Разборъ этотъ не былъ напечатанъ въ изданіяхъ Общества; а въ протоколѣ засѣданія [1]) изложено это чтеніе очень кратко въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Обративъ вниманіе на значеніе въ литературѣ добросовѣстно составленнаго г. Барсовымъ Словаря, который можетъ быть полезнымъ пособіемъ для каждаго занимающагося отечествовѣдѣніемъ, рецензентъ указалъ нѣкоторые пропуски и тѣ пособія, которыми не пользовался составитель Словаря, вслѣдствіе чего не приведены многія указанія, которыя бы можно было сдѣлать для опредѣленія мѣстностей въ лѣтописяхъ и актахъ. Въ заключеніе рецензентъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній относительно самаго плана изданія“. Нельзя не пожалѣть, что эта статья осталась неизданною; въ ней заключалось много историко-географическихъ разъясненій, важныхъ тѣмъ болѣе, что Е. Е. Замысловскій много занимается географіею древней Россіи и извѣстенъ какъ составитель и издатель „Историческо-географическаго атласа“.

Съ такимъ же сожалѣніемъ должно отмѣтить другое интересное чтеніе, по содержанію своему преимущественно истори-

[1]) Извѣстія, 1866 г. Отд. I, стр. 19.

ко-географическое и оставшееся не напечатаннымъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1867 года, когда находились въ Петербургѣ представители почти всѣхъ славянскихъ народовъ, посѣтившіе Московскую всероссійскую этнографическую выставку, въ нашемъ Обществѣ, для пріема прибывшихъ въ Россію славянскихъ ученыхъ и литераторовъ, устроено было чрезвычайное засѣданіе соединенныхъ отдѣленій этнографіи и статистики. Со стороны Отдѣленія Этнографіи въ этомъ засѣданіи прочитана была д. чл. *К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ* статья: „О колонизаціи Великорусскаго племени," въ которой авторъ сперва охарактеризовалъ главныхъ дѣятелей этой колонизаціи въ древнее время, бродниковъ и монастыри, за тѣмъ указалъ на значеніе колонизаціи въ эпоху Московскаго государства, выразившееся въ обрусеніи инородцевъ восточной Россіи, и заключилъ общимъ выводомъ о позднѣйшей регламентаціи и постоянномъ стремленіи русскаго человѣка на новыя сельбища. Такъ изложено содержаніе статьи К. Н. Бестужева-Рюмина въ отчетѣ Общества за 1867 годъ (стр. 56), но самая статья, какъ сказано, не попала въ изданія Общества и, что въ особенности странно, въ нихъ не вошелъ даже и подробный протоколъ этого замѣчательнаго засѣданія.

Въ общемъ собраніи Общества 13 декабря 1867 г., чл. сотр. *П. И. Лерхъ*, въ теченіе лѣта того года, по порученію Императорской Археологической Коммиссіи, изслѣдовавшій памятники старины въ Сыръ-Дарьинской области, сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о произведенныхъ имъ раскопкахъ на развалинахъ города Янги-кента или Джанкента. Сущность сообщеній г. Лерха заключалась въ слѣдующемъ [1]): городъ Янги-кентъ (т. е. Новый Городъ или Новгородъ) упоминается въ исторіи въ первый разъ въ началѣ XIII вѣка, при завоеваніи Чингисъ-ханомъ царства Хорезмшаховъ. Въ половинѣ XVIII вѣка онъ уже находился въ развалинахъ, но въ какое время былъ разрушенъ—нѣтъ ника-

[1]) Извѣстія 1867 г., Отд. I, стр. 199.

кихъ свидѣтельствъ. Найденныя въ развалинахъ монеты и надгробныя надписи удостовѣряютъ однако, что онъ существовалъ еще въ XV столѣтіи и состоялъ въ сношеніяхъ съ Золотою Ордою. П. И. Лерхъ полагаетъ, что Янги-кентъ не былъ разрушенъ насильственно, но просто оставленъ жителями мало-помалу выселившимися въ другія мѣстности. Брошенныя зданія ни кѣмъ не поддерживаемыя обрушились и образовали холмы, впослѣдствіи засыпанные пескомъ и глиною, наносимыми степными вѣтрами. Кромѣ развалинъ Янги-кента, П. И. Лерхъ посѣтилъ и осмотрѣлъ и другія древнія урочища въ Туркестанскомъ краѣ. Къ сожалѣнію, уже по отъѣздѣ его оттуда, не вдалекѣ отъ города Ходжента, на правомъ берегу Сыръ-Дарьи открыты были еще развалины зданій изъ жженаго кирпича, съ различными надписями, какъ объ этомъ сообщено было Географическому Обществу отъ г. начальника Задарьинскаго округа [1]). Извлеченіе изъ подробнаго отчета, представленнаго П. И. Лерхомъ Императорской Археологической Коммиссіи издано отдѣльною брошюрою подъ заглавіемъ: „Археологическая поѣздка въ Туркестанскій край въ 1867 году“ (С.-Петербургъ, 1870, in 4° стр. X и 39).

Въ началѣ 1870 г. губернаторъ Семирѣчинской области генералъ-маіоръ Г. А. Колпаковскій доставилъ въ Общество записку объ озерѣ Иссыкъ-кулѣ и о находимыхъ на днѣ его, въ недалекомъ разстояніи отъ берега, остаткахъ древнихъ построекъ, черепкахъ посуды и человѣческихъ костяхъ, при чемъ препроводилъ и нѣкоторые изъ подобныхъ находокъ [2]). Помѣщая записку генерала Колпаковскаго въ „Извѣстіяхъ“ Общества баронъ *Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ* присовокупилъ обширное примѣчаніе [3]), въ которомъ тщательно собралъ все, что хотя мелькомъ упоминало о существованіи развалинъ на Иссыкъ-кулѣ въ разныхъ сочиненіяхъ и въ особенности въ изданіяхъ Обще-

[1]) Извѣстія 1867 г. Отд. II, стр. 200.
[2]) Извѣстія 1870 г. Отд I. стр. 42.
[3]) Извѣстія 1870 г. Отд. II, стр. 101—105.

ства, такъ какъ почти вся литература объ Иссыкъ-кулѣ принадлежитъ трудамъ членовъ нашего Общества. Такимъ образомъ это примѣчаніе сдѣлалось обстоятельнымъ историко-географическимъ изслѣдованіемъ объ этихъ развалинахъ. Оказывается, что между кочующими при озерѣ Киргизами (бурутами) постоянно существовало преданіе о поглощенномъ водами озера какомъ-то древнемъ городѣ и находкахъ разныхъ предметовъ домашней утвари; но ни одному изъ русскихъ путешественниковъ не удавалось лично удостовѣриться въ истинѣ разсказовъ и потому нѣкоторые считали ихъ фантастическими. Генералъ Колпаковскій сообщаетъ, что и Киргизы узнали развалины недавно и стали извлекать кирпичи для постройки своихъ могилъ. Дѣйств. чл. П. П. Семеновъ принимаетъ, что развалины эти должны принадлежать городу Чи-гу, который былъ основанъ Усунями, бѣжавшими отъ Гунновъ изъ западныхъ областей Китая (Географическій Словарь, II, стр. 368).

II.

Разработка свѣдѣній, извлекаемыхъ изъ путешествій.

Труды Отдѣленія Этнографіи по разработкѣ путешествій заслуживаютъ особаго вниманія уже по одному тому обстоятельству, что они привели къ убѣжденію въ необходимости составленія хронологическаго свода всѣхъ данныхъ, встрѣчающихся въ печатной и письменной литературѣ о народахъ обитавшихъ древле и нынѣ обитающихъ на пространствѣ Русской Земли. Такое предпріятіе должно было возникнуть совершенно естественно, какъ скоро Отдѣленіе приняло историческій методъ въ разработкѣ предмета своей спеціальности.

Къ сожалѣнію, должно сознаться, что предположенія по составленію желаемаго свода не осуществились вполнѣ, да и вообще не ознаменовались видными результатами. Причины этой неудачи заключались съ одной стороны въ томъ, что рано сошли со сцены жизни главные поборники этого предпріятія; съ другой же въ томъ, что и самый планъ предпріятія задуманъ былъ очень широко, требовалъ большихъ и продолжительныхъ трудовъ, сопряженныхъ съ значительными издержками, а Совѣтъ Общества, въ виду дѣйствій различныхъ экспедицій, не находилъ возможнымъ назначить какую-либо сумму спеціально для этихъ цѣлей.

Какъ-бы то ни было, въ общемъ обзорѣ дѣятельности Отдѣленія за истекшее двадцатипятилѣтіе нельзя умолчать и объ этихъ попыткахъ, тѣмъ болѣе что онѣ не остались же совершенно безплодными, да и конечно могутъ послужить исходною точкою при возобновленіи предпріятія въ будущемъ и отчасти урокомъ для исполнителей.

Разработка путешествій совершенно правильно распадается на двѣ части: 1) обзоръ знакомства Русскаго человѣка съ чужими странами и народами (преимущественно Азіятскими); 2) обзоръ сказаній иностранцевъ о Русской Землѣ.

А. ОБЗОРЪ ПУТЕШЕСТВІЙ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ ВЪ ЧУЖІЯ ЗЕМЛИ.

Въ первые годы дѣятельности Общества вопросъ о систематической разработкѣ путешествій не поднимался. Тѣмъ не менѣе можно сказать, что онъ какъ бы самъ собою напрашивался на разработку. Общество избравшее своею цѣлію собирать, обрабатывать и распространять въ Россіи географическія, этнографическія свѣдѣнія, какъ вообще, такъ и о самой Россіи въ особенности, конечно, должно было обратить наибольшее вниманіе на „познаніе земель сопредѣльныхъ Россіи“. На важность и необходимость изслѣдованія этихъ земель указано было прямо въ рѣчи, произнесенной Помощникомъ Предсѣдателя при открытіи нашего Общества. Онъ говорилъ: „Турція, Персія, Хива и другія Туркестанскія области, Китай, Японія, владѣнія Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ и Гудсонской Компаніи — вотъ наши близкіе сосѣди (не говоря уже объ Европейскихъ), состоящіе съ Россіею въ безпрестанныхъ торговыхъ, общественныхъ и политическихъ сношеніяхъ, — сношеніяхъ, которыя, по естественному ходу вещей, съ каждымъ днемъ должны становиться и чаще, и многообразнѣе. Согласитесь, м.м. г.г., что поле, которое намъ предстоитъ возлѣлы-

вать, довольно обширно и жатву обѣщаетъ богатую; будемъ надѣяться, что въ дѣятеляхъ не будетъ недостатка“ [1]).

Надежда эта оправдалась вполнѣ: въ дѣятеляхъ по изслѣдованію азіятскихъ земель, сопредѣльныхъ съ Россіею не было и нѣтъ недостатка. Результаты, которыми обогатило наше Общество науку землевѣдѣнія Азіи, мы можемъ съ полною справедливостію считать заслугою предъ наукою и тѣмъ болѣе передъ Отечествомъ. Изложеніе всѣхъ этихъ результатовъ относится къ другой части Обзора дѣятельности Общества; а здѣсь мы имѣемъ цѣлію представить очеркъ того, какъ Общество разработывало исторію знакомства Россіи съ Азіею.

Слѣдуя хронологическому порядку, мы должны прежде всего поименовать статью дѣйств. члена *П. С. Савельева* „Средняя Азія“, извлеченія изъ которой были прочитаны въ собраніи Общества 28 октября 1847 года [2]). Статья эта заключаетъ въ себѣ сжатый очеркъ географическихъ открытій и путешествій, совершенныхъ въ средней части Азіи съ древнѣйшихъ временъ до половины настоящаго столѣтія. Вторая половина статьи посвящена исключительно изложенію знакомства и связей Россіи съ Азіею, къ чему призвана была наша страна географическими и историческими обстоятельствами. Не смотря на ограниченность размѣровъ статьи и сжатость ея изложенія, П. С. Савельевъ съумѣлъ въ ней выставить рельефно всѣ замѣчательнѣйшія особенности отношеній Россіи къ Азіи и ея народамъ и, указывая труды и заслуги Русскихъ въ пріобрѣтеніи и распространеніи основательныхъ познаній объ Азіи, съумѣлъ сдѣлать критическую оцѣнку этихъ трудовъ или высказать мѣткую догадку объ источникахъ какого-либо географическаго памятника. Такова, напримѣръ, его замѣтка о томъ, что „Книга Большаго Чертежа“ составлена по матеріаламъ, собиравшимся за долго до XVI

---

[1]) Записки Р. Г. О., I, стр. 30.

[2]) Напечатана въ «Карманной книжкѣ для любителей землевѣдѣнія»— стр. 237—278.

столѣтія и что заключающіяся въ ней географическія свѣдѣнія о сѣверозападной Азіи даютъ ей чрезвычайно важное значеніе въ исторіи географіи. Коротко сказать, статья П. С. Савельева и теперь остается самымъ полнымъ обозрѣніемъ географическихъ открытій въ Средней Азіи.

Другая важная статья по исторіи знакомства Русскихъ съ Азіею принадлежитъ почетн. члену *К. М. Беру*. Это довольно обширный трактатъ подъ заглавіемъ „Заслуги Петра Великаго по части географическихъ познаній“ [1]), прочитанный въ публичномъ собраніи Общества 14 января 1848 года. Какъ все выходившее изъ подъ пера знаменитаго ученаго отличается ясностью и опредѣленностью мысли съ живымъ изложеніемъ, такъ и въ этомъ трактатѣ К. М. Веръ вполнѣ достигъ своей цѣли доказать, что „Петръ Великій указалъ путь, которымъ должно слѣдовать и наше Географическое Общество и что значительнѣйшая изъ всѣхъ географическихъ экспедицій (экспедиція Беринга) была не что иное, какъ разрѣшеніе задачи, указанной Великимъ Государемъ и продолженіе имъ самимъ устроенной экспедиціи“. Казалось бы, что такая мысль, высказанная на первыхъ строкахъ сочиненія Бера, стѣсняла предѣлы его изслѣдованій, ограничивая ихъ только вопросомъ объ успѣхѣ плаванія Беринга; но на самомъ дѣлѣ Веръ изложилъ въ ней все, что сдѣлано было Петромъ Великимъ по части распространенія географическихъ познаній о Россіи и пограничныхъ съ нею земляхъ Азіи. К. М. Веръ, отвергая мнѣніе нѣкоторыхъ историковъ, будто Петръ во всѣхъ ученыхъ предпріятіяхъ, какъ и въ преобразованіи гражданскаго и военнаго устройства Имперіи, былъ руководимъ иностранцами, говоритъ, что исторія географическихъ экспедицій при Петрѣ положительно доказываетъ, что „руководившая его въ этомъ мысль была его собственная; что если средства выполненія и бывали несовершенны, то цѣль всегда была велика;

[1]) Записки Р. Г. О-ва, ч. III, стр. 216—263; ч. IV, стр. 260—283.

предпріятія бывали иногда чрезвычайно отважны, но всегда вызваны обстоятельствами даннаго момента"... „Все что сдѣлалъ Петръ для распространенія географическихъ свѣдѣній, проистекало частію изъ пламеннаго желанія оживить торговлю и привести своихъ подданныхъ въ близкія сношенія съ другими народами, частью изъ очевидной для всякаго правителя потребности узнать средства своей страны"—говоритъ далѣе авторъ. Таковы заключенія, выведенныя Беромъ изъ обозрѣнія предпріятій Петра по части географической. Онъ сообщаетъ свѣдѣнія о томъ, какъ, по распоряженію Петра, впервые ученымъ образомъ описаны были Закавказье и Прикаспійскій край, а за тѣмъ и Сибирь, излагаетъ довольно подробно отношенія Россіи къ Китаю, отправленіе въ Пекинъ посольства и купеческихъ каравановъ, попытку проникнуть въ Японію и всѣ плаванія по Охотскому морю и къ Камчаткѣ, предшествовавшія большимъ экспедиціямъ Беринга. Путешествіе самаго Беринга и его сотоварищей, хотя совершившіяся уже по кончинѣ Петра Великаго, изложены особенно тщательно, именно потому, что они были плодъ той мысли, которая была брошена Петромъ въ его небольшой, состоящей изъ трехъ параграфовъ, инструкціи", начертанной имъ 23 декабря 1724 г., т. е. за пять недѣль до своей смерти. Изложивъ въ связи всѣ экспедиціи къ восточнымъ границамъ Россіи, Беръ переходитъ къ разсказу о другихъ блистательныхъ открытіяхъ, совершенныхъ въ географіи Азіи исполнителями предпріятій Петра. Книга Большаго Чертежа неопровержимо свидѣтельствуетъ, что Русскіе уже съ XVI столѣтія хорошо знали положеніе Аральскаго моря и направленіе рѣкъ Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи; но въ западной Европѣ, даже въ началѣ XVIII вѣка не вѣдали о существованіи Аральскаго моря, а Каспійское всегда означалось на картахъ, какъ выражается Беръ, „по свѣдѣніямъ собраннымъ въ Африкѣ за полторы тысячи лѣтъ, а именно по Птолемею Александрійскому." Первыя точныя познанія объ этихъ моряхъ пріобрѣтены наукою вслѣдствіе заботъ Петра

Великаго войдти въ непосредственныя сношенія съ Туркестанскими землями и проникнуть въ Индію. Есть извѣстіе, будто опись береговъ Каспійскаго моря была произведена, по распоряженію Петра, капитаномъ Майеромъ еще до начала войны съ Шведами. Есть положительныя свѣдѣнія и о томъ, что еще въ 1694 году отправленъ былъ чрезъ Персію въ Индію, для установленія торговыхъ сношеній, московскій купчина Семенъ Маленькій. Подробности объ этихъ предпріятіяхъ остаются доселѣ неоткрытыми; а извѣстіе объ описи Майера, какъ не подтвержденное офиціальными документами, представляется до нѣкоторой степени даже сомнительнымъ. Но съ 1712—1713 года и до самой кончины Петра Великаго идутъ непрерывно обширныя предпріятія для разузнанія ближайшихъ и удобнѣйшихъ путей въ Индію и—въ случаѣ возможности— возстановленія древняго теченія Аму-Дарьи въ Каспійское море: это сухопутные походы князя Бековича-Черкаскаго въ Хиву и Бухару и морскія экспедиціи Кожина и Соймонова. Если послѣдній походъ Бековича въ 1717 году окончился бѣдственно и если описи произведенныя Кожинымъ и Соймоновымъ были не вездѣ полны, тѣмъ не менѣе свѣдѣнія, собранныя этими лицами сдѣлавшись извѣстными западной Европѣ, послужили къ уничтоженію баснословій о Каспійскомъ морѣ. Беръ въ статьѣ своей разсказываетъ о всѣхъ этихъ экспедиціяхъ довольно подробно. Мысль объ Индіи никогда не оставляла Великаго Петра: не задолго до своей кончины онъ намѣревался отправить въ Бенгалію цѣлую эскадру; въ 1724 г. начали строить для этого новые фрегаты, а 28 января 1725 года онъ скончался — и предпріятіе было оставлено. „По смерти Петра цѣлыхъ восемьдесятъ лѣтъ русскій флагъ не проходилъ черезъ экваторъ. Между тѣмъ Англія овладѣла Бенгаліею и большею частію Индіи...“ Такъ заканчивается статья маститаго К. М. Бера.

Въ 1849 году, въ „Географическихъ Извѣстіяхъ“ находимъ еще одну статью, касающуюся исторіи знакомства Рус-

скихъ съ Азіею. Въ то время вышло въ свѣтъ описаніе путешествія въ Индію, совершеннаго княземъ А. Д. Салтыковымъ. По поводу этой книги припоминается (стр. 113), что Индія была посѣщаема русскими еще въ XV столѣтіи, и за тѣмъ сообщаются біографическія свѣдѣнія о нѣкоемъ проходимцѣ Герасимѣ Степановичѣ Лебедевѣ, который съ 1775 по 1805 годъ скитался по свѣту и между прочимъ съ 1786 года по 1798 г. провелъ въ Индіи и устроилъ англійскій театръ въ Калькуттѣ. По возвращеніи въ Россію Лебедевъ былъ причисленъ къ Иностранной Коллегіи въ качествѣ переводчика, издалъ нѣсколько книгъ и умеръ въ чинѣ коллежскаго ассесора въ 1820 годахъ. (Замѣтимъ здѣсь кстати, что единовременно съ Лебедевымъ былъ и другой русскій въ Индіи унтеръ-офицеръ оренбургскаго корпуса Филиппъ Ефремовъ, въ 1774 году полоненный Киргизами и перепроданный въ Бухару, а оттуда черезъ Кашмиръ пробравшійся въ Дели, Бенаресъ и Калькуту. Изданныя имъ записки [1]) очень кратки, но заключали въ себѣ много новаго: онъ первый изъ Европейцевъ сообщилъ описаніе Самарканда, доставилъ свѣдѣніе о Китайскомъ Туркестанѣ, Сѣверномъ Тибетѣ и Кашмирѣ и маршрутъ отъ этого города до Калькутты).

Излагая ходъ вопроса о разработкѣ Писцовыхъ книгъ, мы сказали, что еще въ 1847 г. Отдѣленіе Этнографіи разослало во всѣ губерніи программу для описанія отдѣльныхъ мѣстностей: городовъ, селеній, волостей и т. п. Статьи, написанныя по этой программѣ начали поступать въ Общество въ большомъ количествѣ. Если не всѣ онѣ, отдѣльно взятыя, оказывались въ равной степени важными, то каждая въ себѣ заключала что-либо новое для познанія народнаго быта, обрядовъ, повѣрій, преданій. Это были мелкіе вклады въ сокровищницу науки;

---

[1]) Подъ заглавіемъ: *Ефремова*, Россійскаго унтеръ-офицера, нынѣ Коллежскаго Ассесора, девятилѣтнее странствованіе и приключенія въ Бухаріи, Хивѣ, Персіи и Индіи, и возвращеніе его оттуда чрезъ Англію въ Россію.—СПБ. 1786.—in 12°.

тѣмъ не менѣе въ массѣ составляли уже немаловажное пріобрѣтеніе. Для знатоковъ дѣла они являлись очень цѣнными. Д. чл. *К. Д. Кавелинъ*, разсмотрѣвшій всю массу этихъ статей, поступившихъ въ Общество до 1850 года, отозвался о достоинствѣ ихъ слѣдующимъ образомъ: „Кромѣ непосредственнаго знакомства съ настоящимъ бытомъ, эти матеріалы имѣютъ особенную важность въ историческомъ отношеніи. Въ большей части записаны повѣрья и преданія мѣстныя, сказанія о церквахъ, деревняхъ и жителяхъ, теперь изчезнувшихъ; объ историческихъ лицахъ, которыя жили въ описываемыхъ мѣстностяхъ. Въ этихъ историческихъ данныхъ, равно какъ и въ разныхъ подробностяхъ быта, слышится нерѣдко голосъ отдаленной старины, и живыми наглядными примѣрами поясняются намеки и мимоходныя указанія письменныхъ памятниковъ, безъ этого совершенно непонятныя“ [1]).

Н. И. Надеждинъ, предсѣдательствовавшій тогда въ Отдѣленіи Этнографіи и вмѣстѣ съ К. Д. Кавелинымъ разсматривавшій эти матеріалы, приготовляя нѣкоторые изъ нихъ къ изданію въ особомъ Сборникѣ, въ виду обилія заключающихся въ нихъ данныхъ для исторической этнографіи, чтобы положить прочное начало систематическимъ работамъ по этой въ высшей степени занимательной и дотолѣ весьма скудно еще разработанной отрасли отечественнаго самопознанія, предложилъ Отдѣленію (20 мая 1850 года) заняться составленіемъ полнаго свода всѣхъ этнографическихъ свѣдѣній о Россіи, находящихся въ нашихъ историческихъ памятникахъ [2]).

Надеждинъ, во все · теченіе его учено-литературной жизни, при разнообразіи дѣятельности, болѣе всего, можно сказать постояннѣе всего, останавливалъ свое вниманіе на изслѣдованіяхъ историко-географическихъ и историко-этнографическихъ. Еще задолго до основанія Географическаго

---

[1]) Географ. Извѣстія, 1850, стр. 326.

[2]) Географич. Извѣстія, 1850, стр. 165; Отчетъ за 1850 г., стр. 48.

Общества, именно въ 1837 году, въ издававшихся тогда журналахъ онъ помѣстилъ рядъ статей, въ которыхъ изложилъ своеобразный взглядъ на разработку географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній по отношенію ихъ къ исторіи; а многочисленными статьями въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ и въ Запискахъ Одесскаго Общества исторіи и древностей — онъ показалъ и способъ этой разработки, требовавшій, по убѣжденію его, совмѣщенія въ этнографѣ способностей историка и филолога съ пріемами археолога [1]). Какъ предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи, Н. И. Надеждинъ постоянно направлялъ дѣятельность Отдѣленія къ систематической разработкѣ поступающихъ въ Общество матеріаловъ. Когда умеръ Надеждинъ (11 января 1856 года), нашъ сочленъ, главнѣйшій сотрудникъ Надеждина въ разработкѣ памятниковъ языка, и преемникъ его по предсѣдательству въ Отдѣленіи, И. И. Срезневскій почтилъ память усопшаго горячо прочувствованною и живою характеристикою его ученой дѣятельности [2]). Къ этой статьѣ отсылаемъ всѣхъ, кто желаетъ сознательно оцѣнить труды Надеждина и опредѣлить его значеніе въ кругу дѣйствій нашего Общества.

Здѣсь мы имѣемъ въ виду только показать, что Надеждинъ не ограничивался простымъ изложеніемъ своей мысли и своихъ надеждъ. Сдѣлавъ какое-либо предложеніе, онъ первый

---

[1]) Въ „Библіотекѣ для чтенія“ за 1837 г. помѣщены Надеждинымъ: т. XX — „Объ историческихъ трудахъ въ Россіи“ и „Объ исторической истинѣ и достовѣрности“; т. XXII. — „Опытъ исторической географіи Россіи“; въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду 1837 года, №№ 13 и 14: „Съ чего должно начинать исторію?“ Изъ многочисленныхъ статей въ Энцикл. Лексиконѣ (т. VIII — XII) слѣдуетъ поставить на первомъ планѣ: „Великая Россія, Веневы, Венды и Винды, Весь, Вогулинчи“; а въ запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей статьи: „Геродотова Скиѳія, объясненная чрезъ сличеніе съ мѣстностями“. Въ нихъ Надеждинъ выразилъ себя какъ историкъ-географъ и историкъ-этнографъ своего отечества: ни одна изъ нихъ не прошла не замѣченною; ни одна не потеряла своего значенія и доселѣ.

[2]) Вѣстникъ, XVI, Отд. V, стр. 1—19.

приступалъ къ его осуществленію, собственнымъ трудомъ умѣлъ вызывать и другихъ къ дѣятельности, а постояннымъ участіемъ къ дѣлу поддерживалъ энергію сотрудниковъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ Н. И. Надеждинъ, предложивъ Отдѣленію составить извлеченіе этнографическихъ свѣдѣній изъ историческихъ памятниковъ, тогда же заявилъ, что онъ лично, въ видѣ вступленія къ такому труду, разработаетъ тѣ преданія и другіе остатки старины, которые сохранились отъ временъ миѳическаго періода развитія нашей народной жизни и дѣятельности. Отдѣленіе Этнографіи вполнѣ одобрило сдѣланное предложеніе, предоставивъ своему предсѣдательствующему войти въ ближайшее соображеніе о средствахъ къ исполненію предпріятія; а дѣйствительные члены И. И. Срезневскій, А. Н. Поповъ и В. А. Милютинъ немедленно изъявили готовность участвовать въ составленіи предположеннаго свода.

Надеждинъ, никогда не оставлявшій безъ просмотра ни одной статьи, поступавшей въ Отдѣленіе, съ этого времени занялся спеціально былинами, пѣснями, сказками, пословицами и другими памятниками народной словесности съ тою цѣлью, чтобы на основаніи ихъ возстановить старинныя географическія понятія и свѣдѣнія. Ближайшій его сотрудникъ и помощникъ по предсѣдательству въ Отдѣленіи, И. И. Срезневскій тѣ же самыя произведенія народнаго творчества и сборники провинціальныхъ словъ сталъ изучать преимущественно для изслѣдованія географіи русскаго языка. Въ непродолжительномъ времени оба они представили Обществу (23 января 1851 года) подробные отчеты о результатахъ своихъ изысканій; а за тѣмъ И. И. Срезневскій (въ собраніи 21 сентября 1851 года) прочиталъ вполнѣ обработанную главу изъ приготовлявшагося имъ „Опыта географіи Русскаго языка“. Въ этой главѣ разсказана исторія Угорской или Закарпатской Руси и исторія языка этой вѣтви Славянскаго рода [1]).

[1]) Вѣстникъ, ч. I, Отд. I. стр. 54, 120, 121; Отд. V, стр. 1—21; ч. IV, Отд. V, стр. 1—28. Отчетъ за 1851 г. стр. 23 62. — Здѣсь кстати упомянуть, что

Въ собраніи Общества 30 ноября 1852 года, Н. И. Надеждинъ прочиталъ также главу изъ своихъ изслѣдованій „О русскихъ народныхъ миѳахъ и сагахъ, въ примѣненіи ихъ къ географіи и въ особенности къ этнографіи Русской“. Статья эта осталась не напечатанною, по желанію самаго автора, имѣвшаго въ виду, при дальнѣйшемъ изученіи источниковъ, сдѣлать въ ней надлежащія исправленія и дополненія. Надеждинъ, по выраженію И. И. Срезневскаго, „всегда трудился съ любовію безъ тщеславія, позволяющаго работать и какъ-нибудь, лишь бы сбывалась работа съ рукъ и только казалась дѣльною“. Содержаніе статьи, съ небольшими извлеченіями изъ нея, занесено въ протоколъ упомянутаго собранія 30 ноября [1]). По важности значенія этого чтенія, считаемъ необходимымъ изложить сущность взглядовъ и выводовъ Надеждина.

Миѳъ, по его опредѣленію, есть выраженіе древнихъ народныхъ вѣрованій и представленій о природѣ и человѣкѣ. Сага — есть украшенное фантазіею сказаніе о какомъ-либо древнемъ событіи. На Руси сагъ больше нежели миѳовъ. Миѳы въ цѣльномъ видѣ до насъ не дошли; но обряды и повѣрья, сохраняющіеся и соблюдающіеся въ народѣ, указываютъ на его древнія миѳологическія представленія, впрочемъ значительно измѣнившіяся подъ вліяніемъ христіанства. Такъ называемые „народные стихи“ сохраняютъ въ себѣ много миѳологическихъ вѣрованій, не смотря на христіанскую форму изложенія. Изъ числа подобныхъ произведеній народнаго творчества „Стихъ о голубиной книгѣ“ наиболѣе важенъ по полнотѣ выраженнаго въ немъ народнаго міросозерцанія. Въ одномъ изъ доставленныхъ въ общество списковъ этого „Стиха“ говорится, что „Латырь-камень“ (въ другихъ, *болѣе искаженныхъ*, „Алатырь-

---

въ засѣданіи Отдѣленія 22 декабря 1867 г. была прочитана доставленная изъ Угріи статья: «Словаки и словянское околье въ Угорщинѣ» имѣющая близкое отношеніе къ статьѣ И. И. Срезневскаго. Извѣстія, 1867, Отд. I, стр. 209.

[1]) Вѣстникъ, VII, прилож., стр. 2. См. Отчетъ за 1853 г. стр. 82.

камень“) находится на Латырь-морѣ и тотъ камень ломаютъ корабельщики какъ „спадобье“. Въ этомъ сказаніи, по мнѣнію Надеждина, должно разумѣть янтарь-камень и слѣдовательно море Балтійское, которое и узнано было въ глубочайшей древности Финикійцами, какъ мѣсто рожденія цѣннаго продукта. „Такимъ образомъ, говоритъ Надеждинъ, изъ баснословнаго преданія старины, и при томъ такого, которое не утвердилось въ общемъ народномъ сознаніи, а завалилось гдѣ-то въ глуши провинціальнаго захолустья, *добывается любопытный историко-географическій фактъ*, связывающій Балтику съ самыми ранними воспоминаніями русскаго человѣка и связывающій тою же самою связью, которой море Балтійское нѣкогда привязалось въ первый разъ къ общему географическо-историческому сознанію всего человѣчества“ — т. е. и Русскіе, подобно Финикіянамъ, познали это море изъ за янтаря. — Что касается сагъ, то ихъ больше сохранилось въ русскомъ народѣ или въ видѣ пѣсень, или въ видѣ сказокъ. Одни изъ пѣсень и сказокъ, привязанныя къ князю Владиміру — Кіевскія. другія, связанныя съ царемъ Иваномъ, — Московскія; сказки и пѣсни Новгородскаго происхожденія не привязаны ни къ какой личности. Но „саги“, всегда обставлены мѣстными подробностями, а потому содержаніе ихъ наиболѣе богато матеріалами для географіи, въ особенности же, какъ выраженіе современнаго разсказа народнаго быта, важны онѣ для этнографіи“. На такое отношеніе нашихъ народныхъ преданій къ географіи и этнографіи, еще въ прошедшемъ столѣтіи, обратилъ вниманіе одинъ изъ иностранныхъ ученыхъ, именно Mathew Huthrie [1]). Окончатель-

[1]) Матвѣй Гутри или правильнѣе Метью Гётри (Mathew Huthrie и Gothrie), шотландецъ, служилъ врачемъ въ Россіи при сухопутномъ и инженерномъ кадетскихъ корпусахъ и умеръ въ Петербургѣ въ началѣ настоящаго столѣтія. Онъ написалъ замѣчательное по своему времени сочиненіе о древностяхъ Русскихъ, извѣстное болѣе во французскомъ переводѣ: Dissertations sur les antiquités de Russie. SPbourg, 1795, in 8°, съ нѣсколькими рисунками. Гётри вообще старался доказать, что всѣ обычаи Русскіе ведутъ свое начало отъ Грековъ.

ный выводъ изъ своихъ соображеній Надеждинъ дѣлаетъ такой: „Въ нашихъ народныхъ сказкахъ и басняхъ, не смотря на то, что это басни и сказки, или лучше, потому именно, что это басни и сказки, русскій старинный человѣкъ высказывалъ самъ себя во всей, какъ бы сказать, подлинности своей русской натуры, со всѣми особенностями и оттѣнками своихъ природныхъ качествъ. Слѣдовательно изучать эту литературу — все равно какъ выслушивать исповѣдь, какъ изучать самого человѣка".

Указанія, сдѣланныя Надеждинымъ, что Русскіе знакомы были съ Балтійскимъ моремъ въ глубокой древности, что многія пѣсни и сказки русскія переносятъ дѣйствіе на Дунай-рѣку и т. п., возбудили въ Отдѣленіи Этнографіи намѣреніе сопоставить преданія съ несомнѣнными историческими памятниками и прослѣдить, когда именно Русскіе проникли въ первый разъ въ ту или другую страну, вошли въ сношенія съ тѣмъ или другимъ народомъ. Подобныя изысканія уже отчасти заключались въ статьѣ И. Д. Бѣляева [1]), тогда печатавшейся въ Запискахъ Общества (т. VI); но тутъ возникла мысль произвести такія изслѣдованія болѣе спеціальнымъ образомъ, отдѣльно по странамъ и народамъ. *И. И. Срезневскій* первый взялся за дѣло и въ собраніи Общества 28 ноября 1853 г., сообщилъ обстоятельное обозрѣніе свѣдѣній о давнемъ знакомствѣ Русскихъ съ южною Азіею. Начавъ рядъ свидѣтельствъ современниковъ IX вѣкомъ, онъ обратилъ прежде всего вниманіе на забываемое многими историческими изслѣдователями извѣстіе арабскаго писателя Ибнъ-Хордадбега (880 г.) о торговлѣ Русскихъ на Востокѣ — извѣстіе, вполнѣ подтвержденное сказаніями послѣдующихъ вѣковъ. За тѣмъ остановился на сказаніяхъ Русскихъ о странахъ восточныхъ, въ памятникахъ XIII—XV столѣтій, особенно въ лѣтописяхъ и азбуковникахъ, въ которыхъ, по его выводу, смѣшаны свѣдѣнія, почерпнутыя

[1]) См. выше, стр. 165.

изъ иноземныхъ источниковъ, съ разсказами русскихъ путешественниковъ. Наконецъ представилъ разборъ путешествія въ Персію и Индію („Хожденіе за три моря"), тверитянина Аѳанасія Никитина и, съ помощію историческихъ сказаній и путешественниковъ XV и XVI в., опредѣлилъ время его странствованій и главныя мѣстности, имъ посѣщенныя. Никитинъ выѣхалъ изъ Твери лѣтомъ 1465 года и возвратился зимою 1472 года; два раза (въ 1467—1469 и 1472) былъ въ Персіи и почти три года (1469—1471) путешествовалъ по Индіи въ нынѣшнихъ областяхъ Аурэнгабадѣ, Бедерѣ, Гайдерабадѣ и Беджапурѣ. Записки Никитина, по заключающимся въ нихъ свѣдѣніямъ о природѣ страны, правахъ и обычаяхъ жителей и по фактамъ о современныхъ событіяхъ, ставятъ его на почетнѣйшее мѣсто въ ряду путешественниковъ XV вѣка до Васко-де-Гамы и Колумба. Изъ Европейцевъ того времени, кромѣ Никитина, былъ въ Индіи и описалъ свое путешествіе только венеціянецъ Николо-ди-Конти, а изъ магометанъ — самаркандецъ Абдъ-эръ-Разакъ. Никитинъ описалъ Деканъ, а ди-Конти и Абдъ-эръ-Разакъ—южную часть полуострова Карнатика. Абдъ-эръ-Разакъ многословенъ и при всемъ томъ, нерѣдко пустъ; ди-Конти вообще пустъ въ разсказѣ и не всегда правдивъ; нашъ Никитинъ простъ, довѣрчивъ въ передачѣ чужихъ разсказовъ, но достоинъ полнаго довѣрія, какъ свидѣтель и наблюдатель. Во всякомъ случаѣ его записки представляютъ собою одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ литературы и свидѣтельство о промышленной предпріимчивости Русскихъ въ XV вѣкѣ. [1]).

Это чтеніе И. И. Срезневскаго содержало въ себѣ собственно, такъ сказать, только перечень того, что входило въ планъ его изслѣдованій, предпринятыхъ и исполнившихся въ обширномъ видѣ. Свидѣтельствомъ этому служитъ напечатанная глава „О знакомствѣ русскихъ съ Южной Азіей въ IX вѣкѣ".

[1]) Вѣстникъ, X, прилож., стр. 2.

заключающая въ себѣ подробное изложеніе свѣдѣній, извлекаемыхъ изъ Ибнъ-Хордадъ-бега и сопоставленіе этихъ данныхъ съ сказаніями другихъ писателей и нашими лѣтописями, сопровождаемыя критическою оцѣнкою источниковъ и множествомъ филологическихъ, историческихъ и географическихъ соображеній, сближеній и выводовъ, разсѣянныхъ какъ въ самомъ текстѣ этой статьи, такъ и въ примѣчаніяхъ къ ней [1]). Вообще, приготовляя свой трудъ къ печати, И. И. Срезневскій, по малообработанности матеріаловъ, по необходимости искалъ многихъ объясненій въ одновременныхъ иностранныхъ памятникахъ того же рода. Эти изъясненія потребовали усилій болѣе, нежели предполагалось въ началѣ; за то они привели изслѣдователя къ результатамъ почти неожиданнымъ. Такъ изъ записки о земляхъ за Араратомъ и изъ преданій о Тамерланѣ, по выводамъ И. И. Срезневскаго, оказалось, что русскимъ въ XV вѣкѣ были знакомы пути на югъ, черезъ Каспійское море и земли Кавказскія, къ Іерусалиму и Багдаду, а равно и тотъ большой путь, который пролегалъ съ запада къ Тавризу и далѣе въ Самаркандъ. Разборъ иностранныхъ писателей, могущихъ служить пособіемъ для объясненія русскихъ записокъ, навелъ нашего изслѣдователя на замѣчательный и малоизвѣстный памятникъ испанской путешественной литературы XV вѣка: это дневникъ Клавихо о его путешествіи въ Самаркандъ, содержащій въ себѣ, между прочимъ, и любопытныя свѣдѣнія о русскихъ же въ Самаркандѣ въ 1404 г. Въ свое изслѣдованіе И. И. Срезневскій намѣревался ввести вполнѣ записки Никитина, сведенныя и сравненныя по всѣмъ доселѣ найденнымъ спискамъ. Богатый содержаніемъ трудъ Срезневскаго помѣщенъ въ Ученыхъ Запискахъ 2-го Отдѣленія И. Академіи Наукъ 1856 г. (Кн. II, вып. 2, стр. 225—237) [2]).

---

[1]) Вѣстникъ, X, Отд. II, стр. 49—68.

[2]) Отчетъ за 1855 г. стр. 56 и 57. — Въ собраніи общества 6 октября 1865 года д. чл. *К. А. Скачковъ* прочелъ свою статью „О заслугахъ венеціанца Марко Поло по распространенію географическихъ познаній объ

Въ ту самую пору, какъ И. И. Срезневскій производилъ свои изслѣдованія, дѣйств. чл. *А. Н. Поповъ*, въ IX томѣ Записокъ Общества, помѣстилъ свою обширную статью, также относящуюся до исторіи знакомства Русскихъ съ Азіею. Статья эта носитъ заглавіе: „Сношенія Россіи съ Хивою и Бухарою при Петрѣ Великомъ“ [1]) и содержитъ въ себѣ подробное изложеніе двухъ экспедицій: въ Малую Бухарію—подъ начальствомъ капитана Бухгольца и въ Хиву—подъ начальствомъ князя Бековича-Черкасскаго и послѣдовавшаго за тѣмъ посольства Флоріо Беневени, секретаря Оріентальной экспедиціи Посольскаго Приказа. Источниками для этой статьи служили преимущественно акты, хранящіеся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Большая часть этихъ документовъ, въ томъ числѣ и дневникъ Беневени, писанный на итальянскомъ языкѣ, до того времени были вовсе неизвѣстны, а потому А. Н. Поповъ и напечаталъ ихъ вполнѣ при своей монографіи. Обстоятельства походовъ Бухгольца и кн. Бековича-Черкасскаго довольно извѣстны и въ статьѣ г. Попова прибавляется лишь нѣсколько новыхъ подробностей о движеніи отряда Бековича, кончившемся его гибелью. Наиболѣе интереса представляетъ посольство Беневени. Въ то время, какъ Хивинскій ханъ, съ обычною азіятскою коварностію, завлекъ и погубилъ Бековича, новый ханъ Бухарскій искалъ связей съ Россіею и отправилъ къ Петру посланника, которому поручено было, между прочимъ, просить,

---

Азіи“ (напечатана въ „Извѣстяхъ“ 1865 г. Отд. II, стр. 207—226). По поводу этого чтенія чл. сотр. *А. І. Махвичъ-Мацкевичъ* высказалъ, что записки Тверитянина Никитина, по своему содержанію, не уступаютъ запискамъ прославленныхъ старинныхъ Европейскихъ путешественниковъ. Напомнивъ также, что въ 1865—66 гг. исполняется 400 лѣтъ со времени „хожденія“ Никитина Махвичъ-Мацкевичъ предлагалъ, чтобъ Общество почтило память этого путешественника изданіемъ его записокъ или учрежденіемъ особой преміи за лучшее сочиненіе на русскомъ языкѣ по описанію Индіи. (Извѣстія, 1865 г., Отд. I, стр. 251). Предложеніе это не имѣло никакихъ послѣдствій.

[1]) Записки, IX, стр. 237—424.

что бы и царь, съ своей стороны, прислалъ въ Бухарію „разумнаго человѣка“. Петръ Великій, постоянно стремившійся къ тому, чтобы стать твердою ногою въ Средней Азіи и ввести Россію въ непосредственныя сношенія съ Индіею, не могъ не воспользоваться настоящимъ благопріятнымъ случаемъ. Посломъ былъ назначенъ, какъ сказано, Флоріо Беневени, хорошо знавшій восточные языки и искусившійся въ переговорахъ съ азіятцами. На него возлагалось „присматривать прилежно и провѣдывать искусно, такъ чтобы того не признали Бухаряне“: какія пристани, города и укрѣпленія въ Бухарскихъ владѣніяхъ, какія рѣки впадаютъ въ Каспійское море, какіе товары имѣются въ Бухаріи и откуда Бухарцы ими торгуютъ, какъ усилить торговлю Русскихъ и куда изъ Бухары можетъ она простираться далѣе, а также есть ли дѣйствительно въ Бухаріи золотоносныя рѣки и нельзя ли для безопасной и удобной разработки золота устроить гдѣ-либо въ Бухаріи или въ Хивѣ крѣпость. Беневени отправился въ путь изъ Москвы въ іюлѣ 1718 г., а въ Астрахани съѣхался съ возвращавшимся изъ Россіи бухарскимъ посломъ, чтобы продолжать путь вмѣстѣ. Изъ Астрахани оба посла, чтобы избѣгнуть проѣзда черезъ Хивинскія владѣнія, направились черезъ Персію, при чемъ Беневени и выпросилъ себѣ отъ Правительства особыя грамоты къ шаху Персидскому. Путешествіе ихъ было очень медленно и сопровождалось безпрестанными задержками и даже опасностями. Въ Персіи Беневени пробылъ почти два года и прибылъ въ Бухару только въ ноябрѣ 1721 года. Здѣсь пробылъ онъ до апрѣля 1725 г., также задерживаемый Бухарцами подъ разными предлогами, такъ что онъ выѣхалъ оттуда даже тайкомъ и рѣшился ѣхать черезъ Хиву, куда звалъ его самъ Ханъ, желавшій всячески отстранить месть Русскаго Правительства за коварное истребленіе отряда Бековича. Въ Россію Беневени возвратился 17 сентября 1725 г., когда уже болѣе полгода Петра Великаго не было на свѣтѣ. „При варварахъ— доносилъ Беневени Екатеринѣ I—не малыя страсти я претер-

нѣлъ. Десница Божія, однакожъ, что удивленію подобно, меня отъ такихъ страстей выручила". Донесенія, реляціи и дневникъ Беневени весьма любопытны и заключаютъ въ себѣ очень много данныхъ для географіи, этнографіи и исторіи тѣхъ странъ, которыя онъ посѣтилъ, тѣмъ болѣе важныя, что въ настоящее время значительная часть тѣхъ мѣстностей входитъ въ составъ Россійской Имперіи.

Наконецъ нельзя не указать на составленное чл.-сотр. *К. Ѳ. Свенске* „Обозрѣніе главнѣйшихъ путешествій и географическихъ открытій въ десятилѣтіе съ 1838 по 1848 г. (Вѣстникъ, ч. I, отд. III, стр. 1—200; ч. II, стр. 1—66, 157—196, ч. III, стр. 77—257). Во второй части этого обширнаго и тщательно составленнаго перечня, обнимающей путешествія по Азіи (кн. I, стр. 81 — 200) исчислены въ хронологической послѣдовательности всѣ географическія (въ обширномъ смыслѣ этого слова) пріобрѣтенія, сдѣланныя русскими учеными (стр. 86—117) въ этой части свѣта. Дѣйствія экспедиціи Миддендорфа и Брандта, путешествія Кастрена, Чихачева, Щуровскаго, Карелина, Шренка, и добытые ими результаты изложены съ большою подробностію; о другихъ предпріятіяхъ упомянуто хотя и кратко, однако ни въ одномъ не забыты важнѣйшія особенности. Составитель этой географической лѣтописи не ограничился перечнемъ путешествій, совершенныхъ въ періодъ 1838—1848 годовъ, но ввелъ въ нее обозрѣніе и тѣхъ путешествій, которыхъ въ эту пору обнародованы только отчеты. Такимъ образомъ упомянуто и объ экспедиціи къ сѣвернымъ берегамъ Сибири и по Ледовитому морю, совершенной Ф. П. Врангелемъ въ 1820—1824 годахъ, описаніе которой вышло въ свѣтъ только въ 1841 г. Кромѣ того поименованы также всѣ топографическія съемки, астрономическія наблюденія, сдѣланныя Русскими въ Азіи и важнѣйшія изъ лингвистическихъ трудовъ.

Выше было замѣчено, что предположеніе разработать всѣ путешествія въ систематическомъ порядкѣ, не осуществились

вполнѣ, какъ по обширности самого предпріятія, такъ и потому что прекратилась дѣятельность лицъ, принявшихъ главное участіе въ этомъ дѣлѣ. Н. И. Надеждинъ, предсѣдатель въ Отдѣленіи, предложившій мысль о разработкѣ путешествій и составленіи свода этнографическихъ данныхъ о Россіи, въ половинѣ 1853 г. подвергся первому удару и хотя прожилъ послѣ того 2½ года, но уже не являлся въ Общество. Правда, и въ этотъ періодъ тяжкихъ страданій, въ свѣтлые промежутки, онъ, при свиданіи съ сочленами и сотрудниками, съ живымъ участіемъ разспрашивалъ о дѣятельности Общества и даже занимался переводомъ Риттерова „Erdkunde“, но это было участіе воина-инвалида, разспрашивающаго о ходѣ кампаніи вообще, о судьбѣ своего полка... А въ ту же пору и вообще въ рядахъ сотоварищей Надеждина произошло чрезвычайное разстройство. К. А. Неволинъ, одинъ изъ близкихъ людей къ Надеждину, вмѣстѣ съ нимъ поправлявшій Погодинскія изслѣдованія о городахъ русскихъ въ періодъ удѣловъ, вмѣстѣ съ нимъ обдумывавшій планъ задачи о книгѣ Большаго Чертежа и совѣтовавшійся о разработкѣ Новгородскимъ писцовыхъ книгъ,—Неволинъ, считавшій ученый трудъ наслажденіемъ въ жизни, довелъ себя до совершеннаго разслабленія, отправился за границу и умеръ тамъ въ Брикценѣ, близъ Вѣны (6 октября 1855 г.). Секретарь Общества В. А. Милютичъ кончилъ свою жизнь въ томъ же году, двумя мѣсяцами раньше Неволина (1 августа, въ Эмсѣ); а онъ былъ преданнѣйшимъ членомъ нашего Общества, можно сказать, ревниво слѣдившій за всѣми его предпріятіями и желавшій имъ успѣха, а главное — обладавшій драгоцѣннымъ талантомъ передавать свои убѣжденія другимъ и увлекать за собою способныхъ дѣятелей: онъ былъ въ числѣ первыхъ, изъявившихъ готовность выполнять планъ начертанный Надеждинымъ. Изъ другихъ членовъ Общества, близкихъ къ Надеждину и вообще сочувственно относившихся къ предпріятіямъ Отдѣленія слѣдуетъ упомянуть о В. В. Григорьевѣ и П. С. Савельевѣ. Пер-

вый изъ нихъ, именно въ эту самую пору (1852) оставилъ на долго Петербургъ; а Савельевъ ex-officio (впрочемъ съ полною преданностью спеціалиста) занимался археологическими раскопками кургановъ въ разныхъ губерніяхъ и отчетами по этимъ занятіямъ. Слѣдовательно оба эти ученые не могли, съ свойственною имъ горячностію, участвовать въ трудахъ Отдѣленія, да къ тому же Савельевъ и самъ въ непродолжительномъ времени окончательно подорвалъ свое здоровье и въ цвѣтѣ возраста и развитія ученой дѣятельности сошелъ въ могилу черезъ три года послѣ Надеждина.

Всѣ эти обстоятельства, конечно, не могли не отзываться на ходѣ предпріятія и, само собою разумѣется, отзывались не выгодно: замедленіе мало-по-малу обращалось въ совершенный застой; если и возобновлялся по временамъ вопросъ объ этомъ дѣлѣ, то всегда по какому-либо частному случаю и, такъ сказать, мимоходомъ, не сопровождаясь положительными результатами.

Какъ бы то ни было, мы признаемъ не безполезнымъ указать на всѣ статьи, появившіяся въ изданіяхъ Общества и содержащія въ себѣ данныя для исторіи постепеннаго расширенія свѣдѣній русскихъ объ Азіи.

Въ кн. III „Записокъ Общества“ (1849 г.), стр. 50—67, помѣщена статья знаменитаго астронома *В. Я. Струве* „О рукописи астронома Делиля, принесенной въ даръ Обществу членомъ онаго кн. И. А. Долгоруковымъ“. Эта рукопись, озаглавленная „Voyage de Königfels et Delile à Bérésof“, заключаетъ въ себѣ собраніе разныхъ документовъ, относящихся къ путешествію академика-астронома І. Н. Делиля, совершенному въ 1740 г. для наблюденія прохожденія планеты Меркурія черезъ солнце. Въ статьѣ своей В. Я. Струве изложилъ кратко содержаніе этихъ бумагъ и привелъ небольшія выдержки, изъ которыхъ видно, что путешественники умѣли замѣчать все любопытное, встрѣчавшееся имъ на продолжительномъ пути отъ Петербурга до отдаленнаго конца Сибири. Въ послѣдствіи ака-

демикъ П. П. Пекарскій, по матеріаламъ, хранящимся въ архивѣ Академіи Наукъ, сообщилъ весьма подробно объ этомъ путешествіи [1]). Эти извѣстія показываютъ, что въ бумагахъ Делиля вообще содержится не мало интересныхъ свѣдѣній по этнографіи посѣщенныхъ экспедиціею мѣстъ.

Здѣсь же кстати слѣдуетъ упомянуть, что въ архивѣ нашего Общества есть и еще коллекція бумагъ, принадлежавшихъ тому же Делилю. Онѣ переданы въ Общество по повелѣнію покойнаго Императора Николая Павловича и касаются географическаго атласа Грузіи, составленнаго грузинскимъ царевичемъ Вахуштою. Описаніе этихъ бумагъ составлено чл. сотр. академикомъ *М. И. Броссе* и помѣщено въ „Извѣстіяхъ Геогр. Общества“ 1865, отд. II, стр. 179—187.

Въ „Вѣстникѣ“ Общества по исторіи знакомства русскихъ съ Азіею можно указать на слѣдующія статьи:

I. стр. 1—56. „Поѣздка Носкѣлова и Бурнашева въ Ташкентъ, въ 1800 году“. Подъ этимъ заглавіемъ помѣщена подлинная записка одного изъ участниковъ этой экспедиціи, именно бергеншворена *Носкѣлова*, содержащая въ себѣ вовсе не описаніе совершеннаго путешествія, а систематическое описаніе Киргизской степи и Ташкентскихъ владѣній.

I, стр. 79—88. „Таймурскій полуостровъ“ — д. чл. *А. И. Соколова*. Авторъ, много и тщательно занимавшійся исторіею русскаго мореплаванія, сообщаетъ въ сжатомъ очеркѣ свѣдѣнія о Таймурскомъ полуостровѣ, собранныя такъ называвшеюся „Сѣверною Экспедиціею“ въ 1736—1742 годахъ и оставшіяся почти неизвѣстными въ архивахъ Морскаго Министерства [2]). Свѣдѣнія эти чрезвычайно любопытны уже по одному тому обстоятельству, что Таймурскій полуостровъ въ продолженіе цѣлаго столѣтія не былъ посѣщенъ ни однимъ

[1]) Приложеніе № 3 къ 6-му тому Записокъ Импер. Ак. Наукъ, 1865 г.

[2]) Подробныя свѣдѣнія о Таймурскомъ полуостровѣ, обработанныя по тѣмъ же матеріаламъ, А. И. Соколовъ помѣстилъ въ „Запискахъ Гидрографическаго Департамента“. Томъ IX, стр. 1—77.

образованнымъ человѣкомъ. Въ 1843 г. проникъ туда академикъ А. Ѳ. Миддендорфъ; но и онъ не достигалъ самой сѣверной оконечности полуострова.

V, стр. 11—20. „Очерки морскихъ описей Камчатки“ — статья того же д. чл. *А. П. Соколова*, составленная также на основаніи архивныхъ документовъ прошедшаго столѣтія.

VII, отд. I, стр. 15—42. „Свѣдѣнія русскихъ о рѣкѣ Амурѣ въ XVII столѣтіи“—статья д. чл. *Г. И. Спасскаго*. Подъ этимъ заглавіемъ помѣщено старинное „Сказаніе о великой рѣкѣ Амурѣ“ относящееся къ послѣдней четверти XVII вѣка, когда въ 1689 г. обладаніе Амурскимъ побережьемъ русскіе уступили Китайцамъ. Кромѣ того при этомъ напечатана „Отписка Стольнику и Нерчинскому воеводѣ Воейкову отъ посылаинаго въ 1681 году, для обозрѣнія Амура, сына боярскаго Игнатья Миловапова“. Онъ описалъ рѣку въ отношеніи удобствъ плаванія, населенности ея береговъ, промысловъ жителей и составилъ чертежъ рѣки, который, однако, не сохранился до нашихъ временъ.

XVIII, отд. V, стр. 19—25. „Историческая записка о Чукотскомъ народѣ, обитающемъ около береговъ Ледовитаго моря.“ Въ этой статьѣ сообщаются выписки изъ рапортовъ иркутскихъ генералъ-губернаторовъ Правительствующему Сенату съ 1792 по 1799 годъ, найденныя въ бумагахъ извѣстнаго сочинителя исторіи Сибири П. А. Словцова.

XXIV, отд. II, стр. 157 — 172. „Владиміръ Атласовъ, покоритель Камчатки“ — статья д. чл. *Г. И. Спасскаго*, въ которой, на основаніи одной рукописи, принадлежащей автору, сообщаются біографическія свѣдѣнія объ устюжанинѣ Владиміръ Васильевѣ Атласовѣ, который съ 1696 г. первый проникъ въ Камчатку и обложилъ ясакомъ туземцевъ.

Въ послѣднее время въ изданіяхъ Общества помѣщалось чрезвычайно много большихъ и мелкихъ статей, относящихся до Средней Азіи, Японіи, Китая и проч.; но эти статьи за-

ключаютъ въ себѣ отчеты и наблюденія нашихъ современныхъ путешественниковъ. Можно сказать каждая изъ нихъ представляетъ богатое пріобрѣтеніе для науки землевѣдѣнія вообще и каждая служитъ неоспоримымъ свидѣтельствомъ великихъ заслугъ, оказанныхъ русскими на этомъ поприщѣ. Указывать на нихъ здѣсь неумѣстно, потому что настоящее обозрѣніе имѣетъ цѣлію изобразить не современные труды по изслѣдованію азіятскихъ земель и народовъ, а перечислить тѣ только статьи, въ которыхъ сообщаются свѣдѣнія о русскихъ путешествіяхъ по Азіи въ прежнія времена, такъ сказать, до учрежденія нашего Общества.

Изъ такихъ статей, явившихся въ послѣднее время въ „Извѣстіяхъ Географическаго Общества“ слѣдуетъ упомянуть:

1) „Поѣздка полковаго квартермистера поручика Арефія Незнаева изъ крѣпости Усть-Каменогорской въ городъ Хобдо въ 1771 году“—д. чл. *Ш. А. Гельмерсена* [1]). Подъ этимъ заглавіемъ напечатанъ отысканный въ военно-ученомъ архивѣ довольно краткій маршрутъ поручика Незнаева, составленный имъ, какъ видно, при объѣздѣ „въ секретной командѣ“ пограничныхъ форпостовъ со стороны Западной Монголіи. Большая часть пространства пройденнаго Незнаевымъ нынѣ находится въ русскихъ владѣніяхъ; но нѣкоторыя топографическія подробности не лишены интереса и въ особенности заслуживаютъ вниманія потому, что Незнаевъ былъ первымъ изъ русскихъ, проникшихъ въ Китайскій городъ Хобдо, куда послѣ него, въ теченіи болѣе 90 лѣтъ никто не заглядывалъ. Въ 1864 г. штабсъ-капитанъ *А. Г. Принтцъ* (съ 1865 года дѣйств. членъ Общества) посѣтилъ Хобдо вмѣстѣ съ Бійскими купцами, производящими тамъ торговлю, и въ собраніи Общества 7 октября 1864 г. прочиталъ о своемъ путешествіи записку, возбудившую оживленныя пренія со стороны другихъ

[1]) Извѣстія, 1868 г. Отд. II, стр. 293—300.

членовъ, знакомыхъ съ нашею торговлею въ Китаѣ [1]). Путь Принтца отъ пограничнаго караула Суокъ до г. Хобдо совпадалъ совершенно съ путемъ Незнаева и потому г. Гельмерсенъ, сообщая маршрутъ этого квартермистра, снабдилъ его замѣчаніями сообразно съ новѣйшими свѣдѣніями о тѣхъ мѣстностяхъ.

2) Дѣйств. чл. *И. И. Петровъ*, въ засѣданіи Отдѣленія 21 февраля 1869 г., прочиталъ свою записку „О сношеніяхъ Россіи съ Хивою и Бухарой въ царствованіе Анны Іоанновны", составленную по вновь найденнымъ документамъ архива Министерства Финансовъ [2]). Цѣлью этихъ сношеній было упроченіе торговыхъ связей съ Среднею Азіею. Новые документы объ этомъ даютъ много любопытныхъ свѣдѣній о тогдашнемъ состояніи Хивы и Бухары и описываютъ пути въ эти ханства. Особенно богаты такими данными реляціи русскаго агента Дубровина и дневникъ полковника Гарбера, конвоировавшаго торговый караванъ въ 1732 году. Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи *В. В. Григорьевъ* разсмотрѣлъ дневникъ Гарбера подробно и нашелъ, что онъ, кромѣ любопытныхъ свѣдѣній о ходѣ самого каравана, о состояніи Калмыковъ и Киргизовъ, и т. п. заключаетъ въ себѣ множество указаній на слѣды древнѣйшей дороги отъ Поволжья Астраханскаго въ Трансоксіану и на остатки нѣкогда существовавшихъ въ этомъ краю городовъ. Столь важное значеніе дневника по отношенію къ Исторической Географіи побудило Отдѣленіе къ заявленію желанія видѣть дневникъ изданнымъ въ печати. Вслѣдствіе чего члены-сотрудники *В. И. Любичъ-Романовичъ* и *Г. В. Мельгуновъ* изъявили готовность заняться переводомъ нѣмецкой рукописи Гарбера и приготовленіемъ его къ изданію [3]).

---

[1]) „Записки", 1864, кн. 3, Отд. I, стр. 76—79. Записка г. Принтца съ приложеніемъ карты, напечатана въ „Извѣстіяхъ" 1865, Отд. II, стр. 1—16.

[2]) Извѣстія, 1869, Отд. I, стр. 178.

[3]) Извѣстія, 1870 г., Отд. I, стр. 46—48.

Б. ОБЗОРЪ СКАЗАНІЙ ИНОСТРАНЦЕВЪ О РУССКОЙ ЗЕМЛѢ.

Предпріятіе разработать памятники отечественной древности и старины по отношенію къ Этнографіи, естественно должно было привести Отдѣленіе къ мысли о томъ, что и сказанія иноземцевъ о Россіи и народахъ въ ней обитавшихъ — суть также почти нетронутые „богатые рудники драгоцѣнныхъ свѣдѣній этнографическихъ". Естественно было за тѣмъ придти къ заключенію и о томъ, что „эти рудники должно вскрыть, сдѣлать ихъ общедоступнымъ достояніемъ" и что, слѣдовательно, для того необходимо составить сводъ этнографическихъ данныхъ по свѣдѣніямъ изъ иностранныхъ писателей древнихъ, средневѣковыхъ и даже современныхъ.

На первыхъ порахъ — какъ и всегда бываетъ въ предпріятіяхъ подобнаго рода—и самая задача представлялась Отдѣленію не въ ясно очерченныхъ границахъ, а еще менѣе опредѣлялись подробности ея исполненія.

Такъ словомъ „сводъ"—хотя выражалось извѣстное понятіе о формѣ и содержаніи предстоящаго труда, однако лишь въ общихъ чертахъ. „Сводъ" этнографическихъ данныхъ могъ быть простымъ извлеченіемъ изъ каждаго путешествія всѣхъ свѣдѣній о Россіи: могъ быть и систематическимъ сопоставленіемъ показаній разныхъ путешественниковъ объ одномъ и томъ же предметѣ; могъ, наконецъ, обратиться и въ полное описаніе того или другаго народа. Кромѣ того, при составленіи подобныхъ извлеченій, можно ограничиться простою, возможно точною и буквальною передачею текста путешественника или пополнить и исправить его показанія критическими объясненіями.

Все это и тому подобныя соображенія и требованія выяснились только въ послѣдствіи.

Прежде всего Отдѣленіе, по предложенію Н. И. Надеждина, желало имѣть „сводъ" тѣхъ только этнографическихъ данныхъ, которыя заключаются въ статьяхъ, доставленныхъ въ Общество

изъ разныхъ губерній въ отвѣтъ на разосланную программу По какъ эта программа преимущественно имѣла цѣлію дать мѣстнымъ изслѣдователямъ масштабъ для описанія собственно русскаго человѣка и не могла вполнѣ прилагаться къ описаніямъ инородцевъ, обитающихъ въ Россіи, то и статьи объ инородцахъ, приходившія въ Отдѣленіе, оказывались неудовлетворительными. Вслѣдствіе этого признано было необходимымъ изготовить и разослать особую программу для наблюденія и описанія собственно—инородныхъ племенъ. Трудъ этотъ принялъ на себя дѣйств. членъ *П. С. Савельевъ*, именемъ котораго русская Этнографія и Археологія могутъ гордиться съ полною справедливостію. Онъ же вызвался, для образца исполненія этой программы, составить описаніе Мордвы, о которой тогда же имѣлось въ Обществѣ довольно свѣдѣній изъ Нижегородской и Симбирскихъ губерній. Программа, составленная П. С. Савельевымъ, была прочтена въ Отдѣленіи 10 февраля 1851 г., при чемъ многими изъ присутствующихъ, каждымъ по своей спеціальности, сдѣланы были разныя указанія къ пополненію этого труда [1]).

Между тѣмъ, пока окончательно редактировалась эта программа, въ Общество поступили новыя свѣдѣнія о Мордовскомъ населеніи. Дѣйств. чл. *П. И. Мельниковъ*, основательно изслѣдовавшій Нижегородскую губернію въ разныхъ отношеніяхъ, доставилъ Отдѣленію подробную карту поселеній Мордвы въ этой губерніи и собралъ много преданій и т. п. Тогда, заняться составленіемъ подробной монографіи о Мордвѣ, Отдѣленіе просило П. И. Мельникова и онъ не отказался выполнить это [2]). Всѣ матеріалы о Мордвѣ, имѣвшіеся въ распоряже-

---

[1]) Географическія Извѣстія, 1850, стр. 165. Отчетъ за 1850 г. стр. 47; за 1851 г. стр. 64. — Вѣстникъ, кн. I, Отд. I, стр 116.; кн. III, Отд. I стр. 23.

[2]) Вѣстникъ, V, прилож. стр. 23, 24; VII, прилож. стр. 21; X, прилож. стр. 20 — 21. XIII, прилож. стр. 10. Отчетъ за 1852 г. стр. 66; за 1851 г. стр. 58.

ніи Общества, переданы были ему, равно какъ и сдѣланные Н. И. Надеждинымъ выписки объ этомъ племени изъ лѣтописей и другихъ отечественныхъ памятниковъ. Должно однако замѣтить, что составленіе этой монографіи чрезвычайно замедлилось и П. И. Мельниковъ, хотя и написалъ очень любопытные „Очерки Мордвы", однако напечаталъ ихъ не въ изданіяхъ Общества, а въ московскомъ журналѣ „Русскій Вѣстникъ" (1867 г. т. LXIX, № 5, стр. 488—521, т. LXXI, №№ 9 и 10, стр. 217—258, 397—430).

Прямое обращеніе къ составленію свода этнографическихъ свѣдѣній изъ путешествій иностранцевъ по Россіи вызвано было слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Въ собраніи Общества 15 марта 1850 г. прочтенъ былъ отъ Отдѣленія Этнографіи составленный *П. С. Савельевымъ* „Очеркъ путешествія въ Прибалтійскія страны, Великій Новгородъ и Псковъ, совершеннаго фламандскимъ рыцаремъ Гильбертомъ де Ланноа въ 1412—1414 годахъ" (напечатано въ „Географ. Извѣстіяхъ 1850 г. стр. 17—35).

Messire Guillebert de Lannoy, chevalier de la Toison d'or, seigneur de Santes, Willerval, Tronchiennes, Beaumont et Wahenies былъ типъ кочеваго рыцаря: онъ сражался и въ Англіи, и въ Испаніи, въ Пруссіи, Турціи, Франціи и пр. Въ 1412 г. явился онъ также съ предложеніемъ своихъ услугъ гроссмейстеру Тевтонскаго ордена фонъ-Плауену и ходилъ съ нимъ въ Польшу и Померанію; а послѣ того пробрался въ Ригу къ гроссмейстеру Меченосцевъ Конраду Фитингофу, въ надеждѣ повоевать противъ „Новгородскихъ рыцарей" (Ланноа воображалъ, что весь міръ подчиненъ рыцарямъ разныхъ орденовъ); но надежда эта не сбылась, потому что „Божьи-Дворяне" тогда состояли въ мирѣ съ Новгородцами и Псковичами. Тѣмъ не менѣе гроссмейстеръ доставилъ ему случай посѣтить Новгородъ и Псковъ, вѣроятно съ какими-нибудь своими посланцами или торговцами. Пребываніе Ланноа въ Россіи было непродолжительно; многаго видѣть онъ не могъ

да и то, что̀ видѣлъ, не всегда понималъ въ точности, при всемъ томъ въ запискахъ его встрѣчаются замѣтки, не лишенныя интереса для археолого-бытописателя. Изъ Пскова Лаппоа отправился въ сѣверо-западную Русь, принадлежавшую тогда Литвѣ и посѣтилъ Вильну, Троки, Ковно. Въ 1421 г. онъ во второй разъ явился въ Пруссію и оттуда, на пути въ Грецію, проѣзжалъ чрезъ Польшу, Волынь, Подолію и Бессарабію.

П. С. Савельевъ, излагая содержаніе записокъ странствующаго рыцаря, высказалъ между прочимъ, ту мысль, что хотя извѣстія иностранцевъ о Россіи въ большинствѣ случаевъ недостаточны и не вѣрны, однако нельзя утверждать, что они не заслуживаютъ со стороны нашей никакого вниманія. „Для науки — говоритъ онъ — ни одно изъ нихъ, даже самое нелѣпое, не должно быть утрачено, когда рѣчь идетъ о полномъ собраніи того, что называютъ обыкновенно „источниками“ (хотя бы въ нихъ и нечего было черпать). Вслѣдствіе того, для пользы этнографіи, столько же, какъ и для исторіи, иностранные путешественники по Россіи должны быть всѣ приведены въ извѣстность и изданы цѣликомъ; но изданы критически, съ объясненіемъ изъ нашихъ лѣтописей, граматъ, столбцовъ и живаго быта народнаго, всего того, что непонято или перетолковано наблюдателями. Тогда наименьшее, чего можно ожидать, будетъ состоять въ ясномъ и точномъ опредѣленіи, съ какой точки зрѣнія, въ извѣстную эпоху, въ извѣстной мѣстности, смотрѣлъ на нашъ бытъ тотъ или другой иноземецъ; и слѣдствіемъ этого будетъ обозначеніе цѣны, какую должны имѣть для науки ихъ частныя, иногда весьма примѣчательныя показанія“.

П. С. Савельевъ, изложивъ такой взглядъ на способъ изданія сказаній иноземцевъ о Россіи, заявилъ, что онъ, въ видѣ опыта, приготовитъ для помѣщенія въ Запискахъ Общества подлинный текстъ путешествія де Лаппоа съ переводомъ и при-

мѣчаніями [1]). Къ сожалѣнію, обѣщаніе это, по разнымъ обстоятельствамъ, Савельевъ не выполнилъ.

Въ концѣ 1853 года чл.-сотр. учитель Митавской гимназіи *Эрнстъ Траутфеттеръ* представилъ въ Общество свою очень обширную статью на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Ost-Suevien. Alte Erdbeschreibung der östlichen Slavenländer„ (Восточные Свевы. Древняя географія восточно-славянскихъ земель). Сочиненіе это, заключало въ себѣ извлеченія изъ древне-греческихъ, римскихъ, византійскихъ и нѣмецкихъ историковъ, а также изъ лѣтописи Нестора (по нѣмецкому своду Шлецера) о славянскихъ народахъ. Поэтому въ Отдѣленіи Этнографіи, куда препровождена была статья Траутфеттера, самъ предсѣдательствующій Н. И. Надеждинъ и члены П. С. Савельевъ и Э. И. Эйхвальдъ признавали ее полезною и находили возможнымъ помѣстить въ Запискахъ Общества [2]). Нужно было только перевести статью на русскій языкъ и Отдѣленіе просило Совѣтъ разрѣшить на переводъ ея какую-либо сумму. Дѣло это позатянулось, именно, по причинѣ тяжкой болѣзни Надеждина и разъѣздовъ Савельева, наиболѣе желавшаго свода извѣстій иностранцевъ, и разрѣшеніе Совѣта о назначеніи суммы на переводъ статьи Траутфеттера послѣдовало уже въ 1856 г., послѣ смерти Надеждина [3]). Теперь, рѣшаясь окончательно приступить къ изданію перевода, П. С. Савельевъ и Э. И. Эйхвальдъ, по порученію Отдѣленія, вновь разсмотрѣли рукопись Траутфеттера съ большею обстоятельностію и представили оцѣнку ея ученаго достоинства. Сущность ихъ отзыва заключалась въ слѣдующемъ: „ Тэма сочиненія — описаніе земель восточныхъ славянъ по древнимъ писателямъ—дѣйствительно, принадлежитъ къ числу дезидератъ русской ученой литерату-

[1]) Геогр. извѣстія, 1850, стр. 7. Отчетъ за 1850 г. стр. 48. Вѣстникъ, кн. III, Отд. I, стр. 24.

[2]) Вѣстникъ, XII, прилож. стр. 3, 13; Отчетъ за 1854 г. стр. 54.

[3]) Вѣстникъ, XVII, прилож. стр. 14; XVIII, прилож. стр. 57—59.

ры, и нельзя не одобрить мысль автора собрать въ одной книгѣ всѣ извѣстія древнихъ писателей о народахъ, издревле обитавшихъ въ Россіи. Несмотря на то, что предметъ этотъ былъ уже многократно обработываемъ учеными Западной Европы и вообще въ Германіи, можно сказать, что онъ еще недостаточно разъясненъ во многихъ частяхъ, и что окончательнаго поясненія его слѣдуетъ, по справедливости, ожидать отъ русскихъ ученыхъ, которые имѣютъ въ этомъ отношеніи то преимущество предъ иностранными, что имъ доступнѣе и ближе матеріалы для этнографическаго, лингвистическаго и топографическаго изученія своего отечества. Но г. Траутфеттеръ не воспользовался всѣми этими преимуществами въ изученіи отечественной топографіи и въ знаніи языка, быта и преданій двухъ главныхъ племенъ въ Россіи: славянскаго и финскаго. Онъ только привелъ въ хронологическій порядокъ извѣстія писателей древности и среднихъ вѣковъ, начиная Геродотомъ и кончая Несторомъ, не присоединивъ къ нѣмецкому переводу ихъ текстовъ никакихъ новыхъ поясненій, пользуясь старинною редакціею ихъ. Въ критическую оцѣнку комментаторовъ древнихъ географовъ г. Траутфеттеръ также не входилъ и пользовался ими безотчетно. При томъ ему хорошо извѣстны только старые комментаторы, до Тунманна и Бюшинга включительно; всѣ же новѣйшія изслѣдованія по этому предмету для него какъ бы не существуютъ. Тамъ, гдѣ г. Траутфеттеръ желалъ высказать что-нибудь новое, онъ высказываетъ постоянно странное и неосновательное: напримѣръ, названіе „Скиѳовъ“ производитъ отъ раскольничьихъ *скитовъ* или отъ греческаго σκυθο — mürrisch, böse seyn; „Язиговъ“ — отъ *яицкихъ* казаковъ, „Будиновъ“ — отъ турецкаго слова *буджакъ* (уголъ); имена первыхъ русскихъ князей и приводимыя Константиномъ Порфирогенетомъ русскія названія днѣпровскихъ пороговъ объясняетъ изъ литовскаго и латышскаго языковъ, и проч. Такимъ образомъ, трудъ г. Траутфеттера, полезный и похвальный по основной своей мысли, далеко неудовлетвори-

теленъ по своему исполненію и только можетъ заслуживать одобреніе за возможно-полный сводъ древнихъ извѣстій о странахъ, нынѣ составляющихъ Европейскую Россію. Вслѣдствіе этого П. С. Савельевъ и Э. И. Эйхвальдъ полагали, что рукопись г. Траутфеттера переводить вполнѣ не слѣдовало, что если и издать ее на русскомъ языкѣ, то исключить всѣ толкованія г. Траутфеттера и ограничиться лишь переводомъ текстовъ древнихъ авторовъ. Но какъ переводъ на русскій языкъ греческихъ и латинскихъ текстовъ съ нѣмецкаго перевода ихъ не можетъ быть допущенъ въ изданіи спеціальномъ, то и должно будетъ признать, что переводить рукопись г. Траутфеттера не слѣдуетъ вовсе".

По выслушаніи такого отзыва, д. чл. *Г. С. Дестунисъ* заявилъ, что если Отдѣленіе остановится на томъ, чтобы извѣстія древнихъ писателей о географіи и этнографіи странъ, вошедшихъ въ составъ Россійской Имперіи, были переведены съ подлинниковъ, то онъ охотно приметъ на себя переводъ греческихъ и византійскихъ писателей, только бы Отдѣленіе нашло возможнымъ вознаградить его за это соразмѣрно той цѣнѣ, какая разрѣшена Совѣтомъ Общества за переводъ рукописи г. Траутфеттера.

Мнѣніе членовъ Савельева и Эйхвольда было принято и предполагаемый переводъ рукописи г. Траутфеттера рѣшено было оставить: а автора увѣдомить, что по принятому Отдѣленіемъ плану изданія классическихъ свѣдѣній о древней этнографіи Россійской Имперіи, статья его не можетъ быть помѣщена въ трудахъ Общества. Вмѣстѣ съ этимъ Отдѣленіе постановило (4 мая 1856 г.) озаботиться составленіемъ полнаго свода свѣдѣній древнихъ и средневѣковыхъ писателей о народахъ, обитавшихъ въ земляхъ, составляющихъ нынѣ Россійскую Имперію, такъ какъ признавало такой сводъ существенною основою историческаго изученія этнографіи отечества и исполненіе его прямою своею обязанностію. Отдѣленіе, конечно, видѣло, что этотъ трудъ неможетъ быть выполненъ скоро во

всемъ его объемѣ; но полагало, что такое обстоятельство не должно служить уважительнымъ поводомъ къ отложенію его исполненія на неопредѣленное время, тѣмъ болѣе, когда одинъ изъ сочленовъ уже изъявилъ свою готовность заняться переводомъ извѣстій изъ греческихъ и византійскихъ авторовъ. Имѣя же въ виду, что критическія изслѣдованія текстовъ, сличеніе и объясненіе одного автора другимъ, пріуроченье описываемыхъ ими мѣстностей къ нынѣшнимъ и т. п. могутъ появляться независимо и отдѣльно отъ текстовъ; что подробности плана изданія подобнаго труда будутъ обсуждены въ послѣдствіи, и что впереди всего должно быть поставлено изданіе перевода самыхъ текстовъ,—Отдѣленіе, принимая съ живѣйшею признательностію вызовъ *В. С. Дестуниса*, просило его приступить тогда же къ переводу древнихъ греческихъ и византійскихъ текстовъ, относящихся къ этнографіи древней Россіи.

Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ намѣреніе Отдѣленія Этнографіи предпринять изданіе подобныхъ переводовъ, то явилось нѣсколько предложеній по этому предмету. Профессора с.-петербургскаго университета *М. И. Касторскій* и *И. Е. Андреевскій* немедленно изъявили свое желаніе быть сотрудниками въ этомъ предпріятіи: первый принималъ на себя извлеченіе свѣдѣній изъ Страбона, а второй — преимущественно извлеченіе свѣдѣній изъ сѣверныхъ источниковъ. Въ то же самое время дѣйств. чл. *И. И. Шопенъ* вызвался доставить Отдѣленію сдѣланныя имъ извлеченія изъ армянскихъ писателей о Кавказѣ; а *И. А. Сабуровъ*, секретарь въ канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ, спеціально изучавшій древнюю географію Черноморскихъ береговъ и издавшій историко-археологическое сочиненіе „Греки въ Черномъ морѣ“, предложилъ свое участіе въ этихъ трудахъ сообщеніемъ собранныхъ имъ матеріаловъ изъ греческихъ и римскихъ источниковъ. Отдѣленіе, конечно, изъявило живѣйшую благодарность означеннымъ лицамъ за выраженное имъ сочувствіе къ его предпрія-

тію [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая во вниманіе, что необходимо опредѣлить положительно, какими правилами руководиться при извлеченіи свѣдѣній изъ иностранныхъ авторовъ и по какому плану предпринять впослѣдствіи ихъ изданіе,—просило дѣйств. членовъ П. С. Савельева, Э. И. Эйхвальда и Г. С. Дестуниса, какъ возбудившихъ этотъ вопросъ, представить Отдѣленію свои соображенія объ этомъ предметѣ, которыя обсудить окончательно нужно будетъ въ общемъ засѣданіи Отдѣленія или въ особо-составленной коммиссіи.

Въ началѣ 1857 года *Г. С. Дестунисъ* представилъ Отдѣленію свою записку „О переводѣ изъ греческихъ писателей отрывковъ, имѣющихъ отношеніе къ этнографіи и исторической географіи Россіи“, причемъ прочиталъ и переводъ первыхъ главъ изъ четвертой книги (Мельпомена) Геродотовой исторіи. Въ этой запискѣ онъ изложилъ тѣ соображенія, которыя представились ему, когда онъ приступилъ къ переводу отрывковъ изъ Геродота. По мнѣнію г. Дестуниса, переводить изъ древнихъ авторовъ должно все относящееся къ мѣстностямъ и народамъ, находящимся въ нынѣшней Россіи, и только то должно исключаться изъ перевода, что въ сущности не имѣетъ ничего общаго съ предметомъ и въ разсказъ автора попало случайно (какъ напримѣръ у Геродота, посреди описанія Скиѳіи, введена біографія Аристея Проконнесскаго). Впрочемъ, эти пропущенныя мѣста все-таки нужно замѣнять краткимъ изложеніемъ ихъ содержанія, для того, что бы читателю была ясна причина пропуска и связь между предъидущимъ и послѣдующимъ. Расположеніе извлеченій должно быть хронологическое, т. е. по эпохамъ или столѣтіямъ, когда жили писатели. Систематическое распредѣленіе отрывковъ по народамъ или мѣстностямъ должно входить въ комментаріи; въ противномъ случаѣ это выйдетъ уже не сводъ, а изслѣдованіе. Обращаясь къ частностямъ, г. Дестунисъ говоритъ, что переводя древнихъ писателей, нужно

[1]) 12 ноября 1856 г. Вѣстникъ XX, прилож. стр. 2 и 3.

пользоваться текстомъ наиболѣе исправленнымъ; но необходимо приводить и важнѣйшія разнородныя чтенія, особенно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о народномъ бытѣ и объ именахъ собственныхъ: весьма можетъ быть, что какой-нибудь варіантъ, забракованный хотя бы и первокласснымъ филологомъ, не-русскимъ, можетъ пойдти въ дѣло между учеными русскими, короче знакомыми и съ бытомъ, и съ мѣстностью. Что касается порядка изданія, то г. Деступисъ полагалъ, что текстъ и переводъ могутъ печататься по мѣрѣ ихъ изготовленія; но комментаріи должны издаваться если не послѣ напечатанія всѣхъ отрывковъ всѣхъ писателей, то, по крайней мѣрѣ, послѣ изданія писателей извѣстнаго цикла. Такой порядокъ, по мнѣнію г. Деступиса, условливается тѣмъ обстоятельствомъ, что комментарій долженъ собственно разъяснять не темныя мѣста автора, а не рѣшенные вопросы по этнографіи и географіи нашего отечества *). Отдѣленіе, по выслушаніи этого мнѣнія, постановило: имѣть его въ виду при общемъ соображеніи о переводахъ извлеченій изъ древнихъ и средневѣковыхъ писателей а сочлена своего Г. С. Деступиса просило продолжать начатый имъ переводъ Геродотовыхъ извѣстій.

Въ тоже самое время, сочувствуя предположенному Отдѣленіемъ переводу иноземныхъ писателей, дѣйст. чл. *М. И. Кастерскій* вызвался приготовить два отдѣленія перевода путешествія лекаря де-ла Мартиньера въ Россію въ 1653 г. съ присовокупленіемъ біографическихъ свѣдѣній объ авторѣ (по Аделунгу, Критико-литературное Обозрѣніе путешествій. № 1. — де-ла Мартиньеръ посѣтилъ Русскую Лапонію въ 1647 г.); а д. ч. *И. И. Шопенъ* предоставлялъ въ распоряженіе Отдѣленія извлеченія изъ арабскаго географа Эдризи (съ французскаго перевода), заключающее въ себѣ свѣдѣнія о русскомъ Закавказьѣ. Потомъ еще предложены переводы двухъ важныхъ со-

---

1) 29 января 1857. Вѣстникъ, XX, Прилож. стр. 7 — 11. Отчетъ за 1857 годъ стр. 87.

чиненій, а именно: Тацитовой „Германіи“ трудовъ *г. Бахваловскаго* и Іорнандова „О началѣ Готовъ“ трудовъ *г. Бошинскаго* [1]). Нельзя, наконецъ, не упомянуть, что лишь только поднятъ былъ вопросъ объ изданіи переводовъ, нѣкто подпоручикъ *Смирновъ* доставилъ въ Общество изъ Костромской губерніи свою статью „Библіографическія замѣтки о путешественникахъ для исторической географіи и географической исторіи съ XVI до XIX вѣка“ [2]). Статья эта не заключала въ себѣ ничего важнаго; но она служила выраженіемъ сочувствія къ успѣху предпринимавшагося дѣла.

Въ связи съ этимъ дѣломъ слѣдуетъ сказать о трудѣ члена-основателя Общества *П. И. Кеппена* „Хронологическій указатель матеріаловъ для исторіи инородцевъ Европейской Россіи.“ При изготовленіи этнографической карты Россіи, П. И. Кеппенъ убѣдился, что въ подтвержденіе своихъ изысканій, не излишне было бы издать, какъ вѣдомости объ инородцахъ, послужившія ему матеріаломъ для карты, такъ и составленный подъ его надзоромъ, на пяздивеніе Общества, указатель свѣдѣній объ инородцахъ, какія были напечатаны въ разныхъ актахъ и сочиненіяхъ. Главными источниками для этого указателя служили ему лѣтописи, акты, Полное Собраніе Законовъ, исторія Карамзина. Первоначально имѣлось въ виду указатель этотъ помѣстить въ особомъ „Сборникѣ свѣдѣній объ инородцахъ“ [3]); но послѣ Совѣтъ Общества (25 мая 1857 года) нашелъ болѣе удобнымъ обратиться, относительно изданія указателя въ Императорскую Академію Наукъ, которая изъявила на то полную готовность [4]). Указатель этотъ изданъ Академіею уже въ 1861 году (Спб., 8°, стр. VI и 510).

Такъ развивался вопросъ объ изданіи переводовъ изъ иностранныхъ писателей объ этнографіи Россіи. По видимому, пред-

[1]) Вѣстникъ, XX, прилож. стр. 62; XXIV, прилож. стр. 8.
[2]) Вѣстникъ, XVIII, прилож. стр. 62.
[3]) Отчетъ за 1856 г. стр. 53.
[4]) Вѣстникъ, XXI, прилож. стр. 37 и 38.

пріятіе это изъ фазиса сужденій и соображеній перешло или переходило уже въ фазисъ осуществленія; но въ дѣйствительности вышло не то. Съ 1859 года дѣло это не подвинулось нисколько, да и вопросъ объ этомъ болѣе не подымался.

Главными причинами такого поворота въ этомъ дѣлѣ были слѣдующія обстоятельства. Задуманное предпріятіе было чрезвычайно обширно; осуществленіе его требовало большихъ средствъ. Если въ средѣ Отдѣленія и были лица, готовыя принять участіе въ этомъ дѣлѣ съ полною, такъ сказать, сердечностью; если ихъ опытность и усердіе ручались за успѣшное выполненіе дѣла во всѣхъ его частяхъ, сообразно требованіямъ современной науки, — то, съ другой стороны, Отдѣленіе не располагало такими денежными средствами, которыя представлялись необходимыми для выполненія работы и изданія ихъ въ свѣтъ. Но и это препятствіе, конечно, въ большей или меньшей степени, съ теченіемъ времени, устранилось бы; если бы въ эту самую пору не произошло важныхъ перемѣнъ въ личномъ составѣ Отдѣленія этнографіи. И. И. Срезневскій, послѣ смерти Н. И. Надеждина, предсѣдательствовавшій въ Отдѣленіи, въ началѣ 1859 года сложилъ съ себя это званіе. Отдѣленіе единогласно выбрало ему преемникомъ П. С. Савельева; но онъ тогда уже изнемогалъ окончательно подъ сокрушительнымъ недугомъ, и 19 мая (почти ровно черезъ три мѣсяца по избраніи) палъ его жертвою. Новый предсѣдательствующій членъ въ Отдѣленіи К. М. Беръ, ученый знаменитый, глубокій этнографъ-физіологъ, безспорно, былъ превосходнымъ руководителемъ въ направленіи занятій Отдѣленія; но, къ сожалѣнію, предсѣдательствовалъ также очень не долго, и по многосложности другихъ своихъ обязанностей, не могъ даже съ постоянною аккуратностью посѣщать очередныя собранія Отдѣленія. Такимъ образомъ 1859 и 1860 годы въ дѣятельности Отдѣленія Этнографіи если вообще прошли не безслѣдно, то, во всякомъ случаѣ, по отношенію къ предположенію издать сводъ этнографическихъ свѣдѣній по иностраннымъ писателямъ, ока-

зались неблагопріятными. Между тѣмъ возникли новые или выдвинулись впередъ нѣкоторые прежніе вопросы (какъ напримѣръ: возстановленіе Большаго Чертежа, разработка Писцовыхъ Книгъ, устройство музея) и привлекли къ себѣ все вниманіе Отдѣленія.

Какъ бы то ни было, постараемся здѣсь собрать во-едино всѣ, что, въ послѣднее десятилѣтіе, въ дѣятельности Отдѣленія, болѣе или менѣе, имѣло связь съ вопросомъ о разработкѣ исторической этнографіи Россіи.

Въ началѣ 1859 года происходили сужденія объ измѣненіи программы „Этнографическаго Сборника.“ Вслѣдствіе этого д. чл. *Э. И. Эйхвальдъ*, въ засѣданіи Отдѣленія 12 мая 1859 г., представилъ о томъ особую записку, въ которой, между прочимъ, излагалъ такія мысли [1]): „Въ Россіи обитали въ древности и нынѣ еще обитаютъ тѣже народы, которые переселились въ разныя времена съ юга на сѣверъ, съ востока на западъ, и равнымъ образомъ измѣнили свой образъ жизни и свой языкъ. Главная цѣль Отдѣленія Этнографіи состоитъ, между прочимъ, и въ томъ, чтобы привести въ систематическій порядокъ свѣдѣнія объ этихъ, давно изчезнувшихъ народахъ и объяснить первоначальное жилище и сродство каждаго изъ этихъ народовъ съ племенами еще понынѣ обитающими въ европейской и азіятской Россіи. Всѣ же племена народовъ Россіи вообще раздѣляются на Чудо-Финскія, на Сармато-Славянскія, на Турко-Татарскія, на Монгольскія и населяющія Кавказскія горы и Восточную Сибирь. Весьма важно для древней географіи и исторіи обширнаго государства имѣть подробное описаніе каждаго изъ этихъ многочисленныхъ племенъ, съ самыхъ древнихъ временъ его явленія на поприщѣ дѣятельности его въ Россіи по древнимъ греческимъ, римскимъ, арабскимъ, славянскимъ и другимъ печатнымъ источникамъ; но при этомъ необходимо описать всѣ собранныя и до сихъ поръ извѣстныя

[1]) Вѣстникъ, XXVII, прилож. стр. 12 и 13.

древности объ этихъ народахъ и сообщить ихъ въ литографированныхъ рисункахъ, чтобы такимъ образомъ объяснить древній бытъ народовъ новымъ образомъ жизни потомковъ ихъ."

Исходя изъ такой мысли Э. И. Эйхвальдъ предлагалъ въ Этнографическомъ Сборникѣ, впереди всего, изложить планъ этнографическаго музея и напечатать каталогъ этнографическихъ предметовъ, имѣющихся въ обществѣ, раздѣляя ихъ на древніе памятники и вещи современнаго быта народовъ обитающихъ въ Россіи. За тѣмъ въ хронологическомъ порядкѣ помѣстить изслѣдованія о народахъ древле обитавшихъ въ Россіи и объ ихъ потомкахъ. Спеціально посвятивъ свои труды изслѣдованію чудскихъ племенъ, Э. И. Эйхвальдъ предлагалъ въ Этнографическій Сборникъ, первою статьею, свое изслѣдованіе о Чудо-Финскихъ племенахъ въ Россіи, начиная съ древнихъ Скиѳскихъ временъ и доходя до настоящаго времени. Въ этой статьѣ онъ обѣщалъ описать древнюю Чудь по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Геродотомъ, Страбономъ, Амміаномъ-Марцелліномъ и другими греческими и латинскими классиками, также византійскими сочинителями, арабскими географами и историками, славянскими лѣтописями и другими новѣйшими источниками западной Европы. За описаніемъ примѣчательнѣйшихъ древностей изъ кургановъ, могилъ и копей Чуди, съ приложеніемъ вѣрныхъ литографированныхъ изображеній, должно было слѣдовать подробное изложеніе разныхъ племенъ древней Чуди, раздѣленіе ихъ на отдѣльные народы и сравненіе ихъ съ нынѣ живущими племенами. При такомъ способѣ изложенія объяснится постепенное развитіе самаго главнаго племени Чуди и образъ жизни новѣйшихъ народовъ, происшедшихъ отъ остатковъ древней Чуди: Зырянъ, Вогуловъ, Вотяковъ, Остяковъ, Финновъ, Кареловъ, Мордвы, Чувашей, Черемисовъ и мн. др.

Мнѣніе это, по постановленію Отдѣленія, доведено было до свѣдѣнія Совѣта Общества; но изъ протоколовъ его не видно, чтобы оно имѣло какія-либо послѣдствія.

Въ 1860 г., въ засѣданіи 19 декабря, д. чл. *Н. П. Лы-*

жинъ вызвался составить извлеченія изъ сочиненій новѣйшихъ иностранныхъ путешественниковъ по Россіи о замѣченныхъ ими характеристическихъ чертахъ и особенностяхъ различныхъ племенъ, обитающихъ въ Россіи [1]). Отдѣленіе просило своего члена представить такія извлеченія; но извлеченій этихъ не явилось.

Наконецъ, въ 1869 г., въ общемъ собраніи 2 апрѣля, предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи *В. В. Григорьевъ* прочиталъ свою статью о новомъ трудѣ д. чл. *Д. А. Хвольсона* „Извѣстія о Хозарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Русскихъ, извлеченныя изъ Абу-Али-Ахмедъ бенъ-Омаръ-ибнъ-Даста, неизвѣстнаго доселѣ арабскаго писателя начала X вѣка“ (Спб. 1869; in 8°, стр. VIII и 199). Эти „извѣстія“ сами по себѣ составляютъ чрезвычайно важное открытіе для древнѣйшей исторіи и географіи Россіи, а обширный комментарій Д. А. Хвольсона, богатый совершенно новыми соображеніями, производитъ можно сказать, рѣшительный переворотъ въ воззрѣніяхъ на многіе вопросы о Славянахъ, Руси, Норманнахъ и т. д. В. В. Григорьевъ, будучи самъ оріенталистъ, замѣчаетъ, что хотя многія изъ объясненій Хвольсона могутъ показаться слишкомъ смѣлыми и рискованными, однако нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ за собою достоинство вполнѣ основательныхъ и почти безспорныхъ, и съ этой стороны является важною услугою для Исторической Этнографіи. Къ числу такихъ пріобрѣтеній для науки В. В. Григорьевъ относитъ чтеніе словъ „Лудзана, Эрзайе, Вабій“, которыя доселѣ объяснялись какъ „Ладожане, Эрзя-Мордва, Данія“, а по доказательствамъ Хвальсона выходитъ, что первыя два слова слѣдуетъ читать „Нурмане и Бярмане“, а послѣднее принимать не за собственное имъ, а за простое прилагательное „нездоровый“ [2]).

Самъ *Д. А. Хвольсонъ* въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи

[1]) Записки, 1861, кн. I, отд. I, стр. 71.
[2]) Извѣстія, 1869, Отд. I, стр. 133–136.

11 апрѣля 1869 г. изложилъ свои соображенія о значеніи имени „Русь“ на основаніи восточныхъ писателей [1]). Извѣстно, что всѣ наши изслѣдователи о происхожденіи Руси, какъ защитники норманскаго, такъ и славянскаго происхожденія Варяговъ, принимаютъ, что имя „Русь“ заимствовано отъ пришельцевъ Варяговъ. Г. Хвольсонъ соображая свидѣтельства арабскихъ писателей IX и X вѣка, упоминающія о Руси, приходитъ къ убѣжденію, что названіе „Руси“ чисто-туземнаго восточно-славянскаго происхожденія и принадлежало нынѣшней Россіи еще до водворенія Варяговъ; а если бы оно было занесено Варягами, то не могло бы распространиться и утвердиться до такой степени, что сдѣлалось извѣстнымъ арабамъ почти вслѣдъ за прибытіемъ Варяговъ. Такое заявленіе возбудило въ Отдѣленіи оживленныя и продолжительныя препія, которыя убѣдительнѣйшимъ образомъ свидѣтельствовали, что изданіе свода древнихъ иностранныхъ извѣстій о Россіи послужило бы къ разъясненію многихъ темныхъ и спорныхъ вопросовъ по Географіи и Этнографіи.

Наконецъ здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о предложеніи чл.-сотр. *Г. В. Мелыунова* издать снимки съ картъ Идриси, арабскаго географа XII вѣка, заявленномъ въ засѣданіи Отдѣленія 23 декабря 1869 г. Отдѣленіе просило д. чл. В. В. Григорьева, В. В. Велямипова-Зернова и Д. А. Хвольсона образовать коммисію для обсужденія сдѣланнаго предложенія [2]).

Такова лѣтопись сужденій, происходившихъ въ Отдѣленіи Этнографіи по вопросу объ изданіи извлеченій изъ древнихъ и средневѣковыхъ иностранныхъ писателей. Хотя это предположеніе неосуществилось, однако оно показываетъ, что Отдѣленіе, признавая историческій методъ основою изученія Этнографіи отечества, изъискивало всѣ средства къ тому.

[1]) Извѣстія, 1869, Отд. I, стр. 180—182.
[2]) Извѣстія, 1870, Отд. I, стр. 54—56.

Что касается помѣщенныхъ въ изданіяхъ Общества статей, заключающихъ въ себѣ извлеченія изъ иностранныхъ путешественниковъ по Россіи, то ихъ было очень немного, а именно:

Въ „Географическихъ Извѣстіяхъ“ 1848 г. стр. 21—23 помѣщено библіографическое описаніе отысканной д. чл. *А. С. Норовымъ* книги Rerum et urbi Amstelodamensium historia, auctore Ioh. Isacio Pontano, изданной въ Амстердамѣ въ 1611 году и содержащей въ себѣ описаніе трехъ первыхъ путешествій Голландцевъ (1594 — 1596 года) къ Русскимъ берегамъ и островамъ Ледовитаго океана. Книга эта не была извѣстна Аделунгу, составившему библіографическое обозрѣніе путешествій въ Россію. Въ ней описаны бытъ страны, поясняемый картинами; снимокъ съ одной изъ нихъ—Vera forma et situs insulae Mauritii приложенъ въ Извѣстіяхъ. На ней изображенъ крестъ съ русскою надписью, въ которой можно разобрать „лѣта ЗПЕ“ т. е. 1575. Островъ Маврикія, по объясненію вице-предсѣдателя Общества Ѳ. П. Литке, въ настоящее время называется „Долгимъ“.

Въ „Запискахъ Общества“ 1847, т. III, стр. 159 — 175 было напечатано письмо венгерскаго путешественника-этнографа *Регули* къ П. И. Кеппену. Оно написано было въ объясненіи составленной Регули карты сѣверной части Урала, при чемъ, основываясь на разности языковъ, опредѣлены границы отдѣляющія одинъ народъ отъ другаго.

Наконецъ во 2-мъ томѣ „Записокъ по Отдѣленію Этнографіи“ 1869 г. стр. 717 — 746 помѣщена статья чл. сотр. *А. Н. Веселовскаго* „Нѣсколько географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о древней Россіи изъ разсказовъ итальянцевъ“. Въ этой статьѣ представлены извлеченія: 1) изъ донесеній и дневниковъ венеціанскихъ посланниковъ въ Персію, проѣзжавшихъ чрезъ Россію въ 1649 и 1673 г.; 2) изъ одной рукописи флорентинской библіотеки, содержащей разсказъ одного генуезца о бытѣ и нравахъ черкесовъ, относящійся къ 1504 г.

и наконецъ 3) изложеніе одной повѣсти, напечатанной въ 1609 г., въ которой разсказаны похожденія нѣкоего итальянца Рокколини, ѣздившаго въ Московію, яко бы по порученію императора Карла V.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Абрамовъ, Н. А., о городищахъ и древностяхъ въ Тобольской губерніи, 53, 92, 97, 100, 102.

Алабинъ, П., изслѣдуетъ Ананьевскій могильникъ близъ Елабуги, 99.

Александровъ-Дольникъ, К. О., составляетъ карту Воронежскаго края въ XVII вѣкѣ, 53.

Амуръ, рѣка, 53, 132.

Ананьинскій могильникъ, близъ Елабуги. 99.

Андреевскій, И. Е., извлеченіе свѣдѣній о Россіи изъ Сѣверныхъ источниковъ, 142.

Аристовъ, Н. Я., о важности преданій о кладахъ, 70, 71.

Арсеній Изащенковъ, іеромонахъ, о Черномъ лѣсѣ въ Херсонской губ., 98, 99.

Артемьевъ, А. И., членъ Коммисіи: объ изданіи Писцовыхъ книгъ, 37; для разбора конкурсныхъ сочиненій о книгѣ Большаго Чертежа, 55.

Архангельская губ., 72, 74.

Археографическая Коммисія, мнѣніе объ изданіи Писцовыхъ книгъ вообще, 17, 26; издаетъ Новгородскія и Ижорскія Писцовыя книги, 31—33; сношеніе Общества съ Коммисіею по поводу изданія Писцовыхъ книгъ, 41.

Астраханская губ., 62, 71, 127.

Атласовъ, В. А., покоритель Камчатки, 132.

Барсовъ, Н., его словарь древней русской географіи, 106.

Бахваловскій, — извлеченіе свѣдѣній изъ Тацита, 142.

Бековичъ-Черкасскій, Кн., его походъ въ Хиву, 126.

Беневени, Флоріо, посланецъ въ Бухару при Петрѣ Великомъ, 127.

Бэръ, К. М., этнографическія изслѣдованія въ Россіи, 4; о древнѣйшихъ обитателяхъ Европы, 100, 101; знакомство Русскихъ съ Азіею, 114—116; 146.

Бестужевъ-Рюминъ, К. Н., колонизація Великорусскаго Племени, 107.

Блудовъ, графъ Д. Н., издаетъ таблицу сошнаго письма, 21.

Бошинскій, извлекаетъ свѣдѣнія изъ Іорнанда, 145.

Броссе, М. И., о географическомъ атласѣ Грузіи, 131.

Бурнашевъ, его поѣздка въ Хиву, 131.

Бутеневъ, П. О., первобытные жители сѣверной Россіи, 102.

Бухара, 116, 126, 127, 128, 134.

Бушенъ, А. Б., мнѣніе объ изданіи Писцовыхъ книгъ, 37; членъ Коммисіи по этому вопросу, 38, 40; изслѣдованіе о древней Югрѣ, 93, 94.

Вѣляевъ, П. Д., о Новгородскихъ пятинахъ, 13; обзоръ книгъ сошнаго письма, 22; о географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Руси, 77—83, 123; о городахъ въ XV вѣкѣ, 85.

Вельяминовъ-Зерновъ, В. В., о картахъ Идриси, 150.

Вернадскій, И. В., о старинныхъ описаніяхъ городовъ, 25.

Веселовскій, А. Н., о древнихъ путешествіяхъ итальянцевъ въ Россію, 151, 152.

Вешняковъ, В. П. мнѣніе объ изданіи Писцовыхъ книгъ, 36, 37.

Виленская губ., 49.
Вильсонъ, И. П., мнѣніе объ изданіи Писцовыхъ книгъ, 36, 37, 40.
Витебская губ., 44, 62.
Владимірская губ., 25, 44.
Вологодская губ., 96, 97, 100.
Волынская губ., 49.
Воронежская губ., 53, 83—88.
Востоковъ, А. Х., объ атласѣ Сибири, 59.
Второвъ, Н. И., составляетъ карту Воронежскаго края въ XVII стол., 53.
Вятская губ., 99.

Гагемейстеръ, Ю. А., о Писцовыхъ книгахъ, 40.
Гарберъ,—его поѣздка въ Хиву и Бухару, 134.
Гельмерсенъ, П. А., о путешествіи Незнаева во Ходбо, 133.
Геннади, Г. Н., о картахъ рѣки Дона, 96.
Германовъ, Г., постепенное заселеніе Воронежской губ., 83—88.
Гирсъ, А. К., о Писцовыхъ книгахъ, 30.
Гіуенъ Тсанъ (Сюань-Цзанъ), китайскій путешественникъ въ Индію, 91.
Голубковъ, П. В., пожертвованіе на переводъ Азіи Риттера, 8.
Городища, 49, 53, 72, 92; 99, 105.
Григорьевъ, В. В., переводитъ землевѣдѣніе Риттера, 3; работаетъ вмѣстѣ съ Надеждинымъ, 23; о путешествіи Гарбера въ Хиву, 134, объ изслѣдованіяхъ Хвольсона, 149; о картахъ Идриси, 150.
Гродненская губ., 49, 93, 94.
Гуляевъ, С. И., о древностяхъ въ Киргизской степи, 53.
Гутри, М., о древностяхъ славянскихъ, 122.

Де-Лиль, І. Н., путешествіе въ Сибирь, 130, 131.
Дестунисъ, Г. С., извлеченіе извѣстій о Россіи изъ Классиковъ, 141; планъ этого извлеченія, 143.
Дмитріевъ, М., древности Новогрудка, 97, 98.
Дмитрюковъ, А., Городища и курганы въ Курской губ., 53, 92.
Добротворскій, А., древности Кременца, 90.
Добрыня-Ядрейковичъ, путешественникъ, 82.
Донъ рѣка, 96.
Древнѣйшіе обитатели Европы, 100, 102, 103.
Дунай рѣка, 5, 94.
Дыминскій, А. П., о городищахъ и курганахъ Подольской губ., 105.

Евгеній, митрополитъ, о пятинахъ Новгородскихъ, 13.
Енисейская губ., 92.
Ефремовъ, Ф., путешествіе въ Индію, 117.

Заблоцкій-Десятовскій, А. П., исторія развитія Статистики въ Россіи, 6; о Писцовыхъ книгахъ, 11, 36, 37.
Замысловскій, Е. Е., замѣчанія на географическій словарь Барсова, 106.
Звѣринскій, В. В., о спискѣ мѣстностей, носящихъ названія: Городокъ, Городище, и т. п., 72.
Зосима, іеродіаконъ, путешественникъ, 82.

Ибнъ-Хордадбегъ, арабскій писатель о торговлѣ Русскихъ, 123, 124.
Иванинъ, М. П., о Закамскихъ линіяхъ, 43, 89.
Ивановъ, П. П., обозрѣніе Писцовыхъ книгъ, 25; описаніе городовъ Московской губ., 25; Писцовая книга Казани, 26; Писцовыя книги въ архивѣ Министерства Юстиціи, 28, 29.
Игнатій, діаконъ, путешественникъ, 84.
Индія, 82, 91, 117, 124, 126.
Исидоръ, митрополитъ, его путешествіе, 82.

Кавелинъ, К. Д., редакторъ Этнографическаго Сборника, 20; составляетъ обзоръ этнографическихъ матеріаловъ въ Обществѣ, 118.
Казанская губ., 26, 29, 45, 62, 89.
Казанскій, Е., о мѣстечкѣ Березвечѣ, 53.
Каземъ-бекъ, мирза А. К., предлагаетъ задачу на конкурсъ, 49.
Калачовъ, Н. В., о значеніи Писцовыхъ книгъ и необходимости ихъ изданія, 33—35; принимаетъ на себя редакцію изданія Писцовыхъ книгъ, 43—45; въ коммиссіи о возстановленіи карты Большаго Чертежа, 66; изслѣдованіе объ украйнахъ и засѣкахъ въ XVII стол., 70.
Калужская губ., 45.
Камчатка, 115, 132.
Карпаты, 5, 20.

Карты географическія. 50, 53, 58, 59, 60, 61, 62, 64, 70, 71, 96, 131, 136.
Каспійское море, 115, 116, 125, 127.
Касторскій, М. П., извлекаетъ свѣдѣнія изъ Страбона, 142, 144.
Кемпцъ, объ успѣхахъ землевѣдѣнія въ XVIII стол., 6.
Кеппенъ, П. И., хронологическій указатель объ инородцахъ, 145; переписка съ Регули, 151.
Кіевская губ., 53, 96.
Клеммъ, Г., о первообразныхъ орудіяхъ употребляемыхъ человѣкомъ, 103.
Книга Большаго Чертежа, 4, 10; время ея составленія, 45—47; задача предложенная Обществомъ о возстановленіи карты Большаго Чертежа, 48 - 61; сочиненія представленныя на эту задачу, 54—58; упомянается, 76, 113, 115;
Колошинъ, Н. Н., предлагаетъ задачу на конкурсъ, 49.
Колпаковскій, Г. А., объ остаткахъ строеній въ озерѣ Иссыкъ-кулѣ, 108.
Коркуновъ, М. А., о древней географіи Псковскаго и Бѣлозерскаго княжествъ, 23; объ изданіи Писцовыхъ книгъ, 25, 31; о задачѣ Яновскаго о происхожденіи Руси, 104.
Корниловъ, П. П., о Писцовыхъ книгахъ, 40.
Костомаровъ, Н. И., объ отношеніи Русской исторіи къ этнографіи и географіи, 101.
Костровъ, Кн.; о каменныхъ изваяніяхъ въ Енисейской губ., 53, 92.
Костромская губ., 44, 49.
Котовъ, Ѳ. А., старинный путешественникъ, 65.
Кояловичъ, М. О., о Писцовыхъ книгахъ, 40, 66.
Краевскій, А. А., редакторъ Вѣстника Общества, 23.
Кропотовъ, Д. А., объ изданіи Писцовыхъ книгъ, 37; членъ коммисіи по этому предмету, 38; объ областномъ дѣленіи Россіи въ XVII стол., 65, 66.
Куклинскій, Г. С., представляетъ карты составленныя по книгѣ Большаго Чертежа, 66 -69.
Куникъ, А. А., о древнихъ границахъ между Россіею и Швеціею, 64; членъ коммисіи о картахъ по книгѣ Большаго Чертежа, 66.
Купріяновъ, доставляетъ матеріалы для древней географіи Новгорода, 22.
Курская губ., 29, 53, 92.

Ламанскій, В. И., о старинной русской картографіи, 61; представляетъ древніе чертежи, 62, 63, 64; даетъ отзывъ о представленныхъ картахъ, 65.
Ланноа, рыцарь XV вѣка, посѣщавшій Россію, 137, 138.
Лебедевъ, Г. С., путешественникъ въ Индію, 117.
Лерхе, И. И., изслѣдуетъ Апанынинскій могильникъ, 99; о развалинахъ въ Сыръ-Дарьинской области, 107, 108.
Ливы, 91, 92.
Литва, 49, 81, 83, 138.
Литке, Графъ Ѳ. П., о разработкѣ географическихъ матеріаловъ въ разныхъ архивахъ, 3, 112, 151.
Лопская земля. 72, 74, 75, 144.
Лыжинъ, Н. И., извлеченіе изъ иностранныхъ путешествій по Россіи, 148, 149.
Любичъ-Романовичъ, В. П., предлагаетъ задачу на конкурсъ, 49; переводитъ дневникъ Гарбера, 134.

Майеръ, опись Каспійскаго моря, 114.
Майковъ, Л. Н., членъ коммисіи объ изданіи Писцовыхъ книгъ, 38.
Макарій, епископъ Орловскій, о Верхотурьѣ и Ѳеропонтовомъ монастырѣ, 92.
Максимовичъ, М. А., городовые полки и сотни въ Малороссіи, 95, 96.
Маленькій, С., посланецъ въ Индію, 116.
Маркевичъ, Н. А., о поселеніяхъ по рѣкамъ въ Полтавской губ., 89.
Марко-Поло, итальянскій странствователь, 125.
Махвичъ-Мацкевичъ, А, І., предлагаетъ издать вновь путешествіе Аѳанасія Никитина, 126.
Мельгуновъ, Г. В., переводитъ дневникъ Гарбера, 134; о картахъ арабскаго географа Идриси, 150.
Мельниковъ, П. П., изслѣдованіе о Мордвѣ, 136, 137.
Миддендорфъ, А. Ѳ., о Сибирскомъ атласѣ Ремезова, 58, 59, 60, 132.
Милютинъ, В. А., о Писцовыхъ книгахъ, 26; составляетъ сводъ этнографическихъ свѣдѣній изъ историческихъ памятниковъ, 110, 129.
Минская губ., 97.
Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь, возобновленіе книги Большаго Чертежа, 46.
Московская губ., 12, 25, 44, 55, 62.

Надеждинъ, Н. П., объ изученіи Русской Народности, 5; о переводѣ Азіи Риттера, 8; составляетъ этнографиче-

скую программу. 18; редактируетъ Этнографическій Сборникъ, 20; о мѣстѣ сраженія на рѣкѣ Сити, 20; о древнихъ русскихъ городахъ, 21, 80; предлагаетъ задачу о возстановленіи карты Большаго Чертежа, 48; занимается сводомъ этнографическихъ свѣдѣній изъ историческихъ памятниковъ. 118—120; о народныхъ миоахъ въ отношеніи къ географіи и этнографіи, 121 — 123; 129; 139.

Небольсинъ, П. И., предлагаетъ задачи на конкурсъ, 49.

Неволинъ, К. А., о межеваніи въ Россіи и важности Писцовыхъ книгъ, 12; о Новгородскихъ пятинахъ и погостахъ, 13; участвуетъ въ составленіи этнографической программы, 8; о древнихъ городахъ въ Россіи, 20, 30, 40; предлагаетъ задачу о возстановленіи карты Большаго Чертежа, 48; разсматриваетъ сочиненія представленныя на конкурсъ, 51, 129.

Незнаевъ, А., его путешествіе въ Хобдо, 133.

Нижегородская губ., 45, 136.

Никитинъ, Аоанасій, — его хожденіе за три моря, 92, 124; предложенія о новомъ изданіи его путешествія, 124, 126.

Новгородская губ., 12, 14, 16, 22, 81, 82, 92, 137.

Новгородскія пятины, 12, 13, 14, 15, 21, 44, 45, 83.

Новошадкій, С., о древностяхъ Кременца, 90.

Норовъ, А. С., о путешествіи Голландцевъ въ Ледовитый Океанъ, 151.

Огородниковъ, Е. К., о Мурманскомъ и Терскомъ берегахъ по книгѣ Большаго Чертежа, 72—76.

Олонецкая губ., 44, 62, 102.

Оренбургская губ., 97.

Орловская губ., 29, 45, 53, 98.

Орловъ-Давыдовъ, графъ В. П., владѣлецъ старинаго села Усолья въ Симбирской губ., 31.

Остенъ-Сакенъ, баронъ Ѳ. Р., членъ коммисіи о Писцовыхъ книгахъ, 38; о программѣ описанія городищъ, 106; о развалинахъ въ озерѣ Иссыкъ-куль, 108.

Пекарскій, П. П., о путешествіи Делиля въ Березовъ, 131.

Пензенская губ., 62.

Пермская губ., 45, 92, 93, 101.

Персія, 98, 127.

Петровъ, П. Н., о сношеніяхъ Россіи съ Хивою и Бухарою, 134.

Петръ Великій, императоръ, его заслуги по Географіи, 114.

Пименъ, митрополитъ, путешественникъ, 82.

Писцовыя книги, 6, 10, 11, 16; мнѣніе Археограф. Коммисіи объ изданіи ихъ, 17; изданіе книгъ Географ. Обществомъ, 37—40, 42—45, 117.

Поволжье, 31, 49, 62, 71.

Погодинъ, М. П., о городахъ и границахъ удѣльныхъ княжествъ, 21, 80.

Подольская губ., 89, 105.

Полтавская губ., 89.

Полуденскій, М. Н., о старинныхъ картахъ рѣки Дона, 96.

Поповъ, А. Н., участвуетъ въ составленіи свода этнографическихъ свѣдѣній изъ историческихъ памятниковъ, 120; о сношеніяхъ Россіи съ Хивою и Бухарою, 126—128.

Поспѣловъ, его поѣздка въ Ташкентъ, 131.

Преображенскій, В. А., замѣчанія о древней географіи Тверской области, 81.

Принтцъ, А. Г., поѣздка въ Хобдо, 133.

Псковская губ., 25, 44, 62, 81, 102, 137.

Пѣтуховъ, Д. А., о замѣчательностяхъ города Дедюхина и его округа, 101, 102.

Раевскій, М. Н., членъ коммисіи по изданію писцовыхъ книгъ, 38.

Регули, венгерскій путешественникъ въ Россіи, 151.

Ремезовъ, С., составитель атласа Сибири въ XVII в., 8, 9.

Риттеръ, К., переводъ его землевѣдѣнія Азіи, 8, 9; о свайныхъ постройкахъ въ Швейцаріи, 103.

Сабуровъ, П. А., о древней географіи Черноморскихъ береговъ, 142.

Савваитовъ, П. И., объ изданіи Писцовыхъ книгъ 36, 37, 40; членъ коммисіи о картахъ по книгѣ Большаго Чертежа, 66; представляетъ чертежъ устья Волги въ XVII в., 71, 72; о распространеніи христіанства въ Вологодской губ., 96.

Савельевъ, П. С., членъ коммисіи о сочиненіяхъ на задачу о книгѣ Большаго Чертежа, 55; о Средней Азіи 113; объ источникахъ книги Большаго Чертежа 114, археологическія раскопки 130; составляетъ программу для описанія инородцевъ 136; о путешествіи

рыцаря де-Ланноа въ Россію, 137, 138; объ изслѣдованіи Траутфеттера о Свевахъ, 139, 143.
Салтыковъ, князь А. Д., путешествіе въ Индію, 117.
Самарская губ. 89.
Санктпетербургская губ., 32, 74, 100.
Саратовская губ., 56.
Свенске, К. Ѳ., обзоръ путешествій и географическихъ открытій, 128.
Селезневъ, представляетъ рукописныя карты Россіи, 64.
Семевскій, М. И., о Торопцѣ, 102.
Семеновъ, П. П., переводитъ землевѣдѣніе Риттера 2: въ коммисіи о составленіи карты по книгѣ Большаго Чертежа, 69; о развалинахъ въ озерѣ Иссыкъ-куль, 109.
Сибирь, 53, 58, 59, 60, 92, 97, 100, 102, 115, 130, 131, 132.
Симбирская губ., 31, 70.
Скачковъ, К. А., о заслугахъ Марко-Поло, 125.
Смирновъ библіографія путешествій по Россіи, 145.
Смоленская губ., 44.
Соколовъ, А. И., о Таймурскомъ полуостровѣ, 43, 131; морская опись Камчатки, 132.
Сошное письмо, 21, 22.
Спасскій, Г. И., объ Амурѣ въ XVII ст. 53, 132; о чертежѣ Сибири 59; изданіе книги Большаго Чертежа 68, 74; о покореніи Камчатки, 132.
Спафарьевъ, М., о горѣ Шатрищѣ, 53.
Средняя Азія, 9, 91, 114, 132.
Срезневскій, И. И., его статья о Надеждинѣ 119; занимается географіею русскаго языка, 120; о давности сношеній Россіи съ Азіею, 123, 124; о хожденіи Аѳанасія Никитина, 125, 146.
Стаховичъ, М. А., о Елецкомъ уѣздѣ, 98.
Стефанъ, Новгородецъ, путешественникъ, 82.
Струве, В. Я., о путешествіи Кенигфельса и де-Лиля въ Березовъ, 130.
Суходольскій, Л., о водвореніи христіанства въ Оренбургскомъ краѣ, 97.
Сѣверный океанъ, 4, 73, 93, 128, 132.
Сюань-Цзанъ, Китайскій путешественникъ, 91.

Тверская губ., 20, 44, 51, 62, 82.
Тернеръ, Ѳ. Г., о Писцовыхъ книгахъ, 40.
Тобольская губ., 53, 92, 97, 102, 130.
Траутфеттеръ, П., его изслѣдованія о Свевахъ, 139—141.
Трехлѣтовъ, Е. В., собиратель рукописей, 22.
Тройонъ, Ф., о свайныхъ постройкахъ, 103.
Тульская губ., 129, 145.
Туркестанскій край, 107, 108.

Уфимская губ., 89.
Хвольсонъ, Д. А., извѣстія арабовъ о славянахъ, 149; о картахъ Идриси, 150.
Херсонская губ., 98, 99.
Хива, 116, 126, 127, 128, 134.
Ходаковскій, Б., о пятинахъ Новгородскихъ, 15;
Хрущовъ, Н. П., о свайныхъ постройкахъ въ Швейцаріи, 103.

Царскій, И. Н., доставляетъ таблицу сошнаго письма, 21.

Шведъ, И., о древнихъ изваяніяхъ на береговыхъ гранитахъ Онежскаго озера — Бѣсъ и Бѣсиха, 53.
Шегренъ, объ остаткахъ древнихъ Ливовъ. 91.
Шопенъ, И. И., извлеченіе изъ армянскихъ писателей о Кавказѣ, 142; извлеченія изъ арабскаго географа Идриси, 144.
Штукенбергъ, И. О., объ отласѣ Сибири Ремезова, 59.

Эйхвальдъ, Э. И., въ коммисіи о сочиненіяхъ на задачу о книгѣ Большаго Чертежа 45; объ изслѣдованіяхъ Траутфеттера 139, 143; о Чудскихъ племенахъ 147.

Югры, 10, 13.
Юрловъ, доставляетъ чертежъ урочищъ съ кладами, 71.

Языковъ, Д. И., о пятинахъ Новгородскихъ, 13.
Яновскій, А. Г., предлагаетъ задачи на преміи, 49, 103—105.
Ярославская губ., 20, 44.
Ятвяги, 10.

Ѳеодоръ Алексѣевичъ, царь, исправленіе книги Большаго Чертежа, 47.
Ѳеодоръ Борисовичъ, царевичъ, карта ему приписываемая, 50.
Ѳеодоръ Іоанновичъ, царь, составленіе Большаго Чертежа, 47.

30197

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе 3

I. Разработка свѣдѣній по памятникамъ отечественнымъ 11

А. Писцовыя книги 11

Б. Книга Большаго Чертежа 45

В. Разныя частныя статьи 76

II. Разработка свѣдѣній, извлекаемыхъ изъ путешествій 111

А. Обзоръ путешествій русскихъ людей въ чужія земли 112

Б. Обзоръ сказаній иностранцевъ о русской землѣ 35

ПОПРАВКА.

	Напечатано:	Читай:
На стр. 151, строка 16 сверху	„ЗШЄ“	„ЗШГ“

ц. 50к

32066